ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Жан ДЕЛЮМО
Джеймс Джордж ФРЕЗЕР

ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЖАСА

Одни из самых навязчивых страхов – страхи перед иррациональными и потусторонними силами, характерные для всей истории человечества.

ФИЛОСОФСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Жан ДЕЛЮМО
Джеймс Джордж ФРЕЗЕР

▪

ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЖАСА

▪

АЛГОРИТМ
Москва 2009

УДК 159.9
ББК 88.3
Д 29

Оформление серии *М. Медведь*

Делюмо Ж.

Д 29 Идентификация ужаса / Жан Делюмо, Джеймс Джордж Фрезер ; [пер. с фр. А. Александрова, Н. Епифанцевой, И. Иткина, С. Фокина ; пер. с англ. М. Рыклина]. — М. : Алгоритм, 2009. — 240 с. — (Философский бестселлер).

ISBN 978-5-9265-0656-0

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Одни из самых навязчивых страхов — страхи перед иррациональными и потусторонними силами. Ж. Делюмо и Д. Фрезер в своих работах анализируют именно такие страхи, характерные для всей истории человечества.

Ужас перед призраками, живыми мертвецами, ведьмами и колдунами, дьяволом и демонами долгое время господствовал в обществе, продолжает он жить и сейчас. Ж. Делюмо и Д. Фрезер с разных точек зрения показывают эволюцию этого ужаса, делают попытку идентифицировать его, а также выяснить причины его необыкновенной устойчивости.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-9265-0656-0

ВВЕДЕНИЕ

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Миллионы людей в течение всей своей жизни подвержены страхам. Они живут в постоянном нервном напряжении. Их нервная сила истощена. И в какой-то момент наступает нервный срыв.

Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную стороны жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности — обеспечивать себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душит воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношениях с другими людьми.

Страх опасен тем, что он живет в подсознании человека, где его нелегко обнаружить. Если страх проявляет себя острой головной болью, то он более подавлен, потому что в таких случаях от него можно как-то избавиться. Но чаще всего он подкрадывается к человеку, как вор в ночи, проникая в мозг и мешая ему нормально функционировать.

Страх заключается в чувстве внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Все, что нас окружает и что окружаемо нами, — страхогенично. Он расширяет зрачки («у страха глаза велики»), не знает прищура, входя или исходя через нас, оставляет следы-запятые, вплоть до дрожания рук, коленок и заикания. И даже афазии, эпилептической контрактуры. Но где он сам?

Страх — стремнина аффекта, стеснение дыхания. Фрейд исходит из этимологии: angst — angustiae — «теснота», «теснина». Стесняющие обстоятельства, родовая травма, страх не родиться, не прорваться на свет из стесняющей материнской утробы (слышится — гроба). Этот ужас нерождения или смерти до жизни учреждает нашу психику и в страхе возобновляем.

Но страх может быть и заказан. Операторы страха надежны. В структуре страха нет места сбоям. К числу патологических страхов относятся такие, которые характеризуются отсутствием психологической обоснованности или чрезмерной интенсивностью, длительностью, не соответствующих силе вызвавшей их причины...

Страх охраняет прерывность, но, гранича с бесстрашием непрерывности, хочет себя прервать в пользу сверхчеловеческого. Страх — «скованная свобода», отсроченная. Любим поэтому и лелеем свой страх в мечтательном мареве собственных дней. Рождены в страхе и страх порождаем. Не отнять у ребенка жадного вхождения в страх, в приключения ужасные и загадочные, сладостное превозможение, утреннее пробуждение после жуткого сна. Страх разрешает попробовать еще раз. Страх ведет к повторению, повторению удовольствия. Самое что ни на есть жизненное. Но и чреват различием, изменением до неузнаваемости. В мутной глубине страха — смерть, ничто.

В глубине нашего страха — страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить. Отпущенная с одной (не своей) целью, сущность человеческая блуждает в поиске собственного утверждения и смысла, но пустота вокруг. Оставленная нами фактом рождения не оставляет нас. Брошенная позади уже обернулась и грозит из будущего с первых же пульсаций самосознания, фигур мышления, а главное, с первых столкновений со смертью.

«Человеческий ум не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» (Кальвин). Каждый — кузнец своих страхов своей пустоты. Нужен аффект, катастрофа, чтобы вызволить из пустоты контур видения. Чем сильнее страх, тем круче, чем безысходней пустота, тем ярче вспышка фантома. Дозы страха и пустоты растут, достигая опасной зоны регрессии, в которой приоткрывается пустота страха в своей депрессивной бесчеловечности.

А. Демичев

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ И ПРИВИДЕНИЯ

(Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

...Раньше полагали, что прошлое не исчезает по-настоящему, оно в любой момент может вернуться и угрожать жизни. В общественном сознании не было четкого разделения между жизнью и смертью. Еще в XVII веке юристы рассуждали о том, может ли на трупе выступать кровь в присутствии убийцы, выдав его таким образом правосудию. Так, в своем «Трактате о появлении духов», изданном в 1600 году, теолог монах Ноэль Тайельс категорично заявляет: «Если разбойник приблизится к телу человека, которого он порешил, мертвец покрывается пеной, потом и проявляет некоторые другие признаки».

В манускрипте XV века рассказывается, что некий человек имел привычку, проходя мимо кладбища, читать молитву за упокой усопших. Однажды на него напали его самые лютые враги. Он бросился бежать к кладбищу, и мертвецы поднялись из могил на его защиту, каждый был вооружен тем орудием труда, которым он пользовался при жизни. Увидев все это, нападавшие убежали в ужасе и изумлении. Вскоре в одной из хроник появляется подобная история: некий священник ежедневно читал псалом «Из бездны взываю к тебе, Господи». Завистники, считая это дело слишком прибыльным, донесли на него епископу. Тот повелел запретить эту службу. Но однажды, когда он был на кладбище, на него набросились мертвецы. Для сво-

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

его спасения епископ обещал им разрешить мессу по умершим.

Конечно, это не что иное, как свидетельство веры в загробную жизнь. В связи с этим можно задаться вопросом по поводу тени отца Гамлета у Шекспира и ожившей статуи Командора у де Молина: как воспринимали зрители того времени этих персонажей — как фантазию авторов или же как существующую реальность? И уж совсем категоричен по поводу загробной жизни теолог Ноэль Тайепье:

«Когда дух умершего появится в доме, собаки жмутся к ногам хозяина, потому что они сильно боятся духов. Случается, что с постели сдернуто одеяло и все перевернуто вверх дном или кто-то ходит по дому. Видели также огненных людей, пеших и на коне, которых уже похоронили. Иногда погибшие в битве, равно как и мирно почившие у себя в доме, звали своих слуг, и те узнавали их по голосу. Часто ночью духи ходят по дому, вздыхают и покашливают, а если их спросить, кто они, то называют свое имя».

Возможность появления привидений интерпретировалась двояко. «Толкование привидений «по горизонтали» (согласно Е. Ле Руа-Ладюри, известному в свое время естествоиспытателю), в сущности, базировалось на вере в загробную жизнь двойника» (по выражению Е. Морена): усопший — телом и душой — продолжает некоторое время жить и может возвращаться на место своего земного обитания. Другая концепция, трансцендентная, «по вертикали» разрабатывалась официально теологами того времени и пыталась объяснить привидения (это слово, кстати, не употреблялось в то время) игрой воображения и спиритических сил. Аргументацию этого феномена, представленную в обширных трудах Пьера Ле Луайе, можно найти у всех демонологов того времени. Сначала проводится

грань между фантомом и призраком. Первый — это плод больного и меланхолического воображения, возникающий вследствие самовнушения и не отражающий действительность. Второй — наоборот — плод здорового воображения в виде бестелесной субстанции, которая предстает перед перепуганными людьми наперекор всем законам природы.

* * *

Но у церкви появляется новый противник в этом вопросе, которого следует уничтожить, — это протестантство. Цюрихский пастор Лоис Лаватер в своем сочинении, изданном в 1571 году, вообще отрицает возможность появления на Земле душ умерших. Это отрицание является следствием отрицания реформаторской церковью чистилища. Лаватер рассуждает так: есть только два места — рай и ад, куда попадают души умерших. Попавшие в рай не испытывают надобности в помощи живых, а те, кто попал в ад, никогда оттуда не выйдут, и им уже ничем нельзя помочь. Отчего же душам умерших противиться своей участи: одним — покоя, другим — мучений?

Католикам оставалось лишь саркастически не признавать подобные рассуждения. В свою очередь, они пытаются логически обосновать верование древних в присутствие усопших среди живых и ищут подтверждение этому в Священном Писании и свидетельствах св. Августина и св. Амбруаза. Господь может разрешить умершим появиться в своем прежнем облике среди живых. Он может также позволить ангелам, летающим между небом и землей, принять людской облик. В этом случае их тела не что иное, как сгущенный воздух. Что касается демонов, то и они могут появляться среди людей, создавая себе тело

из воздуха, подобно ангелам, или же вселяясь в тела умерших и во всякую падаль. Это поверье объясняет стихи Ронсара и Дю Белле, где говорится о колдунье на кладбище, а также стихи Агриппы д'Обинье, посвященные некой Эрини. Этот персонаж олицетворяет ведьм вообще и самую одиозную из них — Екатерину Медичи.

«Ночью она по жутким кладбищам блуждает. Могилы истлевших мертвецов без страха отверзает. Затем, вдохнув в останки силу дьявола, ужасным призракам ходить повелевает».

Все эти появления духов происходят по воле Божьей и во благо живых. Если в теоретическом плане возможность жизни после смерти была отброшена как ошибочная, то в богословии она вновь заняла свое место. Души усопших могут появляться среди живых, чтобы донести до них спасительную весть. Призраки приходят просить у Церкви милости молиться за них и вызволить их из геенны или же ходатайствовать о лучшей жизни для живых.

Показательна в этом плане Книга заклинаний середины XV века (около 1450 года) настоятеля из Турнэ. В ней содержится, кроме прочего, два опросника, предназначенных для окаянных душ и душ из преисподней.

«Душе из чистилища:

1. Чей ты есть (или был) дух?

2. Долго ли ты находишься в преисподней?..

3. Что было бы тебе на пользу?

4. Почему ты появился здесь и почему ты появляешься здесь чаще, чем в других местах?

5. Если ты добрый дух, страждущий Божьей милости, почему ты принимаешь, как свидетельствуют, обличье разных зверей и животных?

6. Почему ты появляешься в определенные дни?

Окаянной душе:

1. Чей ты есть (или был) дух?

2. Почему ты осужден на вечные муки?

3. Почему ты приходишь, как свидетельствуют, чаще всего на это место?

4. Будешь ли ты запугивать живых?

5. Желаешь ли ты проклятия странникам? (Все мы на этом свете странники.)

6. Что ты выбираешь: небытие или муки в геенне?

7. Какие адские муки самые страшные?

8. Является ли проклятие, то есть лишение зреть Господа Бога, более мучительным, чем чувственные страдания?»

* * *

Богословский спор о привидениях проливает свет на этнографию другого поверья, распространенного в классической Европе. Это поверье сводится к следующему: после кончины умершие в течение какого-то времени продолжают жить примерно так же, как и до смерти. Они возвращаются в свой дом, иногда чтобы навредить. В Моравии считается вполне обычным видеть душу умершего за столом в компании своих знакомых. Не произнося ни слова, он кивком головы указывает на того, кто непременно должен умереть следующим. Умершего следует откопать и сжечь, чтобы избавиться от его привидения. В некоторых районах Богемии от привидений, путающих деревенских жителей, избавлялись так умерших, на которых пало подозрение, откапывали и пригвождали колом к земле. В Силезии полагали, что призраки бывают ночные и дневные. Вещи, которые им принадлежали, начинают перемещаться сами по себе. Единственный способ избавиться от этих привидений — это обезглавить и сжечь умершего, чьим призраком они являются.

В Сербии привидения бывают вампирами, пьющими кровь из шеи своей жертвы, которая умирает от изнеможения. Когда откапывают могилу умершего, которого подозревают в загробных злодеяниях, то находят их как живыми, с «алой» кровью. Им отрубают голову, обе части тела вновь кладут в могилу и заливают ее гашеной известью.

В конце 1700 года жителей Микен охватила паника. Некий крестьянин, известный своим злобным и вздорным норовом, был таинственным образом убит. Покинув могилу, он стал возмущать спокойствие острова. Десять дней спустя после похорон при всем народе его откопали, мясник не без труда вырвал ему сердце, и оно было сожжено на площади. Но привидение продолжало наводить ужас на жителей острова. Священники говели, провели крестный ход. Тело умершего снова откопали, положили на повозки, и оно стало биться и вопить. Наконец его сожгли, и тогда прекратились «злодеяния привидения».

Страх вампиров был распространен в Румынии, стране Дракулы. Английский путешественник отмечает в 1828 году: «Если человек умирает насильственною смертью, на месте его гибели воздвигают крест, чтобы погибший не превратился в вампира».

В начале XVIII века некий монах при посещении небольшой епархии Сенез с тревогой заметил, что в горах практикуется ставить на могилу умершего облатки и молоко в течение года после смерти.

Приехав в 1794 году в Финистер, Камбри отмечает: «Как здесь полагают, в полночь мертвецы поднимают веки. Никто не осмелится в округе мести пол ночью. Считается, что этим выметают из дома счастье, что ночью усопшие ходят по дому и что метлой их можно задеть и прогнать». Бретань, с точки зрения изучения места привидений в прошлой цивилизации, представляет большой интерес. «Не успели вбить последний

гвоздь в крышку гроба умершего, как его уже видели стоящим около изгороди своего дома», — пишет Браз в «Легенде о смерти» и далее уточняет: «Усопший сохраняет свою материальную форму, внешность, характер, а также повседневную одежду. Раньше в этой провинции считалось, что днем земля принадлежит живым, а ночью мертвым. Кроме того, в Бретани верили, что усопшие составляют особое сообщество, носившее имя «Анаон», где множественность означает коллективное единство. Его члены пребывают на кладбище, но под покровом ночи они возвращаются на место своего земного обитания. Именно поэтому нельзя подметать пол ночью. Души умерших собираются три раза в год: под Новый год, вечером на Святого Иоанна и вечером праздника всех Святых — в эти дни можно видеть, как процессии привидений направляются к месту сбора. Особая роль отводилась «Анку» — последнему умершему в этом году человеку, который весь следующий год был «жнецом» и с косой смерти за плечами собирал свой жуткий урожай, увозя его на скрипящей повозке.

* * *

Среди сложных, вернее, противоречивых ритуалов поведения по отношению к умирающему и умершему многие безусловно продиктованы сверхъестественным страхом. К примеру, во многих местах был распространен обычай выливать воду из сосудов в доме или хотя бы в комнате покойника. Это действо рассматривалось церковниками как нехристианское; так, в Бразилии инквизиция находила в этом обычае доказательство неверности адептов христианству и возврат к иудаизму. Что же означал этот обычай? Возможно, то, что душа, омыв себя водой, перед тем как отлететь на небо, загрязнит грехами воду, находящуюся

в доме. Или же этим действом хотели не дать душе утонуть, если ей вздумается попить или посмотреться в воду. Не по этой ли причине закрывают зеркала в доме покойника?

Оба объяснения приемлемы. Во всяком случае, считалось, что необходимо облегчить кончину, чтобы душа усопшего не задерживалась в нем. В Перше во времена священника Ж.-Б. Тьера кровать умирающего ставили вдоль потолочных балок, чтобы они не мешали уходу из жизни. В Берри у кровати умирающего раскрывали полог. В Лангедоке в крыше дома вынимали черепицу, чтобы не мешать полету души, или с той же целью на лицо умершего капали воск и масло.

В обычаях, связанных с привидениями, много противоречий: одни из них служат для того, чтобы облегчить привидению поиски дороги домой; другие же, наоборот, направлены на то, чтобы помешать привидению найти дорогу домой или на свое поле. Но и те и другие предполагают загробную жизнь. В Перше во время похоронной процессии на перекрестках ставили кресты, чтобы покойник не заблудился по дороге домой. В вандейском местечке Бокаж — камень, и на этот раз тоже для того, чтобы усопший быстрее нашел дорогу к себе домой.

А вот другой, довольно распространенный во Франции обычай — класть монету в гроб или прямо за щеку покойника — имеет обратное значение. Здесь речь не идет о плате Харону, это означает скорее плату за имущество умершего: имущество приобретается добрым и должным образом, и у покойника нет причин возвращаться к себе и оспаривать свое состояние. В Бретани, едва гроб устанавливается на «камне мертвых», катафалк разворачивают и гонят коней прочь от этого места, чтобы усопший не успел вскочить на повозку и вернуться домой.

А обычай устанавливать на могилах и усыпальницах тяжелые надгробия — может статься, это тоже способ, часто бесполезный, помешать мертвым вторгаться в мир живых? А траурное одеяние, не ставит ли оно целью убедить усопших в том, что о них помнят? И поскольку это демонстрируется так очевидно, то у них нет причин ревновать ближних и досаждать им в этом мире...

Обычаи, продиктованные страхом перед мертвыми, могут быть сопоставлены с обычаями того же значения у других цивилизаций, отдаленных от нашей во времени и в пространстве. По этому поводу Л.-В. Тома пишет:

«В Древней Греции фантомы имели право на трехдневное пребывание в городе. На третий день всех духов приглашали войти в дом. Им подавали специально приготовленную похлебку. Затем, когда считалось, что они утолили голод, им строго говорили: «Дорогие духи! Вы наелись и напились, а теперь выходите в дверь».

«В Африке, чтобы помешать возвращению некоторых покойников, труп увечили: ломали ноги, вырывали ухо или отрубали руку, потому что считалось, что физическое увечье не позволит умершему выйти из могилы. Что же до порядочных людей, то тут нужно действовать иначе — нужно похоронить их так, как они этого заслужили».

«В Кинсленде перед погребением покойнику ломали дубиной кости, ноги подгибали к подбородку, а живот набивали камнями. Все тот же страх перед мертвыми заставлял некоторые народности замуровывать склепы наглухо, заколачивать гробы, класть на грудь покойника тяжелые каменные плиты».

* * *

На Западе, начиная по крайней мере с XVI века, возрастает страх быть погребенным заживо, то есть стать жертвой летаргического сна. Этот страх был

распространен в Анжу в XVII веке и во всей Европе в XVIII веке. Этот страх оказался живучим, и живые боялись не только быть заживо похороненными, но и тех, кого похоронили раньше, чем они умерли. Мне рассказывали, как в Сицилии лет двадцать назад в одной семье по вечерам все собирались вместе и молились, перебирая четки, за упокой души одного родственника, который, вероятно, был погребен будучи в летаргическом сне.

Еще большие меры предосторожности полагались в отношении самоубийц. В Древней Греции им отрубали правую руку. Их уход из этого мира рассматривался как ненависть к жизни и к живым.

Уже в нашу эру на Западе тело самоубийцы не выносили из дома — его выбрасывали через окно или, как это делалось в Лилле в XVII веке, «под дверью рыли проход и через него проталкивали тело, лицом к земле, словно падаль». Этот акт проклятия напоминает таким образом, что смерть пагубна. Кюре Тьер пишет, что в Перше обязательно отбеливали белье, которым пользовался перед смертью покойник. Делалось это для того, чтобы он не позвал за собой тех, кто будет пользоваться этим бельем после него. По этой же причине гроб с телом покойника не ставили на стол, а на скамью или пол, «иначе в доме кто-нибудь умрет в том же году».

Приведенный выше ритуал по отношению к самоубийцам имеет двойной смысл. Что касается географии происшествия, то этот ритуал направлен на то, чтобы воспрепятствовать виновнику этого происшествия вернуться в дом, именно поэтому тело выбрасывается в окно или протаскивается под дверью лицом вниз. Церковь, в свою очередь, рассматривает человека, добровольно ушедшего из жизни, как грешника, не заслуживающего отпущения грехов. Он изгоняется из

христианского братства, и делается это демонстративно. В сущности, перед нами снова один из многочисленных случаев христианизации дохристианских или нехристианских обычаев.

Точно так же в прибрежных районах издавна бытует поверье, что погибшие в море, не найдя последнего пристанища на земле, продолжают бороздить воды недалеко от рифов, погубивших их. В Бретани это поверье, зафиксированное еще в IV веке нашей эры, продолжало жить и в середине XX века в районе мыса Бурь и залива Мертвых. По общепринятому мнению, погибшие в море обречены на вечное скитание, поскольку Церковь не молится за них.

Еще в 1958 году в Уессане был зафиксирован такой случай. Молодой священник, пытаясь спасти тонущего ребенка, погиб, и тело его так и не нашли. В «Телеграмме Бреста» была описана инсценированная церемония его «погребения». «В доме погибшего на столе был помещен белый восковой крест — знак христианства, который символизировал утопленника. На головном уборе был положен небольшой крестик в обрамлении зажженных свечей. Перед ним в сосуде со святой водой стояла самшитовая ветвь. С вечера началось ночное бдение». «На следующее утро за телом пришел священник, несший крест. Поручитель почтительно вынес головной убор с крестиком, который символизировал саван. Следом шли родные и близкие погибшего».

«Похоронная процессия медленно двинулась к церкви. Маленький крестик переложили на катафалк, и началось отпевание. В конце службы священник поместил восковой крест в ларец, расположенный на алтаре усопших в поперечном нефе. Церемония закончилась».

В былые времена, если в море встречался корабль с мертвым экипажем, то следовало прочитать молитву «Почийте в мире» или же отслужить по ним службу.

Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с христианизацией древнего поверья о призрачных кораблях и ночных лодках «с мертвыми гребцами». Голландцы, например, верили, что во время штормов можно увидеть проклятый Богом корабль, капитан которого за грехи наказан тем, что обречен на вечное скитание по северным морям.

Во Фландрии XV века под видом веры в переселение душ бытовало поверье, что чайки — это души умерших злодеев, обреченных на вечное движение, холод и голод. Мицкевич, устами одного из своих персонажей, говорит о муках окаянной души, обреченной на вечное скитание с нечистыми духами...

Во Франции было распространено поверье в «ночных прачек», которые до скончания века должны по ночам стирать белье. Это наказание они получили за детоубийство или за то, что недостойно похоронили своих родителей и работали по воскресеньям.

* * *

Обобщая, можно сказать, что особым призванием к скитаниям «после смерти» обладали те, кто не снискал благодать смерти и, следовательно, совершил переход от жизни к смерти неестественным путем. Такие покойники плохо интегрированы в новый мир, находятся, так сказать, не в своей тарелке. Сюда же следует отнести еще одну категорию кандидатов в привидения. Тех, кто умер в момент «переходного ритуала» из одного состояния в другое, — это умершие в утробе дети, необвенчанные жених и невеста и т.п.

Польский этнолог Л. Стомма, работавший над историческими документами своей страны XIX века, изучил случаи, когда покойники, по убеждению их близких, стали демонами, то есть привидениями.

Категория покойников, ставших демонами	Число случаев	% случаев
Умершие в утробе матери	38	7,6
Мертворожденные	55	11
Некрещеные дети	90	18
Роженицы	10	2
Жених и невеста, умершие до свадьбы	14	2,8
Молодожены, умершие в день свадьбы	40	8
Самоубийцы	43	8,6
Повешенные	38	7,6
Утопленники	220	20,2
Убитые или умершие неестественной смертью	15	3
Другие	29	11,4

В этой весьма интересной статистике выделяется категория мертвых младенцев, умерших до крещения. В общем, они составляют 38,6 процента и утопленники — 20,2 процента. Следовательно, существовала связь между верой в привидения и трагическим обрывом переходного ритуала. В более общем смысле эту связь можно отнести к точке в пространстве или во времени, служащей границей перехода из одного состояния в другое. Так, по статистике Стомма, в более 95 процентах случаев превращения покойников в демонов они были похоронены на обочине дороги, пустыря или поля или на берегу озера. В 90% случаев их призраки появляются в полдень, полночь, на восходе и закате солнца.

ПОТУСТОРОННИЙ МИР

Из книг Э. Дюрвилля «Призрак живых» и Ш. Ланселена «Выделение человеком астрального призрака по собственной воле»[1]

Случаи «раздвоения» человека чрезвычайно многочисленны для всех времен и у всех народов, и рассказы о них переплетаются с историями о привидениях, призраках и мертвецах. Старинное шотландское предание гласит, что каждый человек имеет своего двойника на земле, который может являться к нему в знаменательные случаи жизни и в особенности в час смерти.

Просматривая «Жития святых», а также процессы колдунов конца Средних веков, читатель с удивлением находит значительное число вполне удостоверенных случаев раздвоения, как у религиозных мистиков, так и у колдунов. С точки зрения самого явления эти случаи тождественны: те и другие вызваны были одним и тем же — страстным желанием, но побудительная причина этого желания у мистика-созерцателя совсем другая, чем у колдуна, который переполнен ненавистью и жаждой мести.

В современном обществе, где колдун исчез, а религиозный человек не имеет уже той веры, которая помогала его предшественникам совершать чудеса, случаи раздвоения еще более многочисленны, чем в прошлые века. Объясняется это, конечно, тем, что теперь их лучше наблюдают, и в особенности обилием спиритических и оккультных журналов, которые собирают и изучают эти случаи, так как находят в них подтверждение своим теориям или по меньшей мере серьезные аргументы в доказательство последних.

---

[1] Перевод с фр. Н. Петровой.

Если раздвоение живого человеческого организма возможно, хотя бы в мало известных условиях и только у редких людей, нельзя ли исследовать его опытным путем в различных видах? Исследование это, конечно, возможно. Известно, что вообще раздвоение совершалось у мистиков, когда они, погруженные в глубокое размышление, впадали в нечувствительность к возбуждениям внешнего мира; с другой же стороны, во время магнетического сна и в некоторых аналогичных состояниях наблюдаются у людей иногда странные явления, в особенности узнавание фактов, совершившихся на далеком расстоянии, — необъяснимое явление, если не предположить передачи чего-то от спящего субъекта в место и в час совершения явления.

Раздвоенной части человеческого тела давали различные наименования. Наиболее известные: двойник, астральное тело, призрак, флюидическое тело, тень и пр. Из различных этих наименований три первых вполне соответствуют идее раздвоения. Первое было бы наилучшим, если бы не давало повода к смешению, так как его можно смешать с эфирным двойником, который имеет лишь относительное значение в явлении раздвоения. Выражение «астральное тело» равным образом подходяще, но экстериоризованное астральное тело почти всегда заключает в себе и эфирный двойник, который служит ему орудием, и мысленное (ментальное) тело, которое есть душа его. Из остальных названий наиболее отвечающим цели следует признать слово «призрак».

* * *

Везде дух соединен с материей. Это соединение существует на каждом плане (сфере), где малейшая частица имеет материю для тела и дух для жизни. Мысль есть субстанция, а тело ее состоит из астральной материи.

Чаттерджи[1] ясно говорит об этом:

«Но то, что с одной точки зрения есть жизнь, может быть формой с другой. Всякая вещь, поскольку она форма, — уничтожается; поскольку же она сила или жизнь, она будет продолжать свое существование. Возьмем для примера человеческое тело; здесь наиболее грубая форма, это — та материя, твердая, жидкая и газообразная, которую вы видите перед собой. Эта форма оживотворяется непосредственно силой, которая есть растительная жизнь, иначе — эфирный элемент. Этот эфирный элемент есть жизнь по отношению к грубому физическому телу. Разбейте соединение грубых элементов: эфирное начало переживет их. И хотя это переживание длится не долго, для ясновидящего оно, тем не менее, очевидно. Следовательно, эфирное тело есть жизнь по отношению к физическому телу, но оно же и форма по отношению к последующему началу, т.е. астральному телу. Эфирное тело уничтожается, астральное продолжает жить. Когда же астральное тело уничтожится, в свою очередь, ментальное, по отношению которого астральное являло форму, сохранится как жизнь и т.д. Один и тот же элемент одновременно и жизнь, и форма, жизнь — относительно низшего начала и форма — относительно высшего. Ибо во вселенной все вибрация: никакой разницы, по существу, между теми или другими началами. Они — жизнь или форма; мужское или женское; положительное или отрицательное — смотря по тому, с какой точки на них смотришь. Когда одна вибрация прекращается, продолжается другая, более тонкая... С самого верха и до самого низа лестницы бытия форма уничтожается, а жизнь сохраняется».

По учению индусов, все более и более подтверждаемому новой наукой, человек — существо сложное, включающее в свой состав несколько тел.

---

[1] *Чаттерджи* Браман — индийский философ, представитель мистического направления. В начале XX в. совершил поездку по Европе с циклом лекций о сокровенной философии Индии, оказавших большое влияние на европейских философов-мистиков. — *Примеч. ред.*

Различные тела человека представляют собою лишь одежды, в которые облечена душа, подлинный человек, «я» (ego), бессмертное начало, составляющее нашу индивидуальность. Этих тел у вполне развитого человека семь. Только четыре из них, составляющие нашу временную личность, доступны нашим исследованиям при современном состоянии наших знаний. Начиная с более грубого, наиболее наружного и наименее важного, так как душа покидает его первым, и кончая тончайшим, которое представляет как бы рубашку, снимаемую после всех других одежд, эти тела суть:

1. Физическое тело, вместилище физиологических функций: пищеварения, дыхания, усвоения, кровообращения, движения.

2. Эфирное тело, вместилище жизненной энергии, рассматриваемой исключительно с физиологической точки зрения, есть как бы архитектор, который строит физическое тело и заботится о поддержании его.

Тело это составляет дубликат физического тела; в качестве такового его вообще называют эфирным двойником или просто двойником. Большинство теософов принимают его за составную часть физического тела, даже как бы составляющую одно целое с последним, так как оно обитает на том же плане и не может никогда покинуть его. Вне тесного соединения этих двух физических частей нашего существа эфирный двойник рождается лишь за несколько дней до физического тела и переживает его только несколькими днями. Этот двойник есть «линга шарира» теософов Индии, который служит медиумом, посредником между физическим телом и астральным.

3. Астральное тело — обиталище чувствительности, воображения, животных страстей и маловозвышенных вожделений. Оно мыслит, но более чувственно, чем рассудочно. О нем можно сказать вместе с Паскалем: «Сердце рассуждает безрассудно». Через его посредство происходят столь оспариваемые явления телепатии, наши видения во сне и большая часть случаев с привидениями. Это «преддух» спиритов, «чувственная душа» древних философов. Оно также обиталище того, что современные психологи называют низ-

шим сознанием, бессознательным или подсознанием. Теософы Индии называют его телом желания, телом камическим или кама-рупа.

4. Ментальное тело (тело мысли) есть обиталище воли, разума, благородной и возвышенной мысли. Оно хранит наши воспоминания и приобретенные нами знания. Это — мыслящее «я», разумная душа древних философов (anima римлян, психея греков), в нем совершаются все явления сознания. Размышление, суждение, решения, постановления принадлежат к его области. Это высшее начало, которое управляет всеми нашими функциями, руководит всеми нашими разумными действиями. Теософы называют его манас низший, низший — относительно манаса высшего, пребывающего в причинном (каузальном) теле, которого я не касаюсь здесь.

* * *

Умирая, физическое тело разлагается, и душа удаляется с тремя другими своими одеждами. Эфирное тело тоже скоро умирает и распадается на части. На это вообще требуется не более 4—5 дней, и душа, облегченная и более свободная, удаляется с двумя тончайшими телами, астральным и ментальным, которые остались у ней. Астральное тело живет вообще гораздо дольше и долговременность его существования меняется, смотря по степени эволюции души. Оно живет недолго у людей, которые побороли свои страсти, чтобы вести благородную и возвышенную жизнь; у людей же, которые всегда были рабами своих страстей, оно живет продолжительно. Но час смерти наступает и для него, как и для предыдущих; душа, освободившаяся, удаляется в теле мысли, которое составляет последнее ее одеяние, чтобы проявиться в новом и значительно лучшем состоянии, чем предыдущие. Жизнь мысли, очень короткая и почти бессознательная у малоразвитых людей с долгой астральной жизнью, длится, наоборот, очень долго у более развитых людей, астральная жизнь которых была короткая. Астральная жизнь есть очистительное состояние, а жизнь мысли есть как бы небесная

жизнь религиозно настроенных людей, с тою только разницей, что как бы длительна она ни была, она никогда не бывает вечною. Приходит роковой момент, когда вся ее энергия бывает истощена, и вот тело мысли, где она была заключена, умирает и распадается, в свою очередь.

Душа, достаточно развившаяся, вступает тогда в полное владение собою, с полным сознанием своего прошлого и будущего. Она видит как свои земные существования, так и тот путь, который ей надо пройти, чтобы достигнуть совершенства, состояния, которое нас вполне освобождает, поднимая нас выше планов, где колесо перевоплощения непрерывно увлекает нас к рождению и смерти. Видя основу, на которой будут ткаться ее будущие существования, пользуясь опытом своего прошлого, душа может в некоторой степени изменить эту основу соответственно своим вкусам, намерениям и способностям. Затем, снова влекомая к земле желаниями, которые ей надо исполнить, и повинуясь законам перевоплощения, она снаряжается и снова воспринимает тело мысли, затем тело астральное и, наконец, эфирное и физическое тела, чтобы возродиться на земле с единственною целью продолжать свое развитие.

Эти тела, орудия души, служат последней для проявления на различных планах природы. Тела физическое и эфирное обитают на физическом плане и никогда не покидают его; область астрального тела — астральный план, а тела ментального — план мысли.

* * *

Из четырех перечисленных мною тел человека три, хотя и материальны, невидимы в обыкновенных условиях нашего физического существования, по крайней мере для большинства из нас. Я должен сказать прежде всего, что эфирный двойник и астральное тело почти всегда смешивают. Для того чтобы уметь различать их, мы должны знать свойства и особенности, известные или предполагаемые, каждого из этих тончайших тел. Вот главные:

I. Двойник или эфирное тело. Эфирный двойник ясно виден подготовленному глазу, он имеет серо-фиолетовый цвет: мутный или чистый, в зависимости от того, грубым или очищенным является плотное тело. Это благодаря эфирному двойнику жизненная сила — прана — перемещается по нервам тела, что и позволяет им действовать в качестве носителей двигательной силы и обеспечивает их чувствительность к внешним воздействиям. Но ни физическая, ни эфирная нервные субстанции не являются вместилищем мыслительной и двигательной способностей, равно как и способности чувствовать, поскольку они являются действиями «Я», проявляющегося в своих внутренних телах; его проявление на физическом уровне становится возможным благодаря перемещению дыхания жизни вдоль нервных волокон и вокруг нервных клеток.

Когда приходит смерть, в особенности если физическое тело ослаблено долгой болезнью или измождено старческой дряхлостью, теряя силы удержать физическую жизнь, — двойник экстериоризуется и попадает под воздействия напряженных чувств некоторых умирающих. У большинства последних он возбуждает настоящий ужас, так как они постоянно видят около себя беспокойного призрака, который не покидает их и которого они почти никогда не признают за своего двойника. Некоторые умирающие не видят, но чувствуют его. Они вполне сознают, что кто-то возле них лежит рядом, почти всегда с левой стороны.

II. Астральное тело тоньше, нежнее, чем предыдущее, серо-голубоватого цвета красивых, нежных оттенков, которые быстро меняются под влиянием волнения. У человека развитого и у людей, развивавших это тело со специальной целью, — прежних колдунов — оно очень хорошо организовано и значительно сложнее, чем физическое тело. Оно имеет чувства, соответствующие физическим чувствам, но способные отзываться на более быстрые вибрации, что придает им большую чуткость и силу.

Это — орудие души на астральном плане в первую нашу стадию в потустороннем мире, после физической смерти; это

также ее орудие во время нашего сна, а иногда, хотя реже, в некоторых неопределенных состояниях между сном и бодрствованием.

Астральное тело может предстать перед другими людьми вне своего физического двойника как во время земной жизни его владельца, так и после нее. При определенных обстоятельствах эти астральные образы могут видеть даже те, кто еще не развил в себе астральное зрение. Если физическая нервная система человека перенапряжена, а физическое тело — ослаблено (например, болезнью), то жизненная энергия в нем пульсирует слабее, чем обычно; при этом возрастает зависимость нервной деятельности от эфирного двойника, что резко повышает ее чувствительность. В таких условиях человек может на время стать ясновидящим. Например, мать, которая знает, что ее сын, находящийся где-то за границей, тяжело болен, и силы которой истощены беспокойством о нем, может стать восприимчивой к астральным вибрациям, особенно в ночные часы, когда жизненная энергия снижается до своего минимального уровня; если же и ее сын тоже думает в это время о ней, а его физическое тело погружено в бессознательное состояние, то его астральное тело может перенестись к ней, и вполне возможно, что она увидит его.

Чаще всего такие перемещения случаются сразу после того, как астральное тело будет исторгнуто из физического «смертью» последнего. Подобные феномены возникают довольно часто, особенно тогда, когда человек страстно желает увидеть кого-либо, с кем его связывают узы любви, или же если он стремится передать кому-то определенную информацию, но умирает, не успев осуществить это стремление.

Составленное из более тонкой материи, чем тело физическое, астральное тело прозрачно. Это свойство его подтверждается народным поверьем, по которому тело у призраков не отбрасывает тени и сквозь него можно видеть находящиеся позади призрака предметы. Бывают исключения, когда очень сгущенный астрал притягивает к себе материю с физического плана, чтобы вполне материализоваться и при-

нять совершенный вид живого человека, чему имеются многочисленные примеры в житиях святых.

Призрак бывает вообще одет, как обыкновенно одевается физический человек; но иногда он появляется, закутанный в флюидический газ.

Он может показываться в различных формах, и теософы утверждают по этому поводу, что в большей части спиритических материализаций экстериоризованный астрал медиума принимает форму проявившегося существа. Они не отрицают возможности сообщений между жителем астрального плана и медиумом, но они утверждают, что сообщения эти весьма редко бывают, да и то, говорят они, ничто не доказывает, что они действительно обусловлены присутствием человека, так как на астральном плане имеются существа, никогда не жившие на физическом плане, которые тем не менее могут проявляться на нем.

III. Ментальное тело. Все теософы согласно описывают его блистающим ярким светом с чрезвычайно нежными оттенками, которые медленно меняются.

Это — орудие души на плане мысли, когда она покинула астральное тело. Мысленное тело образуется постепенно под влиянием мысли, в особенности если последняя благородна и возвышенна; и по мере того, как образуется тело, оно увеличивается в объеме, т.е. растет.

Разум начинает ощущать присутствие некоторых вещей из его собственного мира, как бы непосредственно вступая в контакт с ним. Здесь не нужны никакие особые органы, чтобы видеть, слышать, осязать, обонять и определять вкус; все те колебания, которые мы воспринимаем здесь через посредство определенных органов чувств, в том мире воспринимаются во всей своей полноте непосредственно разумом, если он способен улавливать их. Тело мысли ощущает их все одновременно, то есть постоянно чувствует все то, что оно вообще в состоянии ощутить.

План мысли, рассматриваемый как местопребывание души, со своим телом мысли в качестве орудия, называется

дэвачан у теософов (христианский рай), а житель этой высшей области — дэвачани.

Дэвачани, т.е. умерший на земле, пребывая в дэвачане, где он пожинает плоды своей земной работы, наслаждаясь заслуженным им счастьем, никоим образом не может сообщаться с земным планом. И если в чрезвычайно редких случаях происходит действительное сообщение между дэвачани и очень развитым человеком, то это значит, по утверждению тех же теософов, что тело мысли последнего во время сна его физического тела поднялось до дэвачани, видело его, вдохновилось его мыслями и передало своему физическому мозгу воспоминание своих впечатлений. Но они не говорят, может ли тело мысли человека показываться другому человеку не во сне. Весьма вероятно, что если тело мысли может покидать астрал для одиночного путешествия, то только человек с психической культурой, значительно превышающей обычное высокое развитие, способен видеть его.

Это утверждение теософов, что тело мысли может переноситься в рай, не ново. Об этом говорится во втором Послании ап. Павла к Коринфянам, гл. XII, ст. 2, 3 и 4.

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

* * *

На основании вышесказанного и других аргументов, которых я не привожу здесь, можно, следовательно, утверждать, что во всех почти случаях в живом человеке имеются два невидимых тела, которые могут иногда быть видимы: это тело эфирное и тело астральное.

Видимые проявления этих тончайших тел человека, т. е. то, что можно назвать видениями, всегда носили различный наименования: тени, мертвеца, призрака, двойника или аст-

рала, причем люди не думали о том, кто проявлялся — эфирный двойник или астральное тело.

Проявления человеческого призрака чрезвычайно многочисленны при наступлении смерти. Нить астральной материи соединяет физическое тело с душой, которая сознает, что эта связь готова разорваться навсегда. Тогда душа, в большинстве случаев, делает большие усилия, чтобы известить о том тех, кого она любит, в особенности если ей надо передать им важное сообщение. Этот момент должен быть тяжелым и мучительным для нее, особенно если она недостаточно еще развилась, чтобы не переоценивать земные блага. Этим, конечно, объясняется частая передача сообщений в момент смерти.

Душа, облеченная наружно своим астральным телом и, быть может, эфирным, устремляется с быстротой молнии к близким людям, чтобы известить их о том, что происходит или уже произошло. В эти последние минуты присутствующие люди, если они достаточно чувствительны, услышат проявление, увидят его или, по крайней мере, интуитивно почувствуют происходящее. Если призрак недостаточно материализовался, чтобы быть видимым для присутствующих, последние могут быть предупреждены об этом нежданном посещении так называемыми телепатическими явлениями, каковы — перемещение предметов, необычные звуки, ощущения зрительные, осязательные или слуховые, сообщения мысленные, предчувствия, сны или уведомления, если люди спят, и другие ощущения, не воспринимаемые посредством физических чувств, которые теософы и оккультисты относят к астральной области.

Было опубликовано много подобных случаев, наблюдавшихся в условиях, исключающих всякую возможность ошибки.

УЖАСЫ НОЧНОГО МРАКА

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

Непременной сообщницей привидений всегда была ночь, которая стала постоянной составляющей страха. Ночь была самым удобным временем для врагов рода человеческого, готовящих ему погибель как физическую, так и нравственную. Уже в Библии говорится о мраке, который поглотит цивилизацию, а судьба каждого из нас иносказательно предрешена в терминах света и тьмы, то есть жизни и смерти.

Слепец, который не видит «света дня», предвкушает смерть. На исходе дня появляются зловещие твари и те, кто ненавидит свет, — прелюбодеи, воры, убийцы. Даже слепые, которые никогда не видели дневного света, начинают проявлять беспокойство с наступлением темноты. Это доказывает то, что наш организм живет в ритме космоса.

С точки зрения методологии было бы полезно различать страх в темноте и страх темноты. Страх в темноте был присущ первобытным людям, когда ночью они оставались не защищенными от диких зверей и не могли в темноте увидеть их приближение. Чтобы отогнать зверей, представляющих «объективную опасность», они зажигали костер. Изо дня в день с приближением темноты страх охватывал людей, которые научились бояться ночных ловушек. Страх в темноте характерен также для младенца, внезапно проснувшегося в ночи. С открытыми глазами, охваченный ужасом, он, кажется, смотрит продолжение кошмарного

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

сна. В этом случае речь идет о «субъективной опасности».

Именно субъективной опасностью можно в основном объяснить чувство страха, которое люди испытывают по ночам. Для большинства взрослых людей, испытывающих страх в темноте, это чувство связано с ощущением опасности, исходящей от чего-то страшного и невидимого. У В. Гюго есть строки, в которых говорится о неясных шорохах, которые воспринимаются обостренно в предсумеречный час. Ему вторит Мюссе в «Плакучей иве»:

О, как учащенно бьется сердце
в час, когда человек остается наедине с Богом.
Обернешься тайком, и, кажется,
мелькнет чья-то тень.
И тогда ужас коснется твоей головы,
словно ветер коснулся верхних деревьев.

С уверенностью можно утверждать, что на основании «объективной опасности», которой люди подвергались ночью, в течение многих веков человечество населило темноту «субъективной опасностью». И таким образом страх в темноте постепенно превращался в более общее понятие страха темноты. Но существуют также другие причины, объясняющие страх темноты и которые зависят от нашего физического состояния. Зрение человека более острое днем, чем у многих животных, например кошек и собак, не приспособлено к ночному видению. Поэтому в темноте человек более безоружен, чем млекопитающее животное. Кроме того, при отсутствии света у человека усиливается воображение, при этом более легко, чем при свете, происходит смешение реального и фиктивного. Верно также и то, что в темноте мы не можем наблюдать за собой и другими, и таким образом это время более благопри-

ятно для дел, которые днем невозможны по причине страха или совести: неслыханная удаль, преступления и т.п. Наконец, без света человек остается в изоляции, его охватывает тишина и чувство незащищенности.

Вот комплекс причин, которые объясняют чувство беспокойства, появляющееся у человека с наступлением темноты, а также желание и старания нашей урбанистической цивилизации продлить день при помощи искусственного освещения.

* * *

В известной пословице утро вечера мудренее не потому, что ночь темна, а потому, что она дает время для размышления перед принятием решения. Во многих пословицах содержатся сетования на темноту: ночь темна «как не знаю что»; или опасения попасть в ловушку: «ночь, любовь и зелье — это зло и яд». Ночь — это сообщница злодеев: «добрые люди любят день, а злые — ночь», «ночью выйди, так увидишь и угрюмого монаха, и оборотня». И, наоборот, в пословицах воспевается Солнце: «Солнце несравненно», «Где Солнце светит, там ночь бессильна», «У кого Солнце, тому ночь не страшна», «Бессмертен тот, у кого Солнце».

Моряки встречали восход Солнца с надеждой на спасение после ночи испытаний. У Камоэнса есть строки: «После страшной бури, черной ночи и ураганного ветра на рассвете безоблачного дня появилась надежда достичь родной гавани. Солнце рассеяло черный мрак в наших душах». То есть ураган должен был утихнуть с наступлением дня. На земле ночь тоже приносит тревогу. В «Сне в летнюю ночь» Пирам восклицает:

«О ужасная ночь! Цвета твои черны! О ночь, везде, где краски не видны! О ночь! О ночь! Увы! Увы! Увы!»

Даже для образованных людей ночь населена опасными духами, которые смеются над заблудившимися

путниками. Ночью появляются самые лютые звери, смерть, призраки, а именно, призраки окаянных душ. В той же пьесе Шекспира есть описание ночи: «Когда двенадцать раз пробьет в ночи», наступает нечеловеческое время, «рычит лев, волк воет на луну, в то время как работяга храпит в своей постели, утомленный дневным трудом. Факелы мигают и гаснут, ухает сова, предвещая несчастному больному белый саван. В этот ночной час раскрываются могилы, выпуская призраков, которые бредут дорогами церкви».

И наоборот, с наступлением зари земля вновь принадлежит живым: «С ее приближением призраки, бродившие в ночи, толпой возвращаются на кладбище; окаянные души, покоящиеся на большой дороге или в пучине вод, возвращаются на изъеденное червем ложе. Из страха, что днем станет видна их вина, они избегают света и остаются навечно повенчаны с чернолобой ночью».

Для старушек, которые коротают зимние вечера, рассказывая друг другу истории, собранные в «Евангелии для пряхи», дурные сны не являются психическим явлением. Дурные сны приходят извне, они навязываются спящему загадочным злым существом по имени Кокемар (на юге Франции — Старая Шош). Причем это имя употребляется то в единственном, то во множественном числе, и тогда прослеживается связь между этим персонажем и оборотнями. Говорит другая старуха: «Если у человека судьба быть оборотнем, то и сын его станет таким, а дочь станет Кокемар».

Этому вторит еще один рассказ сборника о том, как следует остерегаться «умерших душ, домовых и Кокемар или оборотней, так как они приходят невидимыми». Таким образом, существа, приносящие дурные сны, собраны без особого разграничения в одну категорию — домовые, оборотни, привидения. Кумушки имеют на вооружении множество советов и рецептов, как избежать ловушки этих существ.

Говорит одна девица: «Тот, кто ляжет в кровать, не подвинув стул, на котором сидел, когда разувался, того в эту ночь потревожит Кокемар».

Расторопная Перрет говорит, что Кокемар больше всего боится котелка с кипящей водой. На что другая отвечает: «Кто боится, должен поставить перед очагом дубовую скамеечку. Кокемар сядет на нее и до зари не сможет встать». Еще одна уверяет, что она «избавилась от Кокемар, собрав в ночь на святого Иоанна 8 стебельков, сделала из них четыре крестика и положила их в четыре угла кровати».

Напротив, одна из собеседниц, которую раньше никогда «не беспокоили домовые», не знает, как избавиться от Кокемар. Но она слышала, что якобы Кокемар приходит к тому, кто по пятницам доит корову со стороны задних ног.

Следует предельно четкий рецепт: «Совершенно точно, — говорит одна девица, — если кто хочет избавиться от Кокемар, то должен скрестить руки на груди, а кто боится домовых, тот должен надеть рубашку задом наперед».

* * *

Ад, в свое время описанный и обрисованный сотни раз, представлен Данте и его последователями как место, «где солнце молчит, где текут черные реки и даже снег теряет свою белизну». Общеизвестно, что Сатана — властитель тьмы — выдумывает самые страшные пытки для устрашения и мучения окаянных душ. И. Босх, вслед за автором «Божественной комедии», неисчерпаем в этой тематике. Даже такой гуманист, как Г. Бюдэ, наследник греко-римской традиции путешествий в ад и христианского взгляда на сатанинские силы, считает их достоянием беспросветной ночи. В мышлении того времени это было обще-

принятым местом. Когда Г. Бюдэ говорит об аде, он называет его «мрачным Тартаром», находящимся на дне самой глубокой пропасти, или «ужасной и мрачной пещерой», или же «страшной и темной каторгой, Стиксом, похищающим людей». Он описывает также «бездонные колодцы», где вечно томятся богатые и бедные, старцы и молодые и даже дети, глупцы и мудрецы, ученые и неучи. Для него так же, как и для его современников, Люцифер — «князь тьмы», «хозяин мрачного притона», «Эринии, обитающие во тьме» (последнее определение заимствовано у Гомера).

Ночь всегда была на подозрении, поскольку была повязана с дебошами, воровством и убийствами. Тем белее строгое наказание несли те, кто преступал законы ночью или в безлюдном месте, поскольку жертве труднее было защититься или позвать на помощь.

И в наше время уголовный кодекс рассматривает темноту как «отягчающее обстоятельство». Впрочем, связь между темнотой и преступлением признавалась всегда. Согласно опросу, проведенному в 1977 году, 43 процента жителей городов со стотысячным населением и 49 процентов жителей Парижского района считают отсутствие освещения одним из факторов личной небезопасности. В Сен-Луи, штат Миссури, после осуществления обширной программы по освещению города угоны автомобилей уменьшились на 41 процент, а кражи — на 13 процентов.

Т. Деккер, английский поэт эпохи Возрождения, дает описание лондонской ночи времен Елизаветы и Карла I со знанием дела и без прикрас:

«Преступники, слишком трусливые, чтобы показаться днем, ночью выходят из своих укрытий. Лавочники, целый день с хмурым или отсутствующим видом убивающие время за прилавком, теперь украдкой спешат в таверну, откуда возвращаются шатаясь, а некоторые сваливаются в канаву. Подмастерья, несмотря на

данные при найме обещания, устремляются в кабачок. Молодожены избегают брачного ложа. Вокруг констебля, задержавшего пьяницу, собираются зеваки. На улице появляются «ночные бабочки», которые останутся там до полуночи. А если ночь достаточно темна, то и блюститель нравов осмелится зайти в публичный дом или к куртизанке. Повивальные бабки крадутся темными улицами, чтобы принять роды незаконнорожденных и тут же умертвить их. Ночь становится тем более опасной, что городская стража с громким храпом спит на перекрестках. Впрочем, их можно унюхать еще издалека, потому что они наелись луку, чтобы не заболеть простудой. Так вот, зло может не беспокоясь отплясывать в ночном городе, а волокиты у дверей таверны показывать фигу заснувшим стражникам».

Даже в XVIII веке в Париже, где основные артерии города освещались 5500 фонарями, ходить по темным улицам было небезопасно. В 1718 году вышли «Наставления путешественникам», изданные Немецом, в которых он пишет по этому поводу:

«Никому не советую выходить ночью в город. Несмотря на пешую и конную стражу, которая патрулирует город с целью предотвратить беспорядки, многое остается скрытым. Сена, пересекающая город, скрывает в своих водах убитых, которых она выносит на берег ниже по течению. Ночью нельзя останавливаться на улице, а лучше вообще возвратиться домой засветло».

* * *

Итак, враг рода человеческого использует ночь, чтобы ввести в искушение людей, которые теряют в темноте стойкость. Поэтому раньше в городах считалось необходимым, чтобы ночной стражник делал обходы, вооружившись лампой, колокольчиком и собакой. По словам Т. Деккера, это были часовые горо-

да, блюстители нравов, честные наблюдатели, предотвращающие ночные происшествия, они были подобны сигнальному огню на борту корабля, служившему проводником и средством безопасности морякам в беспросветной тьме. Они обходили город и часто предотвращали пожары. Следовательно, каждый заинтересован лично в том, чтобы слушать их советы и следовать им. Поскольку ночь враждебна душе и телу, она является преддверием смерти и ада. Колокол ночного стража это уже похоронный звон:

Мужи и дети, женщины и девы!
Не поздно никогда по правде жизнь прожить.
В тепле останьтесь спать, заприте крепче двери,
Огромная утрата — невинность потерять.
А в полночь пировать — потерь не сосчитать!
Бесчинства слуг хозяев разоряют.
Когда же вы услышите сей колокола звон,
Подумайте, что ваш последний час настал —
Вот он!

В этом заунывном ночном лондонском песнопении можно увидеть, насколько велик тысячелетний страх человека перед необузданной тьмой.

ПОТУСТОРОННИЙ МИР. БОГИНЯ МРАКА И ДЕМОНЫ НОЧИ[1]

Богиней мрака является Геката. Еще в Древней Греции ее считали покровительницей тьмы, ночных кошмаров, мести, разврата и колдовства. Богиня имеет устрашающий облик, на ее голове вместо волос развеваются змеи. По ночам Геката устраивает ужасную, дикую охоту, свора ее гончих псов бежит среди могил и призраков.

Гекате молятся отвергнутые влюбленные и убийцы. Она внушает, как готовить отвары для приворотов и яды.

Но Геката имеет и другие облики: днем она предстает перед людьми как суровый судья, а утром — как олицетворение духовности и в этом облике Геката помогает философам и ученым, «выводит души» людей из Царства мертвых к свету и любви. Таким образом, Геката связывает два мира: живых и мертвых. Она и мрак, и свет одновременно.

В древности изображения Гекаты ставились на перекрестке трех дорог. В Римский период Гекату называли Тривией («трехликой»). Бывали храмы и в честь лишь одной из ипостасей Гекаты, поскольку трудно обычному человеку осознать триединство любого бога вообще.

В более поздние времена Геката считалась женским воплощением дьявольских сил и противопоставлялась христианской Троице. Гекате поклонялись приверженцы сатанинских культов, ей приносили в жертву черных собак, возжигали черные же свечи или чадящие факелы на черных рукоятях. Курили благовония — белена, могильный барвинок, часто смешанные с кровью жертвы. Время ритуалов Гекаты — первый и третий часы после полуночи, предпочтительно первые два и последние два дня Луны. Место ритуа-

---

[1] По материалам сайта «Anomal Wiki».

ла — перекрестки заброшенных или безлюдных дорог или троп, кучи камней, острова на болотах.

В демонологии ближайшими помощниками Гекаты считались инкубы и суккубы.

Инкубы — ночные демоны, принимающие мужской облик (от *лат.* incubare — «лежать на»); суккубы — демоны, принимающие женский облик (от *лат.* succubare — «лежать под»).

Описание ночного посещения инкуба имеется в «Золотой легенде» Якоба Ворагинского: когда св. Эдмунд, после долгих ночных штудий, «внезапно заснул, забыв перекреститься и подумать о Страстях нашего Господа, дьявол налег на него, и так тяжко, что он ни одной рукой не мог перекреститься и не знал, что делать, — однако, по милости Бога, он вспомнил о его благословенных Страстях, и тогда враг потерял всю свою силу и упал с него» (Житие св. Эдмунда).

Существовали представления о крайней агрессивности инкубов (так, Тома из Кантемпре утверждает, что инкубы атакуют женщин даже в исповедальне; по Лютеру, излюбленное место засады инкубов — вода, где они, приняв вид водяных, совокупляются со своими жертвами и зачинают потомство) и о смертельной опасности сношений с ними. Английский монах Томас Вальсингам рассказывает ок. 1440 г., что одна девушка умерла три дня спустя после того, как «осквернил ее дьявол», от страшной болезни, которая раздула ее тело, как бочку; Цезарий Гейстербахский повествует о женщинах, одна из которых поплатилась жизнью за дьявольский поцелуй, а другая — всего лишь за пожатие руки невидимого инкуба (Диалог о чудесах, 164).

Инкубы имеют необычную физическую природу: их половые члены изображались раздвоенными или похожими на змею. Обитают инкубы, по мнению Готфрида Монмутского (XII в.), «между луной и нашей землей». От связи ведьм и инкубов рождаются malefici, «монстры»; ребенок некой Анжелы де ла Барт имел голову волка и хвост змеи.

Многие неординарные личности эпохи Средневековья и Возрождения считались отпрысками инкубов и обычных женщин. Авторы «Молота ведьм» Шпренгер и Инститорис объясняли это следующим образом: дети, рожденные от демонов, часто бывают сильнее и лучше обычных: это объясняется тем, что «демоны могут знать силу излитого семени», выбирать наиболее благоприятное время для соития и подбирать наиболее подходящую женщину. Однако таким образом рождаются преимущественно злодеи, хотя и выдающиеся.

Знаменитый «Роберт Дьявол», герцог Нормандии, отец Вильгельма Завоевателя, прославившийся своей невероятной жестокостью, считался порождением демона и герцогини Нормандии. Разновидностью истории о Роберте Дьяволе можно считать английский роман XV в. «Сэр Гаутер». Молодая женщина имеет связь с демоном, явившимся ей под кустом орешника в обличье «благородного лорда»; он сам предупреждает свою жертву, что зачатый от него ребенок будет дик и жесток, и ребенок действительно проявляет свирепый нрав с самого рождения: он иссушает груди всем своим кормилицам, так что за девять месяцев умирают девять нянек. Став взрослым, он совершает массу злодеяний, например, сжигает в церкви монахинь.

Что касается суккубов, то они, в соблазнительном женском образе, часто искушали святых отшельников. Английский отшельник Ричард Ролли (XIV в.) сам описал посещение суккуба: однажды ночью к нему в постель пришла «очень красивая женщина, которую я видел раньше и которая сильно любила меня самой благородною любовью»; Ролли, боясь, что она заставит его согрешить, был готов вскочить с постели, осенить себя крестным знамением и испросить благословения Святой Троицы для них обоих, но она держала его так крепко, что он не мог ни пошевелиться, ни говорить. Ролли понял, что ночная посетительница была «не женщиной, но дьяволом в облике женщины», произнес про себя: «О Иисус, как драгоценна твоя кровь!» и пальцем сделал знак креста у себя на груди: демон тут же исчез.

Связь с суккубом могла длиться целыми десятилетиями. Так, священник-колдун Бенуа Берн, сожженный в возрасте восьмидесяти лет, признался, что жил с демоном по имени Гермиона сорок лет; при этом демон оставался невидимым для окружающих (Ж. Бодэн. «О демономании ведьм»).

Инкубы и суккубы нередко принимают облик умерших. В истории, рассказанной в XIII в. Уолтером Мепом, к некому рыцарю вернулась его мертвая, недавно похороненная им жена; она предложила ему остаться с ним до тех пор, пока он не произнесет некое проклятие. Рыцарь прожил с воплощенным дьяволом несколько лет вполне счастливо, и суккуб даже родил ему детей, однако в один прекрасный день рыцарь в забывчивости произнес фатальное проклятие, и демон исчез.

В истории, рассказанной польским автором XVII в. Адрианом Регенвольсом (имела место в 1597 г. в Вильно), некий юноша (Захария), получив от родителей любимой девушки (Бьетки) отказ в ее руке, впал в меланхолию и удавился, но через некоторое время явился к возлюбленной со словами: «Я пришел, чтобы выполнить свое обещание и жениться на тебе». Бьетка, несмотря на то, что она прекрасно поняла, с кем имеет дело, согласилась. Состоялся форменный брак, но без свидетелей: ведь все близкие Бьетки знали, что Захария умер…

КНЯЗЬ ТЬМЫ И ЕГО СЛУГИ

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

Сатана не раз изображался в раннем христианском искусстве и наскальных фресках. Одно из самых ранних изображений Сатаны в церкви Бауит в Египте (VI в.) представляет его в виде ангела, безусловно падшего, с обломанными ногтями, но не страшного и с легкой иронической усмешкой на устах. На страницах Библии Св. Грегуара Нацианского — это обольстительный искуситель, на росписях некоторых восточных церквей того же времени — падший герой, Люцифер, любимое Божье создание, в то время не считался еще отталкивающим чудищем.

Первый большой «дьявольский взрыв» произошел на Западе в XI—XII вв. Сатану начинают изображать с горящим взором, огненными волосами и крыльями (Апокалипсис Сен-Севера), пожирателем людей (Сен-Пьер де Шовиньи), огромным демоном (у Отэна), или как, например, в Везелэ, Муассаке или Сен-Бенуа на Луаре, исчадием ада, который пытает и мучает людей.

Если раньше это был абстрактный богословский образ, то теперь он конкретизируется. Задолго до Данте по Европе ходили фантастические рассказы об адских муках. Некоторые из этих рассказов пришли с Востока, как, например, «Видения св. Павла», которые датируются не позднее IV в. Оказавшись за пределами Земли, апостол неверных приходит к вратам царства Сатаны. Во время своего ужасающего путешествия он видит мертвые деревья с висельниками на вет-

---

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

вях, адское пекло, реку, в которой тонут грешники, а степень их погружения зависит от тяжести совершенного греха, наконец, бездонную пропасть, из которой поднимается зловонный дым.

Некоторые детали «Видения св. Павла» встречаются в ирландских легендах, в частности в «Видениях Тангдала», ужасам которых не позавидовали бы персонажи «Божественной комедии». В безумных картинах этого северного ада есть описание огненного озера и ледяного озера, чудищ, пожирающих души скупых и неверных, зловонные болота, кишащие отвратительными жабами, змеями и прочими тварями.

Впечатляющим свидетельством «нового ужаса» являются малоизвестные фрески церкви небольшого городка Сан-Джиминьяно. Тадео ди Бартоло (1396 г.) изобразил ад, в центре которого расположился Люцифер, огромного роста, с чудовищной рогатой головой, сжимающий мощными ручищами смехотворных маленьких грешников. В этом царстве ужасов черти вытягивают кишки у завистников, выворачивают наизнанку скупых, не подпускают чревоугодников к богатому всяческими яствами столу, бичуют прелюбодеев и сажают на кол неверных жен.

В книге «Великолепный часовник герцога де Берри» (Франция, начало XV в.) описание некоторых картин ада также заимствовано из «Видения Тангдала»: огромный Люцифер с короной на голове пожирает души грешников, заглатывает и исторгает их вместе с клубами дыма и пламенем.

Во Франции муки ада начинают появляться в монументальном искусстве в середине XV в. Э. Маль приводит примеры (их список, конечно, далеко не полный) описаний ада с заимствованиями из «Видения св. Павла» и ирландских легенд. Таким представляли себе ад художники, сделавшие росписи в Сен-Маклу в Руане, в Нантском соборе, в церквах Нормандии, Бургундии и

Пуату. Некоторые детали просто поразительны: черти-кузнецы поднимают огромный молот над наковальней, составленной из человеческих тел, лежащих друг на друге мужчин и женщин; грешники, привязанные к огромному колесу; осужденные на адские муки грешники, корчащиеся под капающим на их головы расплавленным свинцом, живые висельники на дереве и т.п.

Но наивысшей жестокости кошмар ада достигает в безумном мире И. Босха. В Страшном суде в Вене и в Брюгге, в триптихе в Прадо, где боковые створки изображают райские кущи и ад, безумие и сатанинское зло изображаются с садистской разнузданностью. В Вене, во фрагменте ада, черт с птичьей головой и длинным клювом несет в корзине за спиной осужденного на муки грешника. Другой черт несет на плече палку, к которой ногами и руками пригвожден грешник. Один грешник осужден навеки крутить ручку огромной шарманки, другой — распят на гигантских размеров арфе. У Сатаны на голове тюрбан, горящий взор, пасть дикого зверя, крысиный хвост и лапы, а вместо живота — пылающая печь. Он ждет грешников в окружении жаб.

Ж. Балтругайтис, прибегая к сравнению, убедительно показал, что в европейской иконографии дьяволиада была наполнена восточными мотивами, которые производили еще более ужасающее впечатление. Из Китая на Запад приходят орды чертей с крыльями летучей мыши и женской грудью. Появляются также драконы с перепончатыми крыльями, большеухие единорогие великаны.

В «Искушении святого Антония» раскрывается еще одна сторона сатанинской серии — по аналогии с Буддой, медитирующим у подножия дерева и подвергающимся искушениям духа зла и силам ада. Как и христианский отшельник, он подвергается двойному испытанию — его хотят и запугать, и ввести в соблазн.

Он должен противостоять бесформенным великанам, сыплющимся на него стрелам, адскому гаму, мраку и потопу, но, с другой стороны, — девам с обнаженной грудью, которые знают тридцать два колдовских способа женских чар. В изобразительном искусстве Востока эта сцена встречается достаточно часто, на Западе она дополняет историю св. Антония, известную также по сюжету «Золотой легенды».

Вот так приумножались «Искушения», которые затем изображались Босхом, Мандином и др. с буйной фантазией в забавных и чудовищных деталях. В большом триптихе в Лиссабоне Босх изображает отшельника, который противостоит бесовским чарам, видя перед собой кувшин на ножках и покрытую древесной корой старуху, из которой растет сельдерей, старика, поучающего обезьяну и гнома, гонца, бегущего на коньках по песку. Там также присутствует ведьма, наливающая эликсир жабе, лежащей на цветке, обнаженная молодая женщина, спрятавшаяся за засохшим деревом, на ветвях которого развевается алое полотнище, стол с яствами, за которым сидят девы и отроки, приглашающие Антония присоединиться к ним. Дьявол-искуситель пытает бесстрастного отшельника всевозможными проделками: пытается его запугать, помутить его разум, искусить земными наслаждениями. Все напрасно. У Босха св. Антоний олицетворяет христианскую душу, сохраняющую бесстрастность в царстве Сатаны, который расставляет все новые и новые ловушки...

Искушения св. Антония можно было бы назвать мучениями св. Антония, потому что вражья сила искушает и одновременно пытает человеческую душу. Она смущает сон, устрашает видениями, по выражению авторов «Молота ведьм», «видениями во сне и наяву». Впрочем, бес может покуситься не только на земные

блага и самого человека, он может вселиться в строптивого человека и стать его двойником.

В «Молоте ведьм» приводится исповедь одержимого бесом священника:

«Как только я хочу прочитать молитву или посетить святые места, я теряю рассудок... [Тогда бес] вселяется в меня, во все члены и органы — шею, язык, легкие — чтобы говорить и кричать, когда ему заблагорассудится. Конечно, я слышу, как он говорит моим языком, но ничего не могу поделать. И чем больше мое желание произнести молитву, тем большее насилие он совершает надо мной».

В известном в Германии XV в. сочинении «Сети дьявола» действующее лицо — отшельник, противоборствующий Сатане, который владеет многочисленными способами, чтобы развратить людей. Здесь та же озабоченность чистотой морали, что и у Босха в саду блаженства (в триптихе Прадо). В этом ложном земном раю бьют источники молодости, в которых плещутся белые и черные красавицы, с ветвей свисают дивные плоды, цветут такие нежные и восхитительные цветы, что можно подумать, будто это персидская миниатюра. Все это создает атмосферу блаженства. Но элементы смешного и неприличного напоминают, что это всего лишь бесовский обман. Существо со странным лицом смотрит на крысу и двух милующихся влюбленных под стеклянным колпаком. Слева сидит сова — сатанинская птица. Справа обнаженный человек падает в бездну. Эта центральная часть триптиха обрамлена, с одной стороны, истинным раем, раем Адама и Евы, который навеки утрачен, с другой — адом, в котором мучаются заблудшие в земных наслаждениях души.

Другое название «Сада блаженства» — это «Сказочная страна. Но счастья нигде нет, оно призрачно, подобно шутовскому празднику».

* * *

В эту эпоху, а также позднее существовало два различных представления о Сатане: одно народное, второе, более трагическое, элитарное. О первом можно судить по показаниям на суде. Судебные документы свидетельствуют, что в Юре и Лотарингии дьявол в простонародье назывался не так, как в Библии, а имел другое имя — Робин, Пьерасет, Грепэн и т.д. Только в Ажуа (епископат Баль) в период 1594—1617 гг. было известно около 80 наименований демонов. Нередко они вовсе не были черными (что характерно для Сатаны), а зелеными, синими, желтыми. Эти цвета были присущи древним божествам лесов Юры.

Таким образом, дьявол располагался в одном ряду с божествами, и его можно было умилостивить и сделать добрым. Ему делались подношения, а затем искупали содеянный грех в церкви. И в наше время так еще поступают горняки из Потози: они совершают культовый обряд Люциферу — подземному божеству, но периодически приносят покаяние в виде пышного крестного хода в честь Богородицы.

Но еще св. Августин в свое время старался доказать язычникам, что добрых демонов не существует. Св. Фома, Суарез (XVII в.) и многие другие солидарны со св. Августином в том, что демоны приговорены к бытию в аду и выходят оттуда, чтобы искушать людей. Они живут в потустороннем мире, рядом с нами. Кальвин тоже говорит о духах, которые и есть демоны.

Бестелесные в сущности, они, тем не менее, очень опасны. Образу Люцифера — персонажу церковного Страшного суда — вторит его описание, данное в XI главе

Книги Иова и в копии этого произведения, сделанной Мальдонадо[1]. Вот как описаны Бегемот и Левиафан:

«Зверь премного ужасный и размерами туловища, и жестокостью. Его сила заключена в почках, а добродетель в пупе. Хвост его тверд подобно кедру, его гениталии перекручены, кости словно колонны, а хребет острый как лезвие. Его клыки наводят ужас; все его тело покрыто чешуей словно чеканными монетами. Он недоступен и защищен со всех сторон».

Со времен первородного греха это прожорливое чудовище захватило Землю и стало хозяином падших людей. Беруль поясняет:

«Сатана, будучи победителем в замкнутой сфере земного рая, отнял у Адама его вотчину и присвоил себе титул властителя — власть над миром, которая должна принадлежать человеку. И без конца он его искушает, не давая душе человеческой покоя, поскольку она находится в пределах царства Сатаны, которым он незаконно завладел».

Иногда ему удается завладеть телом человека. Если до грехопадения Сатана мог превращаться в змия, то теперь он вселяется в человека, и тот становится бесноватым. Во всех богословских произведениях, когда речь идет о демоне, прослеживается доктрина, согласно которой выражения «князь этого мира», «князь поднебесья» можно понимать буквально. Лютер заверяет нас, что «мы подвластны дьяволу так же, как и Господу Богу». И добавляет: «Телом мы подвластны дьяволу, мы странники и гости в мире, где дьявол является князем и богом. Хлеб, что мы едим, питие, что мы пьем, одежды, что мы носим, и даже воздух, которым мы дышим, — все плотское в этой жизни в его власти».

Три четверти века спустя Мальдонадо тоже утверждает, что «нет на Земле другой такой власти, ко-

---

[1] *Мальдонадо* Лопес Габриэль — испанский поэт и писатель XVI века. — *Примеч. ред.*

торая сравнилась бы с его властью». Следовательно, «кто может противостоять дьяволу и плоти?» Мы не можем устоять даже перед самым малым грехом. Лютер, задаваясь этим вопросом, вторит тексту из Книги Иова: «Для демона железо не прочнее соломинки, он не страшится никакой силы на Земле». Подобное возвеличивание власти Сатаны устраивало Церковь и служило подтверждением веры, постулирующей беззащитность человека перед кознями Лукавого. Поэтому Кальвин проповедует, что сражаться в одиночку с дьяволом, таким сильным и искусным воителем, это просто безумие.

«Те, кто собирается сразиться с ним, полагаясь только на свои силы, не представляют, с каким врагом они имеют дело, насколько он силен и ловок в борьбе, насколько он вооружен. А потом мы просим освободить нас от его власти, как от пасти голодного и свирепого льва, готового растерзать нас ногтями и зубами и проглотить».

* * *

Итак, «начиная с колыбели человечества между людьми и дьяволом идет постоянная война». Католические и протестантские богословы сходятся в том, что враг неустанно тщится напакостить своей несчастной земной жертве. Мальдонадо пишет: «Существуют три сферы, где дьявол может проявить свою власть: духовная, телесная и внешняя». Иначе ничто во Вселенной не может укрыться от влияния властителя ада и злых гениев. Следует знать, что демоны воздействуют тремя способами — «непосредственно локальным воздействием», опосредованно «путем превращения активных вещей в пассивные, что признается всеми богословами» и «ослеплением и обманом чувств».

Что касается локального воздействия, то в действительности демоны не могут изменить порядок Все-

ленной, «поколебать и изменить или помешать естественному ходу небес». Но все это они способны сделать с низшими телами, находящимися в подлунном мире, который подвластен ангелам, а также демонам. В этой сфере нет такого тела, сколь бы обширным и большим оно ни было, которое бы демоны не смогли переместить. В этом и заключается «локальное воздействие», в результате которого в мгновение ока одна вещь подменяется другой.

Что касается превращения активных вещей в пассивные, то Дель Рио[1] объясняет это так:

«Путем превращения или изменения вещей они часто творят чудеса, природа которых естественна, но нам неведома. Демонам известны сущность всех естественных вещей, все их особенности, наилучшее время превращений, наконец, все ухищрения и лукавство. Поэтому не стоит удивляться тому, что случаются сверхъестественные вещи, невозможные без дьявольского вмешательства, но которые совершаются посредством естественных способов и приспособлений. Такие творения, однако, не выходят никогда за рамки природы».

Существуют демоны инкубы и суккубы. От злого духа, инкуба, женщина может родить ребенка, человеческое существо. Дель Рио, так же как автор «Молота ведьм», полагает, что в этом случае настоящий отец ребенка не злой дух, а муж. Однако семя было подложным — прекрасный пример «локального воздействия».

Так же, как авторы «Молота ведьм» и другие демонологи того времени, Дель Рио верит, что ведьмы действительно собираются на шабаши и их присутст-

---

[1] *Дель Рио* Мартин (1551—1614) — испанский и южнонидерландский адвокат, историк и теолог, крупнейший специалист по демонологии. Иезуит, один из самых грозных инквизиторов своего времени. — *Примеч. ред.*

вие там не является лишь плодом воображения. Они летают то на козле или другом животном, то на помеле или палке, то оседлав мужчину, которого им сотворяет из воздуха сам черт.

Вопрос об оборотнях был особо дискутируемым. Действительно ли адские силы способны превратить человека в зверя, а именно в волка? И в «Молоте ведьм», и у Дель Рио ответ отрицательный. Но здесь имеются две возможности. Воздействуя на расположение духа и возбуждая испарения, нужные для своей проделки, дьявол делает так, что человек создает в своем воображении то, что он ему внушает. Или же волк и в самом деле настоящий, не одержимый демоном, и в этом случае его нельзя ранить или поймать.

Опираясь на материалы процессов над оборотнями, Жан Бодэн[1] высказывается более категорично:

«Если мы верим, что человеку под силу сделать так, чтобы вишня расцвела розами, на капусте созрели яблоки, железо превратилось в сталь, а серебро в золото, и создать тысячи разных драгоценных камней, более прекрасных, чем натуральные, так стоит ли удивляться тому, что Сатана способен изменить свой облик, имея такую силу, которой наделил его Господь Бог в этом мире».

Дель Рио более сдержан, чем Бодэн. Но и у него можно еще найти описание поразительных способностей Сатаны:

«С Божьего позволения он может вернуть старикам первую молодость (вот вам сюжет «Фауста». — *Авт.*), способен улучшить память, ухудшить ее или вовсе лишить человека памяти».

Но демонам больше нравится мутить человеческий разум, с тем чтобы человек все видел в искаженном свете. Дав волю внешним проявлениям чувств, че-

---

[1] *Бодэн Жан* (1530—1596) — французский писатель, философ и теолог. Признанный специалист по демонологии. — *Примеч. ред.*

ловек через дьявольское воздействие может впасть в исступление или крайний восторг.

Говоря о прогнозировании будущего, Дель Рио уточняет, что дьявол не может заранее предсказать все действия человека. Однако Враг располагает обширными сведениями о будущем, поскольку в результате каждодневных наблюдений он приобрел «всеобъемлющий опыт». Ему ведомы «свойства естественных вещей, их сила и добродетельное воздействие. Поэтому он может вычислить то, что непременно произойдет: затмения, конъюнкция звезд и т.п. Между прочим, прибегая к соблазну, он способен сломить волю человека». Он осведомлен о слабостях человека и различных темпераментах и о возможных их проявлениях. Несмотря на то, что по своей природе дьявол лжив, он может делать истинные предсказания (но это лишь один из его способов лгать).

«Что и когда должны совершать люди, что Бог должен покарать какой-то народ, что какая-то армия будет разбита мечом, голодом или напастью, что такой-то погибнет от такого-то, что такой-то князь будет свергнут с престола...»

Так или иначе, Сатане известно три четверти нашего будущего.

* * *

Теперь о жутком союзе Сатаны и смерти. Лукавый имеет обыкновение принимать личину умерших и представать в их облике. Его власть над погребенными без должного образа исключительно велика. В общем, его способность воздействия на мертвых можно объяснить тем, что ему подвластны все «телесные вещи». Иногда случается, что после смерти человека и его сердце, и его тело в течение какого-то времени не подвержены разложению, а волосы и ногти продолжают расти — это дело рук Сатаны.

Демоны имеют некоторую власть над умершими. Но способны ли они по-настоящему отделить душу от тела, то есть умертвить? Это важный вопрос, и Дель Рио отвечает на него утвердительно: разве не были задушены Асмодеем семь мужей Сары; разве не Сатана убил детей Иова, не он ли убивает ежедневно множество людей посредством колдовства и порчи? На вопрос, могут ли демоны убить человека, Мальдонадо отвечает, что «они могут его убить», и прибегает к тем же аргументам: дети Иова, семь первых мужей Сары. Шестьдесят лет до этого Лютер проповедовал в «Великом катехизисе»:

«Поскольку дьявол не только лжец, но еще и убийца, то он непрестанно покушается на нашу жизнь и разряжает свою злобу, чиня нам телесные повреждения и несчастья. Многих он погубил: сломал шею, помутил разум, утопил, подтолкнул к самоубийству и другим жутким несчастьям. Посему на этой земле нам не остается другого, как беспрестанно взывать к Богу о помощи, о защите от основного Врага и его нападок».

Существует множество церковных произведений, посвященных этой теме, в которых определяются проделки Сатаны. В «Молоте» приведены многословные рассуждения об обманах, которые творит второй властитель Вселенной, потешаясь над людскими слабостями.

«Демоны в состоянии переместить какое-либо тело, также они могут повлиять на мысли и расположение духа, естественные функции, то есть на то, как воспринимается окружающее нашими органами чувств и воображением».

«Молот» приписывает обману чувств все удивительные превращения: человек вдруг принимает обличье зверя, старуха превращается в девушку; также может померкнуть свет или потускнеть стекло. При таком подходе становятся досужими богословские споры о шабашах ведьм и оборотнях. Ведь то, что Сатана не

может совершить, он может внушить, что это совершилось. При этом остается важным оградить себя молитвой, чтобы не быть обманутым великим искусителем. Поэтому верить в чары Сатаны и в своем воображении присутствовать на шабаше так же грешно, как и быть там на самом деле.

Человек беспрестанно сталкивается с адскими уловками, которые остаются опасными, даже будучи иллюзорными. Они терзают человеческую душу, вводят в обман разум и чувства. Лютер пишет:

«При посредничестве ведьм Сатана может нанести ущерб ребенку, повергнуть в ужас и ослепить, сокрыть, сделать так, чтобы дитя исчезло, а сам займет его место в колыбельке...

Чары — это не что другое, как дьявольский обман, касается это всего тела или какой-то его части. Так же объясняется возрастной обман. Колдовским чарам могут быть подвержены и дети. Все это в реальности не более как игра, и все то, на что Сатана навел порчу, может быть им же исправлено, для этого он должен снять свое внушение у жертвы и у окружающих.

Столь велики хитрость и сила Сатаны, которыми он действует на нас. И что в этом удивительного? Ему очень легко околдовать человека, который видит то, чего нет в самом деле, слышит несуществующие голоса, гром, флейту или трубу».

Таким образом, все, что мы видим, может быть не реальным, а дьявольскими проделками. Эти мысли высказывались еще св. Августином и св. Фомой и много раз повторялись позже.

* * *

Сатана, демоны — в демонологии нет различия для единственного и множественного числа. Дьявольская вездесущность приводит к тому, что постулиру-

ется не только всемогущество Люцифера, но и наличие послушного ему войска падших ангелов, подобно небесному воинству ангелов, исполняющих волю Господа Бога. Даже если, как полагают некоторые богословы, Сатана сам восседает в аду, то его подручные обитают в нашем мире или же, по крайней мере, находятся между адом и землей и будут там находиться до Судного дня.

В 1616 г. секретарь герцога Баварского в своем широко известном произведении «Империя Люцифера» обозначает географию этой империи. Первая категория демонов обитает в аду, вторая категория — в нижнем (нашем) небе, третья — на земле, а точнее в лесах, четвертая — в морской пучине, в реках и озерах, пятая — под землей и, наконец, шестая категория — люцифуги — живут во мраке и проявляют себя только в темноте.

Сколько же их? Альберт Великий утверждал, что это ведомо только самому Господу Богу. А в произведении неизвестного автора «Кабинет короля Франции», вышедшем в 1581 г., приводится цифра такого порядка: 7 405 920 злых духов, распределенных между 72 князьями, которые, естественно, послушны Сатане. Что касается других авторов, то в «Трактате об ангелах» Суарез[1] высказывает мысль, что с момента первого движения каждый человек имеет, по-видимому, двойника — злого духа, который предназначен для его искушения в течение всей жизни.

В письменном документе середины XV в., пособии по заклинаниям «Книге заклятий», содержатся вопросы, которые следует задавать демону. Заклинатель пытается посредством этого вопросника проник-

[1] *Суарес* (Suarez) Франсиско (1548—1617) — испанский философ, представитель поздней (так называемой второй) схоластики; иезуит. Крупнейший представитель католической теологии. — *Примеч. ред.*

нуть в тайны потустороннего мира, познать средства и границы воздействия обитателей ада. Но это, конечно, опасное дело. Перед тем как за него приняться, заклинатель должен прочитать молитву «Скорбящее сердце» и осенить себя крестом.

«Вопросы демону:

1. Каково твое имя?

2. Чего ты желаешь и почему ты беспокоишь это место более, чем другие?

3. Почему ты принимаешь разные обличья?

4. И почему одни обличья чаще, чем другие?

5. Ты это делаешь для того, чтобы запугать местных обитателей и жителей города? Или для их погибели? Или для того, чтобы проучить их?

6. К жителям этого города ты более враждебен, чем к другим? Или менее, или так же?

7. Жителей этой местности ты подвергаешь пыткам более, чем других? В силу каких грехов?

8. Ты пытаешь больше прихожан или священников и в силу каких грехов?

9. Священники или прихожане мужского или женского пола более подвержены наваждениям твоим и твоих сообщников, чем жители других мест, и за какие грехи?

10. Какой грех самый желанный для тебя и твоих сообщников? Какое благодеяние для вас самое огорчительное?

11. Какая добродетель помогает людям легче и лучше избежать вашей тирании?

12. Когда человек агонизирует, к какому греху вы его особенно склоняете?

13. Если человек при смерти, будь то даже святой, присутствуешь ли при этом ты или другой злой дух?

14. Присутствуют ли при этом ангел-хранитель и святые, чтобы защитить благочестивого от ваших гнусных нападок?

15. Являются ли делом рук злого духа те наваждения и обманы, которые время от времени случаются через воздействие женщин, которых называют «фатальными» (ведьмами), или каким-либо другим образом злоупотребляют невежеством обывателя? Существуют ли женщины, мужчины и животные от дьявола? Или же злой дух не способен принять их обличье?

16. Можем ли мы получить благодать Господа нашего Иисуса Христа, чтобы он удалил тебя из наших мест, чтобы ты никому не чинил зла, чтобы ты бежал туда, где нет людей?

17. Что мы должны сделать, чтобы так случилось?

18. Как мы узнаем, что Господь наш убрал тебя из этих мест и других людских обиталищ?»

* * *

Иисус назвал Сатану «князь этого мира», он сказал: «я не этого мира... мир меня ненавидит» и предупредил о том же своих учеников: «Вы не этого мира. Мир вас ненавидит». Св. Павел пошел дальше и назвал Сатану «богом этого мира». В течение веков богословы развили эту тенденцию и расширили значение слова «мир» до границ Вселенной.

Таким образом, самосознание человека стало основано на обостренном чувстве незащищенности человеческой жизни, незащищенности от греховных искушений, незащищенности от пагубных сил. Эта двойная незащищенность чувствовалась острее, чем раньше, а волны жестокости, затопившие в крови Европу в первые века Нового времени, в полной мере соответствовали страху перед дьяволом с его подручными и их уловками.

ПОТУСТОРОННИЙ МИР. ДЬЯВОЛ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ВОПЛОЩЕНИЕ И АДЕПТЫ[1]

Дьявол (от *греч.* diabolos, перевод евр. термина «Сатана») — главный символ трансцендентного высшего зла. Именуется также лукавым, нечестивым и т. п., у мусульман — шайтаном и Иблисом. Первоначально под дьяволом иудеи понимали ангелоподобное существо, в чьи обязанности входило удостовериться в верности людей Богу посредством их искушения. Затем, в период вавилонского пленения, под персидским дуалистическим влиянием дьявол из слуги трансформировался в противостоятеля Богу. Таким образом, дьявол идентифицируется с демоном.

Изначально дьявол носил личину ангела и даже являлся предводителем небесного воинства, но утратил Божественную чистоту, впав в грех гордыни. Он отказался поклониться сотворенному человеку, за что подвергся изгнанию из рая. При падении он и его сторонники обретают хвосты, когти и другие демонические черты. Его небесное имя было Люцифер, или Денница, что подразумевало светлую субстанцию. Но визуальный, аполлонический свет не есть сияние внутренней святости. После отчуждения от Творца ему было присвоено имя Сатана, т. е. враг, противостоятель.

Планетарным воплощением Люцифера считалась Венера, символизирующая плотскую любовь и красоту форм, противостоящая красоте и любви христианской духовности. Знак Люцифера — пятиконечная звезда, ибо она содержала намек на двойственную природу «падшего ангела». При правильном изображении пентаграмма есть схематическая проекция человеческого тела, обозначающая его душу: счи-

---

[1] По материалам сайта «Anomal Wiki».

талось, что души людей после смерти превращаются в звезды. Звезда, конусом направленная вниз, — это «морда Люцифера», в которой можно усмотреть атрибуты существа из преисподней.

Нумерологическое воплощение Сатаны — число 364 (в отличие от Антихриста, воплощенного в число 666). Во-первых, суммарное сложение цифр дьявольского числа равняется 13. Во-вторых, 364 есть календарный год без одного дня, что указывает на отсутствие гармонии в дьявольском мире. Над одним днем в году, а именно над христианской Пасхой, Сатана не властен.

В рамках проблемы теодицеи в средневековом богословии имела место дискуссия определения исторической миссии дьявола. Одни теологи считали Сатану онтологическим врагом Бога, что служило основанием для обвинения их в манихейском, т. е. дуалистическом, уклоне. Другие именовали дьявола слугой Господа, предназначенного соблазнить нестойких в вере и выступить их обвинителем в дни Страшного Суда, что вызывало упрек в интерпретации Бога как первоисточника генезиса зла. Некоторые секты, например езиды, считали дьявола более могущественным, нежели Демиурга.

На престол Люцифера был возведен архангел Михаил, бывший до того четвертым в ангельской иерархии и первым из ангелов выступивший против Сатаны. Во время пришествия Христа Михаил победил дьявола, заковав его в оковы на тысячу лет. В апокрифических сочинениях, сообщавших о сошествии Христа в ад, дьявол изображался закованным в оковы и распоряжавшимся всем происходящим вокруг.

Внешний облик дьявола, вобравший в себя черты парнокопытного Пана, был нормативно установлен Толедским собором 447 года. Но дьявол обладал силой менять обличья. В Малороссии XVIII в. его изображали в немецком фраке. Наиболее опасной формой проявления была внешность дьявола в качестве ангела, наводящего ужас, — «полуденный дьявол». Именно его испугалась Дева Мария во время Благовещения. В композиции с дьяволом не могли быть помещены священ-

ные христианские символы голубя и ягненка. Его появление сопровождали шум бранящейся толпы, голоса плачущих младенцев, рев быков, львиное рычание, звуки движущейся армии. Дьявол являлся людям не обычным способом, не отпирая закрытых дверей и окон — он распространял зловония, причиняющие обычному человеку страдания, среди них различался запах серы.

Обычно под дьяволом понимался верховный предводитель сил зла, тогда как демонами считались падшие ангелы более низшего порядка. Ряд легенд приписывает дьяволу плотскую связь с Евой и зачатие от нее Каина. Все зло, творящееся в мире, происходит при прямом или косвенном содействии дьявола...

Те, кто поклонялся дьяволу, считали, что он заступает место бога и является истинным спасителем рода человеческого от несправедливостей Господа (изгнание первых людей из рая, мученичество и проч.)

Для поклонения Люциферу существовали церемонии шабаша и Черной Мессы.

Шабаш (от *еврейск.* — суббота) — это сбор ведьм, колдунов и прочей нечистой силы для встречи с дьяволом. Устраивался обычно по субботам (реже по средам и пятницам) в уединенных и диких местах. Также независимо от дня недели главными ночами шабаша являются Вальпургиева ночь (на 1 мая) и Хеллоуин (на 1 ноября). Считалось, что ведьмы и колдуны переносились туда с помощью дьявола в мгновенье ока, иногда усаживаясь для этого на кочергу, метлу, козла. Для присутствия на шабаше необходимо было натереть определенные части тела особой мазью из человеческого жира.

Представление о действии самого шабаша следующее. На шабаше председательствует Сатана в виде козла. Его зовут «мессир Леонард» (реже Уриан). Он раздает пришедшим порошки и жидкости для приготовления ядов и всевозможных напитков. Надрезает кору деревьев (обычно дубов), из-

влекает оттуда вино, которым опьяняет присутствующих. Затем колдуньи приносят в жертву живых младенцев, которых варят в котлах. Убивают также жаб, лягушек, кошек и изготовляют из их костей магические предметы.

Одна из девушек — «новообращенная» — объявляется царицей шабаша. Совершенно голая она ложится на алтарь, где Леонард совершает с ней половой акт, лишая девственности, и после этого с ней могут совершить то же все желающие. Иногда как такового алтаря нет, его «роль» выполняет сама «новообращенная», предоставляя свое тело в качестве не только средства для удовлетворения плотских потребностей, но и как стол, с которого едят и пьют и для других необходимых действий. Затем начинаются танцы (с хороводом спинами друг к другу), пир и оргия, где приветствуются все виды извращений, большое внимание уделяется инцесту (половому акту между близкими родственниками), т.к. считается, что истинный колдун может родиться только от этой связи.

Однако разврат является не главным действием и целью шабаша. На шабаше дьявол наделяет колдунов и ведьм властью, распределяет местности между нечистой силой, награждает верных слуг и вся нечисть «строит планы» на причинение вреда людям.

Обязательные шабаши устраиваются в следующие ночи:

1) Йоль (Фадлас) — во время Святок 20—23 декабря;

2) Кандлмас (Имболк) — 2 февраля;

3) День Дамы (Остара) — в весеннее равноденствие 20—23 марта;

4) Вальпургиева ночь (Белтан, Гетшаман, Рудмас) — ночь на 1 мая — один из двух главных шабашей;

5) Иванова ночь — летнее солнцестояние 20—23 июня;

6) Ламмас (Лугнасад) — 1 августа;

7) Миклмас, Мабон — осеннее равноденствие 20—23 сентября;

8) Хеллоуин (Самхан, Самхэйн, Хэллоуз) — ночь на 1 ноября — один из двух главных шабашей.

* * *

Описание шабаша дается, в частности, в книге Л. Кэбот «Сила ведьм». «Натершись мазью, приготовленной из жира новорожденных детей и различных трав, таких как: мак, паслен, подсолнечник, головолом и белена, ведьмы могут носиться по воздуху на разного вида утвари: щетках, кочергах и сенных вилах. Эти вспомогательные средства употребляются ими обыкновенно во время большого праздника, шабаша ведьм, который обыкновенно справляется на какой-нибудь высокой горе, а в некоторых странах в большом лесу, на открытом месте. Празднество происходит или в Вальпургиеву ночь на первое мая, или в ночь на Иванов день. В этих празднествах должны участвовать все ведьмы; тех, кто отсутствует без уважительных причин, черт мучает всю ночь так, что они не могут спать.

Когда настает время отъезда, ведьма натирается мазью, берет предмет, на котором хочет ехать, и тихо говорит следующие слова: «Взвейся вверх и никуда» ('Oben auss und nirgends an'). Летает она обыкновенно через дымовую трубу. Некоторые скачут на своем черте, который стоит у дверей в виде козла. Во время путешествия ведьмы должны особенно остерегаться того, чтобы не беспокоиться и не озираться вокруг; ибо в противном случае они падают вниз и могут причинить себе большой вред, так как они часто летают очень высоко. Некоторые совершенно голые, другие — в одежде.

Когда они соберутся на место празднества, то начинают приготовления к пиршеству. Столы и скамейки придвинуты, и на стол ставятся дорогая серебряная и золотая утварь. Кушанья часто бывают превосходны, но иногда черт любит пошутить над своими гостями и угощает их падалью, другими нечистыми яствами; в кушаньях, однако, нет соли, так бывает всегда. После еды ведьмы обмениваются новостями: каждая сообщает, что происходило в ее стране; ибо они обращают внимание на все, что делается у людей. «Для начальников

ведьм и колдунов это служит таким средством, что они становятся своего рода новыми газетами».

Затем дьявол дает своим слугам новый яд, чтобы творить новые несчастья. Этот яд, как повествуют многие авторы, добывается таким образом: дьявол в образе козла приказывает сжечь себя, после чего ведьмы старательно собирают золу, которая чрезвычайно опасна для людей и скота. Вскоре после этого козел, однако, вновь появляется среди них и взывает страшным голосом: «Отомстите им или вы умрете».

Затем все выражают дьяволу свою глубокую преданность и почтение. Это делается в такой форме: козел обращает ко всему собранию заднюю часть тела и всякий член собрания целует его в это место. Но в этом виде он показывается не всем; новообращенные, на которых еще нельзя вполне положиться, отводят глаза, и они воображают тогда, что видят великого принца, которому они целуют руки; но это одно только воображение. Затем начинается настоящее веселье, ведьмы становятся в круг, спинами внутрь круга, чтобы не видеть друг друга, и под свист начинают свой хоровод. Во время танца ведьмы и черти поют хором: «Господин, господин, черт, черт, прыгни здесь, прыгни там, скакни здесь, скакни там, играй здесь, играй там». В заключение каждый черт хватает свою ведьму, удовлетворяет с ней свою похоть, после чего наступает время, когда каждая ведьма должна рассказать, какое несчастье сотворила она со времени последнего общего собрания. Тех, кто не может рассказать о какой-нибудь достаточно злой проделке, старшие дьяволы бьют плеткой.

Когда новые сочлены увидят, таким образом, все, чего они могут ожидать худого и хорошего, их торжественно принимают в союз, причем они вписывают свое имя собственной кровью в большую книгу. Иногда заключается формальный контракт между дьяволом и лицом, вступающим в сделку; это лицо оговаривает в нем себе земные блага, за что по истечении определенного времени переходит во власть дьявола. Такой контракт может быть заключен не только во вре-

мя праздника, но, вероятно, и во всякое время. Это видно из следующего отрывка старинного акта: «Я, нижеподписавшаяся, Магдалина де-ля-Палюд и т. д., сим заявляю и удостоверяю, что в присутствии господина Луи Готфрида и дьявола Вельзевула я отрекаюсь от моей части у Бога и у небесных сил. Я отрекаюсь вполне, всем сердцем, силой и волей от Бога Отца, Сына и Святого Духа, от Пресвятой Богородицы, от всех святых и ангелов, а в особенности от моего ангела-хранителя» и т. д.

После того как имя занесено в книгу и контракт заключен, совершается крещение нового члена. Это и есть причина, почему ведуны и волшебники обыкновенно имеют по два имени. Наконец, дьявол помечает вновь посвященного своим знаком, чтобы впоследствии узнать его; знак этот всего чаще делается на скрытом месте тела, где он не может быть замечен другими. Где дьявол касался своими пальцами, там не чувствуется никакой боли; по таким нечувствительным местам на теле можно узнавать колдунов и ведьм.

* * *

Черная Месса представляет собой в общих чертах извращение католической мессы. Общий принцип Черной Мессы — тот, что в ней все совершалось обратно обыкновенной мессе. Различают несколько разновидностей этой церемонии. В одной из них, например, читали наоборот Евангелие. При этой церемонии употреблялись черепа, человеческие кости. В жертвенную чашу клался прах, который благословляли, как хлеб жизни.

Такова была, в кратких чертах, «тщетная» месса гностиков и альбигойцев. В ней Сатана заменялся тремя волхвами — Гаспаром, Мельхиором и Валтасаром, теми самыми, которые пришли поклониться новорожденному Спасителю в Вифлееме, увидев на небе его звезду. Служились мессы для различных целей: для причинения смерти врагам, для поимки вора. В новейших Черных Мессах для этого употреб-

ляют пуповину новорожденного младенца. Употребляют также всевозможные нечистоты. При церемонии часто совершаются всевозможные эротические и развратные действия.

Черная Месса раньше совершалась и независимо от шабаша. К ней прибегали, дабы получить помощь дьявола и заслужить его расположение. Для этого надо было богохульствовать и оскорблять Бога. Служил Черную Мессу всегда какой-нибудь священник-ренегат, и для нее необходимо было достать уже освященное причастие, дабы издеваться над ним. Алтарем служил живот голой женщины. Чаша ставилась ей между грудей или между ног. Для большего успеха Черной Мессы рекомендовалось принести в жертву новорожденного младенца, причем кровь его сливалась в чашу, и от нее пили и священник-ренегат, и женщина-алтарь, после чего следовало их совокупление.

В XV веке Gilles de Lanal scigneur de Rete, которого народное предание изобразило в виде Синей Бороды, в погоне за секретом производства золота, принес в жертву дьяволу до 200 мальчиков, и после его ареста в подземельях его замков в Chamtoce, Machicoul и Tiffauges была найдена масса детских черепов и костей.

Во время Людовика XVI во Франции лишенный сана священник Гибург особенно часто приглашался для совершения Черных Месс. С этой целью к нему обращалась и фаворитка короля, мадам де Монтеснан. Редкая гравюра того времени изображает ее лежащей на столе, перед ней стоит Гибург и, держа в руках младенца, вонзает в него нож, причем кровь стекает на тело Монтеснан.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ СИЛ ЗЛА

Из книги Д. Фрезера «Золотая ветвь»[1]

Прежде всего следует заметить, что дурное, нежелательное влияние не обязательно переносится на человека, с равным успехом его можно перенести на животное или на неодушевленный предмет (впрочем, в последнем случае этот предмет зачастую является не более как проводником, через который дурное влияние передается первому прикоснувшемуся к нему человеку). Жители некоторых островов Ост-Индии полагают, что больного эпилепсией можно вылечить, отхлестав его по лицу листьями определенных видов деревьев и выбросив эти листья. Болезнь в таком случае якобы переходит на листья и выбрасывается вместе с ними. В целях излечения от зубной боли австралийские аборигены прикладывают к щеке больного нагретую копьеметалку, после чего копьеметалку выбрасывают, и вместе с ней тело больного по кидает болезнь в образе черного камня, называемого Karriitch. Такого рода камни аборигены отыскивают на древних курганах и на песчаных дюнах. Их тщательно собирают и бросают в направлении страны врагов, чтобы к ним перешла зубная боль. Многие багирми, люди пастушеского племени из Уганды, страдают от глубоких гнойников. «Способ излечения их заключается в передаче болезни другому. Для этого берут у знахаря лечебные травы, натирают ими распухшее место и зарывают их на дороге, по которой непрерывно ходят люди. Болезнь переходит на того, кто первым наступит на за-

[1] Перевод с англ. М. Рыклина.

рытые травы, после чего прежний больной якобы выздоравливает».

В некоторых случаях, прежде чем перенести болезнь на человека, ее передают какому-нибудь изображению. Так, у баганда знахарь нередко начинает с того, что лепит из глины статуэтку своего пациента, после чего какой-нибудь родственник прикасается ею к телу больного и зарывает ее на дороге или прячет в траве у обочины. Болезнью заразится тот, кто первым наступит на статуэтку или пройдет мимо нее. Иногда изображение изготовляли из цветка бананового дерева, которому придавали черты сходства с человеком. Поступали с ним так же, как с глиняной фигуркой. Поступки такого рода считались преступлениями, караемыми смертной казнью. Человека, которого застали за закапыванием фигурки на проезжей дороге, ждала верная смерть.

Часто в роли агентов передачи или устранения дурного влияния выступают животные. Если марокканцу случается страдать от головной боли, он дубасит ягненка или козла до тех пор, пока тот не упадет, в надежде, что тем самым передаст головную боль животному. Чтобы отвадить джиннов, или злых духов, от лошадей, богатые марокканцы держат в своих конюшнях кабанов. Южноафриканские кафры, безрезультатно использовав все средства помощи больному, «подводят к больному козла и исповедуются перед животными в грехах крааля. Иногда на голову козла роняют несколько капель крови больного, после чего животное выгоняют на пустынное пастбище. Считается, что болезнь перешла на козла и затерялась в пустыне». Жители Аравийского полуострова во время эпидемии чумы иногда проводят по всем кварталам города верблюда, чтобы это животное приняло болезнь на себя. После этого верблюда душат на священном месте, воображая, что таким образом они отделались от чумы.

Во время эпидемии оспы туземцы острова Формоза вгоняют демона болезни в свинью, а затем отрезают и сжигают уши этого животного, полагая, что освобождаются таким путем от самой болезни.

У батаков с острова Суматра имеется обряд под названием «изгнание проклятия». Если женщина бесплодна, в жертву богам батаки приносят трех кузнечиков, символизирующих корову, буйвола и лошадь. Затем они выпускают на свободу ласточку, молясь о том, чтобы проклятье пало на голову птицы и улетело вместе с ней. «Малайцы считают дурным предзнаменованием, если в дом войдет животное, которое обычно избегает человеческого жилища. Так, если в дом залетает дикая птица, ее нужно поймать, вымазать маслом и отпустить на волю, повторяя при этом приказ птице забрать с собой, улетая, все неудачи и напасти домовладельца». В древности, судя по всему, так же поступали гречанки с ласточками, пойманными в доме. Они поливали их маслом и отпускали на волю с целью отвести несчастье от дома. Живущие в Карпатах гуцулы воображают, что, вымыв лицо в проточной воде и повторив: «О ласточка, ласточка, забери с собой мои веснушки, а мне дай румяные щеки», они могут передать веснушки первой ласточке, прилетевшей по весне.

* * *

В других случаях в роли козлов отпущения выступают люди, которые принимают на себя напасти, угрожающие другим людям. В 1590 году шотландская колдунья по имени Агнесса Сэмпсон была признана виновной в том, что излечила некоего Роберта Кэрса от болезни, «которую колдун наслал на него, когда он был на западе в Дампфрисе. Болезнь эту она приняла на себя и с великими стонами и мучениями продержала до утра, в каковое время из дома доносился силь-

ный шум». Шум этот ведьма производила, предпринимая попытки через одежду передать свою болезнь кошке или собаке. К великому сожалению, это удалось ей лишь отчасти — она промахнулась и поразила болезнью некоего Александра Дугласа из Далкейта, в результате последний зачах, а Роберт Кэрс, напротив, выздоровел.

Римляне полагали, что для того, чтобы вылечить больного лихорадкой, нужно подстричь ему ногти и перед восходом солнца воском прилепить обрезки к двери соседа; в таком случае лихорадка с больного перейдет на соседа. К сходным уловкам прибегали и древние греки. Так, вырабатывая законы для своего идеального государства, Платон не смел надеяться, что его граждане не будут приходить в панику при виде восковых фигурок, лежащих на перекрестках дорог, прилепленных к дверям их домов или к надгробным камням на могилах их родителей. В IV веке нашей эры Марцелл из Бордо прописал средство против бородавок, которое продолжает пользоваться огромной популярностью у многих суеверных европейцев. Притроньтесь к бородавкам таким числом камешков, каково у вас количество бородавок, потом заверните камешки в лист плюща и подбросьте сверток на оживленную улицу. Не сомневайтесь, что ваши бородавки перейдут тому, кто поднимет сверток.

Иногда жители Оркнейских островов моют больного, а воду выплескивают на ворота в уверенности, что болезнь оставит больного и перейдет к первому человеку, который пройдет через ворота. А вот баварское средство против лихорадки. Напишите на листке бумаги: «Лихорадка, убирайся восвояси, меня нет дома» — и засуньте листок в чей-нибудь карман. В результате больной выздоровеет, а лихорадка перейдет к владельцу кармана. Вот какое лекарство прописывают от той же болезни жители Богемии: возьмите пустой

горшок, выйдите с ним на перекресток, бросьте его на землю и бегите прочь. Вашу лихорадку схватит тот, кто первым наступит на горшок.

Солидные древние авторы рекомендовали человеку, которого ужалил скорпион, сесть верхом на осла, повернувшись лицом к хвосту, или прошептать ему на ухо: «Меня укусил скорпион». В любом случае боль от укуса, по их мнению, перейдет от человека к ослу. Несколько средств такого рода описывает и Марцелл из Бордо. Вот, к примеру, средство от зубной боли. Обувшись, встаньте на землю под открытым небом, схватите за голову лягушку, плюньте ей в рот, попросите унести с собой зубную боль и выпустите на волю. Для совершения этой церемонии следует выбрать благоприятный день и час. К весьма сходному методу лечения прибегают жители графства Чешир, когда кто-нибудь из новорожденных заболевает афтозным стоматитом, или молочницей (болезнь ротовой полости или горла). В рот больного они на несколько секунд засовывают голову лягушонка, который якобы принимает болезнь на себя, после чего больной чувствует облегчение. «Уверяю вас, — рассказывала пожилая женщина, которая многократно руководила этим лечебным процессом, — мы своими ушами слышали, как после этого несчастный лягушонок, заболев смертельной болезнью, целыми днями судорожно кашлял. У вас бы сердце кровью облилось, если бы вы услышали, как заходилось кашлем в саду это несчастное создание». Жители Нортгемптоншира, Девоншира и Уэльса лечат кашель тем, что кладут между двумя ломтиками намазанного маслом хлеба волосы больного и дают этот бутерброд собаке. Съев его, животное заболевает простудой, а больной излечивается. В других случаях для того, чтобы перенести болезнь на животное, люди едят с ним из одной посуды. Так, если бы вы заболели лихорадкой в Ольденбурге, вам следовало бы поставить

перед собакой миску со сладким молоком и сказать: «Удачи тебе, псина, бери болезнь, а я здоровье выну». После того как собака вылакала часть молока, наступает ваша очередь отхлебнуть глоток из миски. Потом собака снова принимается лакать, а вы отхлебываете из миски еще глоток молока. На третий раз лихорадка покидает вас и переходит к собаке.

Жители Богемии считают, что, если вы хотите излечиться от лихорадки, вам нужно отправиться в лес до восхода солнца и поискать гнездо бекаса. Найдя гнездо, выньте из него одного из птенцов и держите его рядом с собой в течение трех дней. После этого возвратитесь в лес и выпустите птенца на волю. Лихорадка тотчас же выйдет из вас и перейдет к бекасу. Точно так же древние индусы в ведические времена отгоняли от себя чахотку с помощью голубой сойки. «О чахотка, — говорили они, — лети домой, лети вместе с сойкой голубой. О, исчезни под ярость вихря и бури вой!» В селении Ландегла в Уэльсе есть церковь, посвященная святой деве великомученице Фекле (St. Tekla). В ней лечат — или лечили — падучую тем, что переносили ее на домашнюю птицу. Сначала больной омывал свои члены в близлежащем священном колодце, трижды повторив при этом «Отче наш». Затем в корзине приносили домашнюю птицу — петуха или курицу в зависимости от пола больного. Ее обносили сначала вокруг колодца, потом вокруг церкви. Больной входил в церковь и до рассвета лежал под престолом Господним, после чего подавал шесть пенсов и уходил, оставляя птицу в церкви. Если птица умирала, считалось, что она приняла болезнь на себя и что больной выздоровел. Еще в 1855 году старый деревенский причетник уверял, что припоминает птиц, которые содрогались от эпилептических припадков, перешедших к ним от людей.

Больной нередко старается перенести бремя болезни или другого несчастья на какой-нибудь неодушевленный предмет. В Афинах имеется небольшая часовня святого Иоанна Крестителя, построенная как раз напротив античной колонны. К ней стекаются больные лихорадкой. Прикрепив к колонне навощенную нить, они уверяют себя, что перенесли на нее свою болезнь. Чаще всего, однако, болезни и другие напасти переносятся в Европе на деревья и кустарники. По мнению болгар, чтобы вылечить лихорадку, нужно на восходе солнца трижды обежать вокруг ивы, приговаривая: «Тебя будет трясти озноб, а меня будет греть солнце». На греческом острове Карпатос жрец обвязывает вокруг шеи больного красную нить. На следующее утро друзья снимают нить с его шеи, отправляются на склон горы и там привязывают нить к дереву, веря, что переносят болезнь на дерево. Итальянцы также избавляются от лихорадки, «привязывая» ее к дереву. Ночью больной обвязывает нить вокруг своего левого запястья, а на следующее утро подвешивает нить на дерево. Считается, что вместе с нитью к дереву привязывается и лихорадка. С этих пор больному запрещается проходить мимо этого дереза, а не то лихорадка разорвет свои оковы и вновь нападет на него. Фламандцы лечат малярию тем, что рано утром направляются к старой иве и завязывают на одной из ее ветвей три узла со словами: «Здорово, старуха, я отдаю тебе свой озноб, здорово, старуха» — после чего поворачиваются и, не оглядываясь, пускаются наутек. Если, будучи жителем Зоннеберга, вы хотите избавиться от подагры, вам следует подойти к молодой елке и завязать на одной из ее ветвей узел, приговаривая: «Благослови тебя бог, благодарная ель. Я приношу тебе свою подагру, Здесь вот завяжу я узел и затяну в него подагру».

И вот еще один способ перенести подагру с человека на дерево. Подстригите ногти больного и состри-

гите с его ног немного волос. Просверлите в дубе дырку, набейте ее волосами и обрезками ногтей, заделайте ее и обмажьте коровьим пометом. Будьте уверены, что в течение трех месяцев с этого момента больной подагрой вылечится, а дуб заболеет. Если чеширец хочет избавиться от бородавок, ему достаточно потереть себя куском копченой свиной грудинки, прорезать щель в коре ясеня и засунуть в нее грудинку. В скором времени бородавки на его руке исчезнут, превратившись в грубые наросты и шишки на коре дерева. В Беркгемпстеде в графстве Хартфортшир когда-то были дубы, за которыми издавна шла слава исцелителей от малярии. Процедура передачи болезни дереву была простой, но болезненной. Прядь волос человека, больного малярией, защемляли в стволе дуба. Он делал резкое движение и вместе с прядью оставлял в дубе свою болезнь.

* * *

Но самым страшным, конечно, было перенесение зла на другого человека, причинение вреда его душе. Индейцы-гуроны считают, что у души есть голова, тело, руки и ноги, короче, что она является уменьшенным подобием самого человека. У эскимосов бытует верование, согласно которому «душа обладает такой же формой, как и тело, частью которого она является, только более тонкой воздушной природы». Племена индейцев, живущие в нижнем течении реки Фрейзер, считают, что у человека есть четыре души; главная из них имеет форму человечка, а три другие являются ее тенями. На островах Фиджи представление о душе как о крошечном человечке находит выражение в обычаях, соблюдаемых на похоронах вождя племени накело. Когда вождь умирает, наследственные плакальщики-мужчины обращаются к смазанному маслом и покрытому татуировкой телу со словами: «Поднимись,

вождь, и пойдем. Над страной уже взошел день». Потом они несут тело к реке, откуда дух-паромщик переправляет через поток души накело. Провожая вождя в последний путь, они прикрывают его тело огромными веерами, объясняя это тем, что «душа его пока еще только младенец».

Как правило, считается, что душа покидает тело через отверстия, чаще всего через рот или через ноздри. Когда в присутствии индуса кто-нибудь зевает, тот щелкает пальцами, чтобы помешать душе выйти через открытый рот. Жители Маркизских островов зажимают рот и нос умирающего, чтобы сохранить его в живых и не дать ускользнуть его душе; сообщают, что так же поступают жители Новой Каледонии. Индейцы-итонама из Южной Америки запечатывают глаза, рот и нос умирающего, чтобы его душа не вышла наружу и не увлекла за собой другие души. По той же причине островитяне Ниаса, которым внушают страх души недавно умерших людей — они отождествляют душу с дыханием, стремятся заточить дух в его земной оболочке; для этого они, например, затыкают нос и связывают челюсти трупа. Прежде чем оставить труп, австралийские аборигены племени вакельбура закладывали ему в уши горячие уголья, чтобы удержать дух в теле до тех пор, пока живые не удалятся на достаточное расстояние и их нельзя будет настичь...

Считается, что душа погруженного в сон человека на самом деле вылетает из тела и посещает те места, видит тех людей и совершает те действия, которые видит спящий. Например, когда бразильский или гвианский индеец пробуждается от глубокого сна, он твердо убежден, что душа его взаправду охотилась, ловила рыбу, рубила деревья или делала еще что-то привидевшееся ему, в то время как тело в неподвижности лежало в гамаке. Целое селение индейцев-бороро пришло в панику и чуть не покинуло место своего обитания из-

за того, что кому-то приснилось, будто к ним украдкой приближаются враги.

Отсутствие души во время сна чревато опасностями, поэтому если по какой-либо причине душа надолго оторвется от тела, человек, лишившись своего жизненного начала, умрет. У румын бытует верование, согласно которому душа выскальзывает изо рта спящего в виде белой мыши или птички; преградить птице или животному путь к возвращению — значит вызвать смерть спящего. Поэтому жители Трансильвании утверждают, что не следует позволять ребенку спать с открытым ртом; в противном случае душа его выскользнет в виде мыши и ребенок никогда не проснется. Кроме того, душа может встретить душу недавно умершего человека, и та увлечет ее за собой. Поэтому туземцы на островах Ару не останутся в доме на ночь после того, как кому-то случится в нем умереть, так как считается, что душа умершего еще пребывает в доме, и они опасаются повстречаться с ней во сне.

Но душа покидает тело не только во сне. Она может покинуть его и во время бодрствования, и тогда последует болезнь, безумие или смерть. Один австралийский абориген племени вурунджерри лежал при последнем издыхании из-за того, что его дух отделился от него. Знахарь пустился на поиски и поймал душу как раз в тот момент, когда она готовилась погрузиться в пурпур заката, место, где души входят в подземное царство и выходят из него. Знахарь возвратил пойманную душу, прикрыв ее полостью из меха опоссума, лег на умирающего и вложил в него душу; по прошествии некоторого времени тот ожил. Лоло[1] в юго-западной части Китая также верят, что душа при хронической болезни покидает тело. В этом случае они устраивают нечто вроде сложного молебствия, при этом

[1] *Лоло* — устаревшее название народа ицзу. — *Примеч. перев.*

душу называют по имени и заклинают вернуться с холмов, долин, рек, лесов, полей и вообще отовсюду, где она может скитаться. Для того чтобы освежить уставшую от странствий душу, у двери выставляют чаши с водой, вином и рисом. По окончании обряда лоло обвязывают вокруг груди больного красную бечевку, чтобы привязать душу, и носят ее до тех пор, пока она не сгниет и не отпадет.

У некоторых конголезских племен бытует поверье, что, когда человек заболевает, его душа покидает тело и блуждает на просторе. Для поимки бродячего духа и его возвращения больному прибегают к услугам знахаря. Обычно знахарь объявляет, что успешно загнал душу на ветку дерева. После этого все жители собираются и в сопровождении знахаря отправляются к дереву, где сильнейшим мужчинам поручают сломать ветку, на которой, как предполагается, поселился дух больного. Они вносят ветку обратно в селение, показывая жестами, что ноша очень тяжела. Когда ветку приносят в хижину больного, он встает с ней рядом и знахарь произносит заклинания, с помощью которых душа возвращается ее владельцу.

* * *

Душа не всегда отлетает добровольно. С помощью привидений, демонов или колдунов душу можно извлечь из тела и против ее воли. Поэтому, когда похоронная процессия проходит мимо дома, карены привязывают детей к определенной части дома специальной веревкой, иначе души детей выйдут из своих тел и войдут в труп. Детей держат на привязи до тех пор, пока процессия не исчезнет из виду. Когда тело опущено в могилу, но еще не засыпано землей, каждый из стоящих рядом с могилой плакальщиков и друзей держит в одной руке расщепленный во всю длину ствол бамбу-

ка, а в другой — небольшую палку. Бамбуковые стволы опускают в могилу и, проводя палкой по желобам, указывают душе путь, которым та легко может выбраться. После того как могилу засыпают, бамбуковые трости вытаскивают, чтобы оказавшиеся в них души не были по оплошности засыпаны землей; уходя, люди уносят с собой бамбуковые трости, умоляя души последовать за ними. При возвращении с погребения каждый карен запасается тремя маленькими деревянными крючками и, приглашая душу последовать за ним, с небольшими перерывами совершает зацепляющее движение, а затем втыкает крючок в землю. Делается это с целью помешать душе живого остаться с душой мертвеца. У каро-батаков во время погребения колдунья размахивает палкой, чтобы отгонять души живых, потому что, если одной из них случится проскользнуть в могилу и быть погребенной, умрет и ее владелец.

Похищение души часто считается делом рук демонов. Китайцы, например, обыкновенно приписывают припадки и судороги действию неких злобных духов, которым доставляет удовольствие извлекать душу из человеческого тела. Духи, таким образом обходящиеся с детьми и младенцами, носят в Амое титулы «воинства небесного, галопом несущегося на конях» и «ученых, обитающих на полпути к небу». Когда ребенок корчится в судорогах, испуганная мать спешит взобраться на крышу дома и, размахивая бамбуковым шестом, к которому прикреплена одежда ребенка, выкрикивает несколько раз: «Ребенок мой по имени такой-то, вернись, возвратись домой!» В то же время другой обитатель дома колотит в гонг в надежде привлечь внимание заблудшего духа, который якобы узнает свою одежду и войдет в нее. Содержащую душу одежду надевают на ребенка (или кладут рядом с ним); если душу удалось заманить, ребенок непременно выздоровеет.

Особенно опасаются демонов те, кто только что переселился в новое жилище. Поэтому на праздновании новоселья у альфуров из Минагасы на острове Целебес жрец, чтобы обезопасить души новоселов, совершает особый обряд: он вывешивает мешок на месте жертвоприношений, а затем зачитывает весь список богов. Список этот так велик, что его непрерывное чтение занимает всю ночь. Наутро он приносит в жертву богам яйцо и немного риса. Считается, что к этому времени все души собрались в мешок. Жрец берет мешок и, держа его над головой хозяина дома, говорит: «Вот здесь твоя душа. Завтра, душа, выходи вновь». То же самое проделывается с женой и другими домочадцами. У тех же альфуров есть такой способ возвращения души больного: они на ремне спускают чашу из окна и, как на удочку, ловят душу до тех пор, пока она не попадется в чашу и не будет поднята наверх. Когда жрец того же племени возвращает завернутую в кусок материи душу больному, впереди него идет девушка, держа в руках широкий лист определенной пальмы, и, как зонтиком, прикрывает им жреца и душу, чтобы в случае дождя они не намокли; за жрецом следует мужчина, размахивающий мечом, для того чтобы удержать другие души от попыток спасти плененный дух...

Извлекать души из тел или препятствовать их возвращению могут не только привидения и демоны, но и люди, в особенности колдуны. В некоторых частях Западной Африки колдуны ставят западни на души, которые покидают тело во время сна. Если удается поймать душу, они привязывают ее над огнем: по мере того как она сморщивается под действием огня, ее владелец чахнет. На Гавайских островах были колдуны, которые ловили души живых людей, запирали их в тыквенные бутылки и отдавали людям на съедение. Сжимая плененные души в руках, они узнавали места, в которых тайком были похоронены люди.

* * *

Не меньшую опасность представляет тень человека. Некоторые камни на Банксовых островах имеют поразительную форму; они известны под названием пожирающих привидений, потому что в них якобы обитают могущественные и опасные привидения. Если на один из этих камней упадет человеческая тень, привидение вытянет из него душу, и человек умрет. Когда на похоронах в Китае наступает время закрывать крышку гроба, большинство присутствующих, за исключением ближайших родственников, отступают на несколько шагов или даже выходят в другую комнату, так как бытует поверье, согласно которому человек, если его тень забили в гроб, подвергает опасности свое здоровье. А когда приходит срок опускать гроб в могилу, большая часть присутствующих удаляется на некоторое расстояние, чтобы тени не попали в могилу и это не нанесло их владельцам вред. Гадатель-геомант со своими помощниками стоит на той стороне могилы, которая защищена от солнца, а могильщики и носильщики гроба крепко держат свои тени, обвязываясь вокруг талии матерчатой лентой.

Эквивалентность тени жизни души нигде, вероятно, не находит более явного проявления, нежели в обычаях, которые соблюдаются в Юго-Восточной Европе. Когда в Греции закладывается фундамент нового здания, обычай предписывает зарезать петуха, барана или ягненка и окропить их кровью краеугольный камень, под которым затем и хоронят животное. Цель этого жертвоприношения — придать зданию крепость и устойчивость. Иногда вместо того, чтобы убить животное, строитель подманивает к краеугольному кам-

ню человека, тайком снимает мерку с его тела, какой-нибудь части тела или с его тени и зарывает ее под камнем; или он кладет краеугольный камень на тень человека. Считается, что такой человек на протяжении года умрет.

Румыны, жители Трансильвании, полагают, что тот, чью тень замуровали подобным образом, умрет в течение сорока дней. Так что люди, проходящие мимо строящегося здания, могут услышать предостерегающий окрик: «Берегись, чтобы они не взяли твоей тени!» Существовали даже торговцы тенями, чье ремесло заключалось в поставке архитекторам теней, необходимых для придания прочности стенам. В таких случаях снятая с тени мерка рассматривалась как эквивалент самой тени, и зарыть ее значило зарыть жизнь или душу человека, который, лишившись ее, должен умереть. Этот обычай пришел, таким образом, на смену древней практике замуровывания живого человека в стену или под краеугольным камнем нового строения с целью придать ему прочность и долговечность, точнее, для того, чтобы разгневанный дух посещал это место и охранял его от вторжения врагов.

Одни народы верят, что душа человека пребывает в его тени, другие считают, что она пребывает в его отражении о воде или в зеркале. В Древней Индии и в Древней Греции существовало правило не смотреть на свое отражение в воде и почему, если человек увидел во сне свое отражение, греки считали это предзнаменованием смерти. Они боялись, что водные духи утащат отражение или душу под воду, оставив человека погибать. Таково же, возможно, было происхождение классического мифа о прекрасном Нарциссе, который зачах и умер из-за того, что увидел в воде свое отражение.

Теперь мы, кроме того, можем объяснить широко распространенный обычай закрывать зеркала и поворачивать их к стене после того, как в доме кто-то умер. Опасаются, что душа человека в виде отражения в зеркале может быть унесена духом покойного, который, как обычно верят, остается в доме вплоть до захоронения. Столь же ясна причина, по которой больные не должны смотреть в зеркало; во время болезни, когда душа может легко улететь, ее особенно опасно выпускать из тела через отражение в зеркале. Точно так же поступают те народы, которые не позволяют больным спать: ведь душа во сне уносится из тела, и всегда есть риск, что она не вернется.

С портретами дело обстоит так же, как с тенями и отражениями. Часто считают, что они содержат в себе душу изображенного лица. Верящие в это люди, естественно, неохотно позволяют снимать с себя изображение. Ведь если портрет является душой или, по крайней мере, жизненно важной частью изображенного, владелец портрета сможет оказать на оригинал роковое воздействие.

Вплоть до времени правления последнего владыки Сиама[1] ни на одной монете не чеканилось его изображение, «потому что в то время существовало сильное предубеждение против изготовления любых изображений. Даже в настоящее время достаточно путешествующим в джунглях европейцам направить на толпу фотоаппарат, чтобы она вмиг рассеялась. Когда с лица снимается копия и уносится от владельца, вместе со снимком от него уходит часть жизни. Поэтому суверен — если он не был наделен долголетием Мафусаила — едва ли мог допустить, чтобы его жизнь вместе с монетами мелкими кусочками распылялась по его владениям».

---

[1] *Сиам* — прежнее название Таиланда. — *Примеч. перев.*

Такие верования сохраняются и в разных частях Европы — старухи с греческого острова Карцатос очень сердились, когда их рисовали, полагая, что вследствие этого они зачахнут и умрут. На западе Шотландии живут люди, которые, «чтобы не навлечь на себя несчастья, отказываются отдавать свои изображения и приводят в пример своих друзей, которые не знали ни одного светлого дня после того, как их сфотографировали».

СВИДЕТЕЛЬСТВО МАГИСТРА МАГИИ

Из книги Э. Леви «Учение и ритуал высшей магии»[1]

Я смело утверждаю, что колдовство возможно. Более того, я утверждаю, что оно не только возможно, но, до некоторой степени, необходимо и фатально. Оно беспрестанно совершается без ведома лиц, производящих его и подвергающихся ему. Невольное колдовство — одна из ужаснейших опасностей человеческой жизни.

Существует два рода колдовства: колдовство невольное и колдовство произвольное. Можно также различать колдовство физическое от колдовства морального.

Сила притягивает силу, жизнь привлекает жизнь, здоровье притягивает здоровье; таков закон природы. Если два ребенка живут вместе, а в особенности спят в одной комнате, и один из них слаб, а другой силен, сильный поглощает слабого, и тот погибнет. Поэтому-то необходимо, чтобы дети всегда спали одни.

В пансионах некоторые ученики поглощают ум других, и в каждом собрании скоро находится индивидуум, завладевающий волей других.

Ненависть, откровенная, абсолютная и без всякой примеси отвергнутой страсти или личной жадности, — в известных обстоятельствах, есть смертный приговор для предмета этой ненависти. Я говорю «без примеси любовной страсти или жадности», потому что всякое желание, будучи в то же время притяжением, усовершенствует и уничтожает силу выбрасывания. Так, например, ревнивец никогда действительно не околдует своего соперника, и жадный наследник силой своей воли не сократит жизни скупого родственника.

---

[1] Перевод с фр. А. Александрова.

Колдовство, производимое в подобных условиях, падает на того, кто его производит, и скорее полезно, чем вредно для лица, против которого оно направлено, так как освобождает его от злобы, которая, чрезмерно возбуждаясь, сама себя уничтожает.

Слово «колдовство» (envoutement) очень энергичное в своей галльской простоте, удивительно точно выражает обозначаемое им понятие: «околдовать» (envoulter) — значит взять и окутать кого-нибудь желанием, твердо выраженной волей.

Орудие колдовства — сам великий магический агент, который, повинуясь злой воле, становится тогда действительно и положительно демоном.

Так называемое колдовство, т.е. совершаемая с обрядами операция с целью повредить кому-нибудь, действует только на самого оператора, и цель его колдовства — укрепить и подтвердить волю оператора, настойчиво и с силой ее формируя; эти два условия делают волю действительной.

Чем трудней и ужасней операция — тем она действительней, так как тем сильнее действует на воображение и подтверждает волю прямо пропорционально преодоленному ею сопротивлению.

Этим объясняются причудливость и даже жестокость черной магии в древности и в Средние века, черные мессы, причащение гадов, пролитие крови, человеческие жертвы и другие чудовищности. Подобные действия во все времена навлекали на колдунов справедливую кару законов. В самой основе своей черная магия — сочетание святотатства и убийства с целью навсегда развратить человеческую волю и в живом человеке создать омерзительный призрак дьявола. Следовательно, это, собственно говоря, — религия дьявола, культ мрака, ненависть к добру, доведенная до высшей степени, воплощение смерти и создание ада…

Антипатия — предчувствие возможного колдовства — как любви, так и ненависти — ибо часто антипатия заменяется любовью. Астральный свет предупреждает нас о будущих влияниях, действуя на более или менее восприимчивую

и живую нервную систему. Внезапная симпатия и любовь — вспышки астрального света, вполне точно, мотивированные, и их можно объяснить и доказать так же точно, как и разряды сильных электрических батарей. Из этого можно видеть, сколько непредвиденных опасностей угрожает профану, беспрестанно играющему с огнем на пороховых погребах, которых он не видит.

Мы насыщены астральным светом и постоянно выбрасываем его и заменяем новым. Глаза и руки — нервные аппараты, назначение которых притягивать и выбрасывать. Полярность рук сосредоточивается в большом пальце; поэтому, следуя магическому преданию, еще сохранившемуся в наших деревнях, если вы находитесь в подозрительном обществе, надо держать большой палец согнутым и спрятанным в руке и, избегая пристально смотреть на тех, кого вы имеете основание бояться, в то же время — постараться первому взглянуть на них, чтобы избежать неожиданных флюидических выбрасываний и околдованных взглядов.

Существуют также некоторые животные, обладающие свойством прерывать токи астрального света, так как они его поглощают. Все эти животные сильно нам антипатичны, и взгляд их производит очаровывающее действие — таковы жаба и ящерица. Эти животные, если их приручить и носить с собой или держать в комнатах, гарантируют от галлюцинаций и обольщений астрального опьянения; «астральное опьянение» — словосочетание, в первый раз употребляемое мной здесь и объясняющее все явления необузданных страстей, исступления ума и безумия.

Воспитывайте ящериц и жаб, носите их с собой, но только, ради Бога, не пишите, скажет мне ученик Вольтера. На это я могу ответить, что серьезно об этом подумаю, когда почувствую расположение смеяться над тем, чего я не знаю, и считать безумными людей, ни науку, ни мудрость которых не понимаю.

Парацельс, величайший из христианских магов, противопоставляет колдовству действия противоположного кол-

довства. Он составлял симпатические лекарства и прикладывал их не к больным органам, но к их изображению. Такое лечение сопровождалось чудесным успехом, и ни один врач никогда не достигал чудесных излечений Парацельса.

Но Парацельс открыл магнетизм задолго до Месмера и дошел до последних выводов из этого чудного открытия, или скорее посвящения в магию древних, которые гораздо лучше нас понимали природу великого магического агента и не считали астральный свет, азот, универсальную магнезию мудрецов, особенным животным флюидом, исходящим только из некоторых особенных существ.

В своей оккультной философии Парацельс восстает против церемониальной магии; конечно, он знал ее страшную силу, но, без сомнения, хотел опорочить ее деяния, чтобы дискредитировать черную магию. Он считает, что всемогущество мага заключается во внутреннем и тайном «magnes». Однако для лечения болезней он рекомендует употребление магических знаков, и в особенности талисманов.

От колдовства лечат также заменой, если она возможна, и разрывом или отвращением астрального тока. Деревенские традиции обо всем этом прямо удивительные и, конечно, существуют много веков; это — остатки учения друидов, посвященных в мистерии Египта и Индии путешествующими иерофантами. В народной магии известно, что колдовство, т.е. определенное и подтвержденное поступками желание творить зло, всегда достигает своей цели и колдун не может отказаться от своего злодеяния, не подвергая себя смертельной опасности. Колдун, освобождающий кого-нибудь от своих чар, должен иметь какой-нибудь другой предмет для своей злобы, иначе он уверен, что сам будет поражен и погибнет жертвой своего собственного колдовства.

ДЕМОНЫ В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧЬЕ

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

Женщины всегда считались опасными подручными Сатаны. Такого мнения придерживалось духовенство и гражданское население. Отношение мужчин к представителям «второго пола» всегда было противоречивым в диапазоне от любви до ненависти, от восхищения до вражды; описание этих чувств можно найти и в Библии, и у древних греков. На протяжении веков почитание женщины сочеталось со страхом, испытываемым представителями другого пола.

Взаимная враждебность двух составляющих человечества, по-видимому, существовала всегда и характеризуется всеми чертами неосознанного и импульсивного проявления чувств. Причины страха мужчины перед женщиной более сложные и многочисленные, чем определенные Фрейдом как страх кастрации, который, в свою очередь, является следствием желания женщины обладать мужской плотью. Тем не менее Фрейд прав в том, что в женской сексуальности все непонятно и трудно поддается анализу.

Симона де Бовуар считает, что для женщины ее сексуальность остается непонятной, скрытой и мучительной, потому что она не осознает себя в ней и не признается в своем вожделении. Для мужчины роды всегда будут загадкой, и в этом смысле права Карен Хорни[2], считая, что именно это определяет страх, ко-

---

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

[2] *Хорни* Карен (1885—1952) — американский психолог. Тема ее исследований стрессы и неврозы, в т.ч. на сексуальной почве. — *Примеч. ред.*

торый внушает мужчине женщина. Роды приближают женщину к природе, но также являются причиной всевозможных запретов, табу, обрядов; они превращают женщину в загадочную «дарохранительницу». Поэтому так различны и вместе с тем нераздельны судьбы двух партнеров человеческой истории: женское начало представляет природу, а мужское — историю. Поэтому матери везде и всегда одинаковы, тогда как отцы более обусловлены. Находясь ближе к природе и владея ее секретами, женщина во все времена считалась способной предсказывать будущее, лечить и вредить известными только ей способами. Мужчины, в свою очередь, чтобы остаться на высоте положения, определили себя носителями рационального в противоположность женской инстинктивности, более, чем они, подверженной мечтательности, неосознанности и непредсказуемости действий.

Учитывая весь комплекс причин, отсутствие взаимопонимания между представителями обоих полов может быть выявлено на всех уровнях. Женщина остается для мужчины вечной загадкой — он не знает, чего она хочет (именно по выражению Фрейда). Она хочет, чтобы мужчина был героем, но старается удержать его около себя и будет презирать его, если он повинуется ее желанию. Женщина вся состоит из противоречий, во всяком случае до тех пор, пока мужчина не начинает понимать, что она предмет его вожделений и стремления к стабильности. Оба условия необходимы для функции созидания, которой наделена женщина.

Загадка материнства еще более, чем женская физиология, связана с лунным календарем. Мужчину влечет к женщине, но и отталкивает от нее из-за месячных циклов, запахов, выделений, отторжения плоти при родах. Известно печальное изречение св. Августина: «В грязи и испражнениях мы рождаемся». С течением времени в разных странах зародились всевозмож-

ные запрещающие обычаи — женщина во время месячных циклов считалась нечистой и опасной, следовательно, ее нужно было удалить, чтобы она не могла навредить. Роженица также считалась нечистой, и существовал обряд очищения, для того чтобы женщина после родов вновь была принята своим обществом. Во многих цивилизациях женщина не допускалась к исполнению некоторых обрядов как существо изначально испорченное.

Отвращение к слабому полу было усилено также тем, что женщина, которая является самым близким существом для мужчины, быстро стареет и это происходит более заметно, чем у мужчин. Эта тема уходит корнями в древнее прошлое и отражена в литературе и живописи в образе женщины со старческими спиной, грудью и животом. Облеченная моралью, эта тема вошла в христианство, но и в дохристианской культуре встречаются изображения женщины с разложившимся чревом. Не является ли это причиной того, что парфюмерный арсенал женщин в глазах мужчин всего лишь средство скрыть старение.

* * *

На протяжении многих веков отношение к женщине было двойственным — как к существу, дающему жизнь и предвещающему смерть. В частности, оно нашло отражение в культе богини-матери. Мать-земля кормилица, но ее чрево — это также последнее пристанище усопших. Она подобна критским урнам, в которых хранили воду, вино и зерно, но также прах умерших.

Симона де Бовуар в книге «Второй пол» пишет:

«Лицо мрака, оно хаос, из которого мы все вышли и в который однажды должны возвратиться... Ночь царит в тисках земли. Эта ночь — вечная угроза человеку, а обратная сторона плодородия — страх».

Не случайно во многих цивилизациях именно на женщин возлагалось исполнение похоронных обрядов. Потому что считалось, что они теснее мужчин связаны с вечным круговоротом природы — от рождения к смерти и от смерти к жизни. Они созидают, но они же и разрушают. Отсюда появились разнообразные образы богини смерти. Самым грандиозным символом женщины, созидающей и вместе с тем разрушающей, безусловно является индийская богиня Кали — мать мира. Эта прекрасная, но кровожадная богиня очень опасна, и для ее умиротворения нужна ежегодная жертва многих тысяч животных. Она воплощает принцип материнской слепоты, которым движет круговорот природы. Она производит взрыв зарождения жизни и вместе с тем слепо сеет чуму, голод, засуху, войны. В эллинской культуре образу богини Кали в какой-то степени соответствуют Амазонки, пожирающие человеческую плоть, Парки, обрывающие нить жизни, безумные, мстительные и ужасные Эринии, настолько страшные, что греки боялись произносить их имя. Тот же мужской страх перед слепым женским чувством выражен в «Безумной Марго» Брейгеля.

Кроме того, история действительно подтверждает наличие у мужчин страха кастрации. У американских индейцев существует более трехсот версий легенды о женском половом органе, ощетинившимся зубами (или змеиными жалами, согласно индусскому варианту). В «Молоте ведьм» страху лишиться полового органа посвящена целая глава (часть I гл. IX): «Действительно ли ведьмы обладают даром внушения, что мужской член исчез или отделился от тела?» На этот вопрос ответ положительный — да, поскольку демоны и вправду могут отнять у мужчины его пенис. Этот вопрос содержится в большинстве трактатов по демонологии эпохи Возрождения, тогда же верили в чудодейственную силу завязанного узелка, способного лишить жертву на время или окончательно мужской силы.

Но женщина вызывает в подсознании мужчины тревогу не только потому, что она судит о его мужском достоинстве, но еще и потому, что она в его глазах подобна священному ненасытному огню, все поглощающему и который нужно все время раздувать. Мужчина страшится сексуального каннибализма своей партнерши, видя в ней мифический образ огромной женщины-людоеда, сметающей все на своем пути. Он представляет себе Еву безбрежным океаном, в котором затерялся его хрупкий кораблик, бездной, которая может его поглотить, бездонным озером, глубоким колодцем. Женская бездонность символизирует погибель, и мужчине следует противиться страстным призывам Цирцеи и Лорелеи.

Мужчина никогда не побеждает в сексуальной дуэли. Женщина для него всегда фатальна, она мешает ему быть самим собой, реализовать духовное начало, найти путь спасения. Срамное место женщины стало символом засасывающей топи ада.

Будь то жена или возлюбленная, женщина всегда была для мужчины тюрьмой, поэтому перед длинной дорогой и большим начинанием он должен воспротивиться женскому соблазну. Так поступали Одиссей и Кетцалькоатль. Поддаться чарам Цирцеи означает потерять самого себя. Тема мужчины, погубленного из-за женских чар, фигурирует и у американских индейцев, и в поэмах Гомера, и в суровых трактатах контрреформации. Нельзя доверять существу, наиболее опасному тогда, когда оно улыбается.

* * *

В христианской культуре, в свете ожидания Второго пришествия, которое считалось реальным и довольно скорым, существовало восхищение непорочностью и целомудрием и возложение вины за библейское

грехопадение на женщину. Так, обращаясь к женщине, Тертуллиан[1] говорит: «Ты должна всегда пребывать в трауре, лохмотьях и раскаянии, чтобы искупить вину свою за погибель рода человеческого... Женщина, ты врата дьявола, ты первая прикоснулась к древу Сатаны и нарушила божественный закон». А в «Моногамии» он с отвращением говорит о приступах тошноты во время беременности; о кормлении грудью и прискорбных изменениях женской фигуры после родов.

Эта тема повторена Св. Амбруазом, разоблачающим супружество. Восхищаясь непорочностью, он призывает к тому, что впоследствии и надолго стало феминизмом: лишь по крайней нужде можно выйти замуж, материнство приносит одни огорчения и неприятности, лучше отказаться от этого, найдя свой удел в целомудрии, высшем, почти божественном состоянии. Св. Иероним рассматривает супружество как греховный дар. Советуя девицам оставаться непорочными и осуждая библейскую заповедь «Плодитесь и размножайтесь», он пишет:

«Вы скажете, что я принижаю значение супружества, благословенное Богом? Я не принижаю супружество и не восхваляю непорочность. Потому что никому не дано сравнить зло с добром. Да возгордятся жены, заняв место позади девственниц! В Писании сказано: «Плодитесь и размножайтесь!» Пусть плодятся и заселяют Землю те, кто этого желает. Твоя же когорта ждет тебя на небесах. Подумать только — плодитесь и размножайтесь! Эта заповедь появилась после исчезновения рая, фигового листа и наготы, которые возвестили о безумстве брачных объятий».

---

[1] Тертуллиан *Квинт Септимий Флоренс* (около 160 — после 220) — классик христианской патристики. Перу Тертуллиана принадлежит множество трудов по апологетике и догматике, а также по вопросам моральной теологии и экклесиологии. — *Примеч. ред.*

В христианской культуре секс рассматривался преимущественно как грех. Супружеству, которое ведет к сладострастию, противопоставлялось божественное созерцание. Половое влечение считалось смущением души, дурным, ненасытным вожделением. Со времен апостолов Церкви была сформулирована серия отношений, которые располагались следующим образом:

девственность — божественность
брак — животность
2-й брак — разврат
вдовство — святость

Отныне в церковных кругах утверждается как очевидная истина, что «непорочность и целомудрие занимают и пополняют места в раю» (формулировка XVI в.). Восхваляя женскую непорочность, богословие в то же время продолжало подводить теоретическую базу под отвращение к женщине, которое было неосознанно унаследовано христианством от предыдущих культур. Св. Августину удается установить основное различие между мужчиной и женщиной: мужчина являет собой полное подобие Бога, а женщина подобна ему только душой, тело же ее постоянно противится разуму. Как существо низшее, женщина должна подчиниться мужчине.

Св. Фома Аквинский об этом же говорит в своих проповедях: женщина должна подчиняться мужчине, «потому что у мужчины больше ума». Аргументы религиозного характера он уравновешивает некоторыми положениями из философии Аристотеля: в процессе воспроизводства потомства активная роль принадлежит мужчине, а женщина является лишь плодовместилищем. Поэтому если говорить о поле, то существует только мужской род, а женщина — это всего лишь неудавшийся мужчина.

В религиозной и юридической литературе можно без труда найти такой стереотип: слабоумный от природы человек — это женщина, поддавшаяся соблазну искусителя. Поэтому она должна быть под опекой. «Женщине нужен муж не только для того, чтобы он заронил в нее зерно жизни, но чтобы подчиняться ему, потому что мужчина преисполнен ума и добродетели».

Вместе с тем в течение всего Средневековья многие богословы (Исидор Севильский, Руфин Болонский и др.) продолжали верить в нечистоту менструальной крови, ссылаясь при этом на «Естественную историю» Плиния. Эта кровь полна злодеяний, она мешает растениям, губит их и не дает им расти, из-за нее ржавеет железо, исходят злобой псы. В такой момент женщина не допускалась к причастию, то есть к церкви. А отсюда и более общие запреты для женщин, такие, как совершать службу, прикасаться к святым сосудам, исполнять обряды.

Монашеская литература предавала анафеме лживые и дьявольские прелести любимой сообщницы Сатаны. Одон, аббат де Клюни (X в.) пишет:

«Физическая красота остается чисто внешней. Если бы мужчина увидел женщину изнутри, это вызвало бы у него отвращение. Мы кончиком пальца не можем дотронуться до плевка или навоза. Так как же можно поцеловать целый мешок с нечистотами?»

Марборд, епископ в Рене, затем монах в Анжере (XI в.), предупреждает:

«Среди неисчислимых ловушек, искусно расставленных врагом нашим по долам и горам, самой опасной и неизбежной является женщина, лоза, родящая несчастья, корень всех пороков, зачинщица всех мировых склок... Женщина — это нежное зло, свеча и ад, медоточивым кинжалом пронзающая сердце даже святого».

Рожэ из Кан писал в XI в.:

«Поверь мне, брат, все мужья несчастны. Если супруга непригляднa, то она ему отвратительна и ненавистна. Если она красива, то он боится, как бы у нее не было поклонников. Красота и добродетель несовместимы. Посмотришь иной раз, как жена ластится к мужу, задабривая его поцелуями, и становится ясно, что в душе своей она копит яд. Женщине ничего не страшно; она полагает, что ей все дозволено».

* * *

Подобным высказываниям вторила и народная мудрость: в среднем из десяти пословиц и поговорок, касающихся женщин, семь враждебно к ним настроены. Те же, которые благосклонны к женщинам, говорят о добродетелях примерной жены и хозяйки, подразумевая при этом, что подобное жемчужное зерно не так часто встречается: «Добрым оружием вооружен тот, кто доброй девице сужен», «Добрая жена стоит царского венца», «Если жена добра и умна, семье украшенье она», «Если жена добра, то и жизнь счастлива и долга». Однако этот мотив не был доминирующим. Переход к пословицам, выражающим ненависть к женщине, можно обозначить следующей сентенцией: «за стоящую жену не жалко и королевства; в противном случае нет зверя худшего». К тому же «наступил трудный год — неразумных жен невпроворот». Предупрежденный об опасности муж теперь не допустит главенства жены в семье.

«Позволишь жене взять верх над собой, так назавтра эта непотребная женщина тебе на голову сядет». Но, может быть, действительно стоит слушаться женщин — «чего хочет женщина, того хочет Бог»? Нет, «лишь небеса знают, чего хочет женщина». В супруже-

ской жизни мужчине нужна под рукой палка: «Плох ли, хорош ли конь, в шпоре нуждается он; плоха ли, добра ли жена, в палке нуждается она». Так стоит ли жениться? Многие поговорки не советуют делать этого: «За женой смотрел — день пролетел», «Что жениться, что в омут броситься», «Жену содержать — в бедности прозябать», «Если хочешь спокойно жить, жену не нужно заводить».

Пословицы своевременно предупреждают о женских недостатках. Жена транжирит деньги: «Все, что писарь в дом принесет, в жену уйдет», «Женщине только самоцветы подавай». Однако часто роскошь одежды скрывает духовное уродство: «Жена богато наряжена, словно навозом обмазана; кто в глаза пускает пыль, у того на сердце гниль». Красота тоже подозрительна и опасна: «Красотой жены богат не будешь», «Красива девица, да дурная голова, хороша ослица, да цена невелика», «Скажите женщине, что она хороша, и черт ей напомнит об этом сто раз». А как раздражают мужчину женские слезы! А какие они неискренние: «Пес всегда готов пустить струю, а женщина — слезу», «Женщина смеется, когда может, а плачет, когда хочет». Женщина проливает крокодиловы слезы, поэтому ее обвиняют в неискренности: «Женщина плачет, женщина стенает, когда захочет, больна бывает», «Женщина в церкви ангел, в семье черт, а в постели обезьяна».

В то время сила слова была велика на всех уровнях общества (словом можно было унизить честь и достоинство, красноречие было очень популярно, большое значение придавалось также проповеднической деятельности). Именно тогда наблюдается рост тревоги по поводу женской болтовни, которая должна была быть под контролем мужчин: «Две женщины это судебное заведение, три — трескотня сорок, а четыре — это уже базар», «Тогда лишь до женщины дойдет очередь высказаться, когда курица захочет помочиться», «Не го-

вори жене то, что хочешь держать в секрете», «Женщина не раскроет секрет только тогда, когда его не знает». Поэтому отношение к ней также пренебрежительное: «Женщина похожа на неоперившегося птенца — меняется и линяет без конца», «Эка невидаль была, баба без глупости жизнь прожила», «Женские мозги сделаны из обезьяньих сливок и лисьего сыра».

Презрение к женщине часто сопровождается враждебностью к этой неисправимой обманщице и злодейке. В этом смысле пословицы кратко повторяют обвинения из проповедей церковнослужителей: «Женское сердце обмана полно, все потому что лукаво оно», «Сердце женщины, словно вино, яда полно», «Женщина — мать всякого вреда, от нее идет и злоба, и беда», «Женский глаз — сети паука», «Добрая жена, хорошая ослица и хорошая коза — вот три гнусных животных», «Женщины очень опасны и по природе коварны». В поговорках устанавливается и связь женского начала с адом: «Женщина раньше дьявола преуспела в искусстве», «Бог еще не сказал, а женщина уже догадалась».

Так стоило ли супругу горевать о смерти жены? Но была ли кончина жены избавлением, ниспосланным свыше? «Траур по жене длится до порога», «Бог отнимает у мужа жену, когда не знает, чем бы еще ему угодить». Эта поговорка звучит также и в более категоричной форме: «Кому Бог хочет помочь, у того отбирает жену».

* * *

Итак, женщина — это существо, предрасположенное ко всему дурному. Поэтому никакие предосторожности с ней не будут лишними. И если ее не занять благими делами, то что ей может взбрести в голову? Послушаем на этот счет проповедь св. Бернардена из Сиены:

«Нужно подмести в доме? Да? Так пусть она метет пол. Нужно почистить горшки? Пусть она их чистит. Нужно просеять муку? Так пусть она просеивает, заставь ее просеивать. Накопилась стирка? Так пусть она все выстирает. Но для этого есть служанка! Не важно, что есть служанка, заставь жену работать не по нужде, а для того, чтобы занять ее время. Пусть она присматривает за детьми, стирает пеленки и все прочее. Если ты не приучишь ее все делать, она так и останется куском плоти и больше ничем. Как только ты дашь ей передохнуть, она прилипнет к окну, и не известно, что ей придет в голову».

Тему продолжают известные в свое время проповедники: Мено, Майер и Глапиньон. Мено считает, что «женская красота — причина всех несчастий», и далее говорит по поводу моды:

«Чтобы обратить на себя внимание в обществе, женщина не удовольствуется приличной для ее положения одеждой. Она прибегает ко всяческим украшениям: широким рукавам, высокой прическе, открытой до пупа груди, слегка прикрытой косынкой, сквозь которую видно все то, что должно быть скрыто от глаз. И в таком бесстыдном виде, с книжкой в руках она проходит перед домом, из которого десяток мужчин с вожделением пялят на нее глаза. И нет среди них ни одного, кто бы устоял из-за нее перед смертным грехом».

Для Майера женщина в платье со шлейфом «совсем уж похожа на животное, с которым у нее и так много общего в поведении». «Богатые ожерелья и золотые цепи на шее — это оковы дьявола, которыми он опутал ее и держит при себе». «Вместо того чтобы читать великую книгу совести, дамы предпочитают неприличное чтиво о бесчестной, сладострастной любви. Наконец, их длинный язык причиняет много зла». Что касается Глапиньона, духовника Карла Пятого, то он не

признает свидетельства Марии Магдалины о воскресении Христа, «потому что среди других людей женщина — существо изменчивое и непостоянное», а посему не может «свидетельствовать против врага нашей веры». В юридическом аспекте это богословское утверждение звучит так: свидетельство женщины перед судом заслуживает меньшего доверия, чем свидетельство мужчины.

Св. Бенедикт говорит о том, что у женщины (в собирательном значении единственного числа) пылающий взгляд, он сжигает и сама она сгорает при этом. И далее: «... древние мудрецы поучают, что, когда человек долго говорит с женщиной, он идет к своей погибели и отвращает свой взор от небес и в конце концов попадает в ад. Это расплата за удовольствие поболтать и похихикать с любой женщиной — дурной или добропорядочной. Этим можно объяснить парадокс изречения о том, что распутство мужчины лучше, чем добропорядочность женщины».

Св. Бенедикт предлагает также объединить начальные буквы женских пороков в аббревиатуру «ЗТСФР»: женщина — это Зло, Тщеславие, Сладострастие, Фурия и Разорение. По идее «ЗТСФР» характеризует дурных женщин, но может относиться к женщинам вообще, так как все они опасны.

Монах Монтовано писал о женщинах, что они «подобострастны, сварливы, язвительны, жестоки и горды, склонны к предательству, без веры, закона и средств, безрассудны, не соблюдают закон, право и справедливость. (Женщина) непостоянная, непоседливая, праздношатающаяся, грязная, чванливая, жадная, недостойная, подозрительная, болтливая, опасная, склочная, слюнтяйка, обманщица, нетерпеливая, завистливая, лживая, легковерная, выпивоха, трудная, опасная, врунья, острая, продажная, обжора, колдунья,

пагубная, слабая, неуравновешенная, суетливая, безжалостная и очень мстительная, полна лести и лени, злости и ненависти, притворства и жеманности, коварная в мести, властная, неблагодарная, очень жестокая, бесстрашная и хитрая, неподвластная...»

А вот что сказано в книге «О женском презрении», написанной в XVII в. монахом Бернаром де Морла:

«Женщина презренна, женщина вероломна, женщина труслива... Оскверняет чистые дела и помыслы, сама живет в нечистоте. Женщина — это хищник, ее грани неисчислимы, как песчинки. Всякая женщина ликует при мысли о грехе и при его свершении. Нет добрых женщин, если не считать некоторых, которые таковыми являются. Добрая женщина — это невозможная вещь, и поэтому добрых женщин почти нет. Женщина дурна, состоит из плоти, вся она утроба. Она вероломна, от природы лжива и очень опытна во лжи.

Безмерная пропасть, самая ядовитая змея, красивая нечистота, скользкая дорожка, ночная сова, публичная дверь, сладкий ад.

Она враг того, кто ее любит, и друг врага.

Она ничего не признает, может зачать от отца и от внука.

Пропасть любви, средство падения, дверь в мир порока.

Пока сеятель будет трудиться в поле, собирая урожай, эта львица будет исходить рыком, свирепствовать, противясь послушанию закона.

Она последний бред, скрытый враг, тайное бедствие.

Хитростью превзошла всех; волчица лучше, чем она, потому что менее зла; и змея лучше ее, и львица.

Женщина — это опасная змея и душой, и лицом, и делами своими.

Жаркий огонь, подобно яду, сжигает ей душу.

Дурная женщина красится и украшает себя грехами.

Она красится, помадится, изменяет себя до неузнаваемости.

Лжива в поступках, бесстрашна в преступлении, она сама есть преступление.

Ей нравится вредить, и она будет вредить, пока это в ее силах.

Женщина — это смрад, пламя обмана, вспышка безумия.

Первая погибель, горькая доля, губительница целомудрия.

Она вырывает из чрева собственное семя...

Душит свое чадо, подкидывает его, убивает в гибельном бреду.

Женщина змея, она не человек, а дикое животное, она непостоянна и изменяет даже самой себе.

Она детоубийца, и что самое страшное, она убивает свое дитя.

Страшнее аспида, бешенее бешеных.

Женщина коварная, нечистая, смрадная.

Она престол Сатаны, целомудрие ей в тягость.

Читатель, сторонись ее».

А «Молот ведьм» заканчивается словами Котона: «Если бы не было женского лукавства, я уж не говорю о колдовстве, мир был бы избавлен от многих опасностей». Женщина — это химера, ее внешность приятная, прикосновение смрадное, ее общество — смертельно опасное. Она горька, как смерть, как дьявол, потому что дьявол и есть смерть.

* * *

Медики, прибегая к веским аргументам, свидетельствовали об анатомической неполноценности женщины. Почему «второй пол» неполноценен? Вот расхожие аргументы: «В женщине меньше тепла, чем в мужчи-

не... ее сперматические частицы более холодные, более влажные и вялые, чем у мужчины»; ее естественные проявления не так совершенны, как мужские; ее половые органы расположены внутри тела, что свидетельствует «о глупости ее природы, которая не смогла вынести эти органы вовне, как это сделано у мужчины». Что касается процесса воспроизводства, то «из более сухого и горячего семени зарождается мальчик, а из более влажного и холодного девочка. А поскольку сухость более эффективна, чем влажность, то женский зародыш развивается медленнее мужского. Поэтому Бог вдыхает душу мальчику на сороковой день, а девочке только на пятидесятый».

Опыт подтверждает, что «дитя мужского пола более совершенное, чем женского». Женщина на сносях мальчиком более приветлива и бодра в течение всего срока беременности, у нее веселый взгляд, свежий цвет лица, лучше аппетит. Кстати, и плод располагается справа, а правая сторона — это сторона благородства. «Правый глаз более зоркий, в правой груди у женщины больше молока».

Природа всегда стремится к созданию совершенства и законченности. Но если исходный материал не чист, то она создает то, что может только приблизиться к идеалу. Так вот, если исходный материал недостаточно чистый и подходящий для создания мальчика, природа создает девочку, которая, согласно Аристотелю, — несовершенный и неполноценный мальчик.

Отсюда следуют советы, что нужно делать, чтобы родился мальчик, а не девочка: семя, само по себе, безразлично к полу, из него развивается мальчик или девочка в зависимости от менструального цикла и состояния матки. Ее можно сравнить с полем. На слишком влажной почве даже хлебное или ячменное зерно прорастает диким овсом. То же происходит и с семенем, из которого должен был бы развиться мужской

плод, но из-за влажности и холодности матки, слишком обильной крови развивается женский плод. Поэтому имеется риск родить девочку, если зачатие произошло в момент или накануне месячного цикла женщины. И наоборот, имеется больше шансов родить мальчика, если зачатие произошло сразу же после менструального периода, когда матка стала сухой и горячей.

Вот так представляли себе женщину известнейшие медики эпохи Возрождения. Женщина — это несостоявшийся и несовершенный мужчина. Существо, созданное природой «за неимением лучшего варианта». Она подобна плевелам в противоположность хлебному колосу. Таков закон природы, установивший статус неполноценности женщины, причем неполноценности физической и моральной.

* * *

Богословы и медики, при взаимной поддержке, снабжали дополнительными и неопровержимыми доказательствами юристов... и инквизиторов. Действительно, им нужно было дать объяснение, почему на десять женщин, осужденных за колдовство, приходился только один мужчина. Никола Реми, судья из Лотарингии, считает это нормальным, так как «этот пол более склонен к дьявольскому обману». П. де Ланкр, советник парламента Бордо, также не удивлен этим фактом, «поскольку колдовство более присуще женщинам, чем мужчинам».

«Этот пол слаб, поэтому часто принимает дьявольские наваждения за божественные откровения. Более того, женщины часто загораются жгучей страстью, наконец, у них влажная и липкая натура. Поскольку влажность ведет к безрассудству и выдумкам, то их с трудом и не скоро удается обуздать, мужчины же более стойки к фантазиям».

Как видно, эта пресловутая влажность снова была обращена против женщины: избыток влажности приводит к рождению девочки, та, в свою очередь, обладая липкой, вязкой натурой, дает волю воображению и попадает в лапы Сатаны.

Ж. Бодэн устанавливает семь основных женских пороков, толкающих женщину к колдовству; это доверчивость, любопытство, впечатлительность, злоба, мстительность, отчаяние и, конечно, болтливость.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЕДЬМЫ

Из книги Л. Кэбот «Сила ведьм»[1]

Церковь вела ожесточенную борьбу с древними религиозными обрядами. Ее оружием стала теория о том, что женщина — это образ Сатаны. В основе этой теории был страх перед женщиной, сексом, природой и человеческим телом. Земля, тело и дьявол — эти три понятия были связаны воедино.

Церковь так и не согласилась с древней верой в то, что земля — священна и на ней обитают боги и божественные духи. Она не могла примириться с духовностью, в которой было место человеческому телу, не говоря уже о теле животного. В то время как христиане били себя в грудь, обвиняя самих себя в плотских грехах и сокрушаясь над тяжкой повинностью жить в «юдоли печали», поклонники Богини пели, плясали, праздновали и следовали завету Богини: «все акты любви и удовольствия — вот мои ритуалы». Протестанты отрицали всякое земное веселье, типа пения, танцев и всевозможного баловства, еще в большей степени, чем католики, и приписывали его козням дьявола. Древняя религия считала их священными.

Во время эпохи костров как христианская церковь, так и светские власти христианских стран, систематически искореняли древние празднества. Все приходские священники получили директиву церковных властей к любому языческому празднику подгадать христианское празднество. Рождество было придумано в противовес зимнему солнцестоянию, Пасха — весеннему равноденствию, праздник Святого Иоанна

---

[1] Перевод с англ. Г. Гучкова.

Крестителя — летнему солнцестоянию, День всех святых — кельтскому Новому году и т.д.

Власти также сурово порицали баловство в эти святые дни, в особенности ритуалы, сопровождавшиеся половыми актами. Во многих дохристианских цивилизациях половой акт считался образом творения. Церковь, боявшаяся и женщин, и секса, не могла согласиться с мыслью, что женская сексуальность может быть священной. Духовность, включавшая в себя «акты удовольствия», потому что они были угодны Богине, была серьезной угрозой для давших обет безбрачия священников и монахов, которые пытались подавить свои любые сладострастные мысли.

Доминиканский ученый Мэттью Фоке заметил, что миф об «изгнании из рая» породил теологию, которая «не могла согласиться со святостью сексуальности». В своем труде «Первопричастие» — воззвание к более мистическому, более земному, более женственному христианству — он пишет: «Не секрет, что среди святых патриархального периода христианства, предложенных нам в качестве примеров для подражания, очень редко встречаются люди светские». Идеалом католической церкви всегда был обет безбрачия, а активная внебрачная половая жизнь всегда сурово порицалась. Сексуальным партнером женщины мог быть только ее муж. Таким образом, женская сексуальность была заключена в жесткие рамки патриархального брака, где она полностью контролировалась мужчиной. Даже в браке секс был сомнительным делом. Это по-прежнему была «плоть», которую христианская теология считала источником слабости. Давший обет безбрачия клир и отказавшиеся от половой жизни монахини являлись красноречивым доказательством устремлений церкви. (Каковым является и недавно вновь подтвержденное Ватиканом правило, что женщина не может быть священником только потому, что она не обладает телом мужчины!).

Некоторые христианские мыслители давно подозревали, что секс был первоначальным грехом и что поедание ябло-

ка с древа познания является всего лишь метафорой, позволяющей избежать «этой» темы в священной книге. Постоянно пропагандировался постулат, что Ева-искусительница на самом деле была Евой-совратительницей, а каждая женщина — это Ева. Этот аргумент приводился во время эпохи костров, он приводится и в наши дни тогда, когда нужно бросить тень на намерения женщины.

СТРАХ ПЕРЕД КОЛДОВСТВОМ

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

Еще в XIII в. святейшим папой Григорием IX и инквизитором Германии Конрадом Марбургским были обозначены все злодеяния еретиков, против которых боролся Конрад в Германии. Как полагали инквизитор и святейший папа, там существовало тайное общество, в котором обряд посвящения требовал от вступающего поцеловать зад черной кошки и жабы и принести поклонение бледному, худому и холодному, как лед, человеку. На этих дьявольских сборищах поклонялись Люциферу, предавались сексуальным оргиям, а на Пасху ели облатку — тело Спасителя — и выплевывали ее в помойку. Так был обрисован тип культа, который получил вскоре название «шабаша», и антирелигия, угрожающая и противостоящая христианству.

В XV и XVI вв. выходят многочисленные книги с описаниями колдовства и методов борьбы с ним, а также папские буллы, требующие искоренения сатанинской антирелигии.

Во времена Бодэна с этой антирелигией уже предписывалось бороться обязательно в законодательном порядке. В ордонансе 1594 года, принятом в Нидерландах, говорилось:

«Наряду с прочими великими грехами, бедствиями и мерзостями, которые день за днем приближают наше злосчастное время к крушению и концу света, существуют различные сообщества колдовства, ведовства, чародейства, обмана, внушения, прельщения и не-

---

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

честивости, некоторые из них — сущее орудие дьявола, которые подобно ереси, отречению от веры и неверию растут с каждым днем».

Далее следует, но более подробно, перечисление бесконечных колдовских обманов, чар, проклятий, отравлений, порчи и других мерзостей, которые творят чародеи. Эти уточнения предназначались для судей. Власти и проповедники остерегались распространять эти отвратительные детали, чтобы не вызывать досужего людского любопытства и не осведомлять народ о том, как эти мерзости совершаются. Но от судей ждали, что «как церковные, так и светские власти исполнят свой долг дознания и соответствующие процедуры над теми, кто занимается или способствует колдовству, чтобы наказать их духовным судом согласно апостольским канонам и буллам и светским судом через гражданские законы и ордонансы...

«Этот ордонанс будет разослан во все города и деревни Нидерландов, которые должны зорко следить за дознанием и оповещать о злоупотреблениях, с тем чтобы виновные понесли наказание, и вести дознание лиц, которые, может статься, занимаются гаданием, ворожбой, колдовством, вальдейством или замечены в подобных злодеяниях и преступлениях. И если таковые будут выявлены, то к ним следует применять самые суровые насилия и наказания в соответствии с Божьими и людскими законами, не допуская ошибок и послаблений...»

Из этого исторического документа становится очевидным, что церковная лексика употребляется вместе со светской, колдовство преследуется и считается таким же грехом, как ересь и неверие. Меньший акцент делается на чинимый людям вред, но подчеркивается запрещенность занятия колдовством, которое предполагает вмешательство нечистой силы. Судьям надлежит быть суровыми, и власти не потерпят их жалости.

* * *

Попытаемся теперь осмыслить и объяснить страх людей этого времени перед колдовством. В первой половине XIX в. немецкие ученые Ярке и Монэ отождествляли колдовство с широким заговором против Церкви. Мишле[1] в книге «Ведьма» придерживается той же точки зрения, связывая колдовство с языческими пережитками и выражая горячую симпатию к «колдовским обществам». Как он полагал, шабаш был местью крепостных за их социальное и религиозное положение и включал в себя осмеяние духовенства и знати, отрицание Христа, насмешку над официальной моралью, черную мессу с танцами вокруг алтаря Люцифера — вечного Изгнанника, несправедливо низверженного с небес. «Жрица» — невеста Сатаны — представляла униженных крепостных женщин. Мишле изобразил ее Медеей с трагическим, горящим взглядом, копной непокорных волос, змеевидно ниспадающих на плечи. Обрядовые сельские сборища существовали уже в XII-XIII вв., но с XIV в. они приобрели характер социального вызова церкви и знати, которые все больше дискредитировали себя.

К точке зрения Мишле присоединяется также этнолог Ж. Фавре, проживший около трех лет в нормандских лесах с целью изучения колдовства. Он считает существование шабашей бесспорным. Истина европейского колдовства состоит, по его мнению, в представлении всего того, что запрещено церковью: «Шабаш — это своего рода представление, которое устраивали сами для себя отщепенцы средневекового общества, выходя таким образом за пределы пространства, ограниченного запретами».

---

[1] *Мишле* Жюль (1798—1874) — французский историк и публицист. — *Примеч. ред.*

В последующие годы концепция Ярке, Монэ и Мишле приобрела многих сторонников. В 1921 г. выходит в свет книга М. Мюррей «Колдовской культ в Западной Европе» затем в 1931 г. ее работа по сопоставительной этнологии «Бог и колдовство». Основным тезисом обеих работ является утверждение, согласно которому в Европе сохранился культ двуликого Януса, символизирующего смену времен года, расцвет и увядание природы. Для возрождения божества была нужна обрядовая смерть, а в местном масштабе богословы и судьи представляли это божество в виде Люцифера. Невозможно определить возраст этого культа, но сохранен он был благодаря низкорослому и подвергающемуся постоянным нападкам народцу гномов и фей, которые не порывают связи с людьми. Их сборища были двух видов: «эсбаш» — еженедельные собрания тринадцати и «шабаш», которые собирали большее число участников, но с таким же строгим порядком. И далее: единственным объяснением огромного числа осужденных за колдовство в Западной Европе может быть наличие распространенной религии во всех слоях общества, от высших до самых низких. В результате христианского наступления XVI—XVII вв. эта религия была разрушена.

Кроме того, вышли работы М. Саммерса «История колдовства и демонологии» (1926 г.) и «География колдовства» (1927 г.), пересказывающие тезисы Ярке, Монэ, а также с некоторыми изменениями идеи Мюррей. Он считает, что общество колдунов действительно существовало, так же как и шабаш, на котором происходило поклонение человеку, олицетворяющему Сатану. Но вместо пережитков дохристианских обрядов Саммерс считает это обширным сатанинским заговором против Бога и общества. Он пишет:

«Я попытался показать ведьму такой, какой она была на самом деле, — тунеядкой и развратницей, рас-

пространяющей бесстыдную и отвратительную веру, привыкшей к яду, шантажу и другим преступлениям, состоящую в мощной тайной организации, враждебной Церкви и государству, проклинающей на словах и на деле, терроризирующей селян суевериями, пользующейся их доверчивостью и иногда делая вид, что приносит им исцеление; грязную повитуху; черную сердечную советчицу распутных дам и их развратных поклонников; пособницу порока и разврата, обогащающих бесстыдство и грязь той эпохи».

Финский ученый Рюнеберг в книге «Колдовство, демоны и культ плодородия» (1947 г.) пишет, что сборища, называемые богословами «шабаш», действительно происходили, это не было плодом воображения или внушением судей на дознаниях. Волшебники действительно объединялись в общества, владеющие с незапамятных времен наследством магических формул и ночных служб, способных причинить добро и зло. Во всех европейских языках слово «колдовство» имеет звуковое сходство со словом «плодородие». В конце Средневековья Церковь начала гонения на пережитки язычества. В результате этих гонений волшебники и катары соединились в тайное общество и вместо культа плодородия приняли культ Сатаны. Но это была последняя стадия, которой предшествовали обряды и таинства, направленные на плодородие и доброжелательность природы.

В работе Роза «Бог разящий» (1972 г.) отвергается мысль о живучести культа плодородия, наоборот, начиная с пещерного времени, существует сообщество колдунов, которое стало тайным в период христианских гонений. Их божество — получеловек, полуживотное — обретает облик Сатаны, вакханалии превращаются в шабаши, во время которых участники под воздействием известных им трав впадают в транс. При гонениях XVI—XVII вв. местные сообщества создали обширные прочные, хотя и подпольные организации.

В книге Рассела «Колдовство в Средние века» (1972 г.) говорится, что многовековые обряды и службы, посвященные плодородию, с танцами, чревоугодием и эротикой под давлением христианского общества превратились в шабаши. В XI и тем более XIII веке, во времена гонений Конрада Марбургского, существовали общества колдунов-еретиков, поклоняющихся демону. Позже они объединились в отдаленных от городов районах. Ведьмы, конечно, не летали на шабаши на метле, это был результат видений в наркотическом состоянии. Но верно то, что они отрицали Церковь, лобызали зад человека или животного, олицетворяющего Сатану, предавались оргиям и людоедству. Эта социальная группа нигилистов, восставших против общественного и религиозного конформизма, была продуктом карающей христианской цивилизации, преимущественно инквизиции.

Рассел ссылается на работу Гинзбурга «Хорошо идущие», написанную на основании изучения материалов инквизиции Фриуля в период 1575—1650 гг. и доказывающую наличие пережитка культа плодородия десять веков спустя после принятия христианства. «Хорошо идущие» — это люди, рождающиеся с пережитками околоплодных оболочек, которые они сохраняют и носят на шее как амулет. Гинзбург устанавливает связь между «хорошо идущими» и шаманами в силу сходства их шествий с процессиями мертвецов или кортежем, сопровождающим богиню плодородия (Диану, Иродиаду или других).

* * *

В целом все приведенные в вышеупомянутых книгах факты подтверждают слова Фрейда: «Христианские народы плохо крещены. Под глянцем христианства они остались, как и их предки, варварами, поклоняю-

щимися многим богам». Заключение, конечно, общего характера, но исследователи европейской истории XV—XVII вв. не могут его игнорировать. Следует отметить, что на исходе средневековья простой люд был буквально погружен в колдовскую среду. Случалось, что из-за недостаточного знания христианских обрядов они неосознанно смешивались с традиционными языческими культами, дошедшими из глубины веков.

Кроме того, некоторые люди пользовались дурной славой. Несомненно, что, веря в свои исключительные способности, они могли использовать их в целях отмщения. Кроме того, начало Нового времени принесло им такие испытания, которые способствовали росту пессимизма. Все это происходило, во всяком случае в деревнях, на фоне падения авторитета духовенства и в то же время распространения демонологии со стороны официальной культуры. Безусловно, какие-то моменты этой идеологии были крестьянами усвоены — какой бы ни была ответственность церковников и законников за гонение на ведьм, оно не было бы возможно без согласия и помощи населения на местах.

Например, в 1609 г. Генрих IV, поручив президенту парламента Бордо и советнику де Ланкру провести процесс над ведьмами и колдунами Лабура, пишет: «Селяне и жители нашей вотчины Лабур просят нас сказать, что вот уже четыре года, как у них развелось такое число колдунов и колдуний, что вся местность заражена ими, так что жители скоро вынуждены будут покинуть свой кров и бежать, если им срочно не будет оказана помощь и защита от колдовства». Ясно, что речь идет о просьбе, адресованной властям.

Случалось, что люди сами являлись в суд и обвиняли себя в колдовстве. Другие признавались в сговоре со злыми духами. Перенесемся в Сюньи в Люксембурге 1657 г. Допрашивается подозреваемая в колдовстве некая Пьеретта Пети. Сначала ведется дознание

о ее колдовских действиях: она ли вдохнула смерть в уста жены Байи? Она ли хотела погубить свою соседку Изабель Мерньи, дав ей отведать гороха и пирога? Обвиняемая все отрицала. Два дня спустя допрос возобновляется.

«Статья 15: Когда обвиняемая бывала бита своим покойным мужем Пьере, скрывалась ли она от побоев в сенном сарае?

Ответ: Да.

Статья 16: Где к ней явился дьявол и сказал, чтобы она сочеталась с ним, и он даст ей средства жить в свое удовольствие?

Ответ: Да.

Статья 17: Что она сочеталась с дьяволом и имела с ним дело?

Ответ: Она не знает, имела ли она дело с дьяволом в тот раз, но насколько помнит, имела с ним дело, когда ей случалось забыть осенить себя крестом.

Статья 18: Какое имя имел дьявол и как он говорил, чтобы его называли?

Ответ: Вельзевул.

Статья 19: Где и в каких местах она плясала с дьяволом? Было ли это в Хатрель, Гутель, Долине Безумцев, Саффа или другом месте?

Ответ: Это было в этих четырех местах.

Статья 20: Ей следует назвать тех, кого она встречала на танцах в Хатрель и Гутель. Видела ли она там Жанет Хуарт, жену Жана Робо, большую Мансон Хуарт, ее сестру, Катрин Роберт, жену Хуссона Жадэн и Женн Жадэн, его сестру? Были ли они там?

Ответ: В Гутель она узнала Жанет Хуарт, жену Жана Робо; Мансон Хуарт, его сестру; Катрин Роберт, жену Хуссона Жадэн и Жени Жадэн, его сестру; они там плясали и еще двое из Пюсманж, имена которых она не знает. Она даже не знает, были ли эти двое из Пюсманж, но когда они возвращались, то пошли в ту сторону. Это было тем летом.

Статья 24: Пусть она назовет другие места, где они имели обычай плясать по ночам, и кого она там встречала?

Ответ: Других мест она не припоминает».

Обратимся к другому документу. Это инструкции духовнику, составленные отцом Монуар, который вел миссионерскую деятельность в Бретани в 1640—1683 гг. Он составил их в 1650 г. и дал многозначительное название «Гора», так как полагал, что в Бретонских горах водятся ведьмы, объединенные в «каббалу», что эти горы прекрасно подходят для шабашей. Монуар дает инструкции, как добиться признания и снять «чары молчания», за которыми Сатана пытается скрыть сговор с ним. «Этот сговор настолько сатанинский, что исповедующийся не решается признаться в нем. Поэтому ему нужна решительная помощь духовника». Было бы ошибкой доверять безобидным исповедям. «По опыту известно, что без помощи духовника эти кающиеся (ведьмы) никогда не сознаются ни в одном своем грехе, как бы велик он ни был».

Монуар поясняет, как следует вести дознание и какую цель оно должно преследовать. Большинство бретонцев, представших перед судом раскаяния, по мнению этого миссионера, грешат «загадочным криводушием». Они вошли в сговор с Сатаной, поклоняются демону с козлиными копытами, участвуют в шабаше, где происходят оргии и дебоши. Таких признаний следует добиваться иногда путем косвенных вопросов. Следует «продвигать» допрос вперед, «несмотря на дьявольские препоны, стараться проникнуть в сознание кающегося». Хорошо сделать так, чтобы он «не сразу догадался, о чем его хотят спросить». Вопросы должны быть обильными и должны содержать «общие слова — некто, нечто, некоторый». И только в конце дознания допрашиваемый увидит, что речь шла о дьяволе и шабаше. Допрос следует вести, как бы из-

виняясь: «Не показалось ли вам, что однажды ночью вы присутствовали на большом сборище? А этот поганый (т.е. Сатана) сидел, словно принимал почести?.. Вы смотрели на себя как бы со стороны, как бы отдалившись от своего тела, не отдавая себе отчета о своих действиях, вы делали то, что делали все остальные».

Кроме того, Монуар так же, как и авторы «Молота ведьм», убежден, что существует тесная связь между сексуальной невоздержанностью и сговором с Сатаной. Самый короткий путь в ад идет через «врата нечисти». Поэтому вопросы по поводу дурных компаний и плотских грехов незаметно приведут допрос к теме шабаша. «Вам доводилось в молодости играть с маленькими детьми? Они совершали дурные дела? Если такой находился — конечно, это был Сатана — то он был хитрее остальных? Вы знали его?»

В конце концов, духовнику следовало помочь исповедующемуся отречься от дьявольской секты и вернуться в спасительное лоно Церкви.

* * *

Итак, церковь и государство объединились в борьбе против вражьей силы — Сатаны, «который погоняет людей словно вьючных лошадей до последнего вздоха, а чтобы они освежились на том свете, им уготованы вечное пекло и горящая сера».

Светские и духовные власти были уверены, что колдовство завоевывает мир, его злодеяния множатся, сообщество подручных Сатаны непомерно разрастается. Подтверждений этому несть числа. Приведем некоторые из них. С середины XVI в. по середину XVII в. бытовало мнение многочисленности ведьм. Во время вальденского процесса в Аррасе инквизиторы объявили, что христианский мир переполнен ведьмами и колдунами (даже некоторые епископы и кардиналы — колду-

ны), что треть христиан на самом деле замаскированные колдуны. Булла «Стремящиеся...» 1484 г. и «Молот ведьм» приводят другие данные, но предупреждают, что эта опасность растет. Папа пишет: «Недавно до наших ушей дошло и очень нас опечалило известие, что... многие лица того и другого пола (в Германии), забыв о спасении и католической вере, отдали себя в руки демонов как в женском, так и в мужском обличье». Авторы «Молота ведьм» также утверждают, что людское лукавство растет и что Враг «посеял на поле Господа нашего удивительный еретический разврат».

Для Ж. Бодэна быстрое размножение ведьм дано людям в наказание: «Так же, как Бог насылает чуму, войну, голод посредством злых духов, вершащих справедливость, так же он создал колдунов за осквернение имени своего, как это делается сейчас всюду безнаказанно и свободно, так что даже дети искусны в этом».

Несколькими годами позже, ссылаясь на Ж. Бодэна, Н. Реми будет утверждать, что при Карле IX во Франции насчитывалось несколько тысяч лиц, зараженных дьявольской проказой. Все, кто сам принимал участие в шабашах, в один голос утверждают, что там бывает очень много людей. Одна из обвиняемых, которую цитирует Н. Реми, заявляет, что в первую ночь она насчитала там не менее 500 человек. Столь же категоричен Богэ, поклонник «Молота ведьм» и Ж. Бодэна: «Колдуны бродят по нашей земле тысячами и плодятся, словно гусеницы в садах. И это к стыду наших магистратов, которым следует блюсти чистоту нравов и пресекать преступления». В 1628—1630 гг. судьи из Доль подтверждают многочисленность ведьм: «Зло растет изо дня в день, повсюду множатся эти исчадия».

Рост колдовства отмечается также в официальных документах, как гражданских, так и церковных. В 1581 г. Нормандский собор отмечает: «В колдовстве под началом Сатаны соединились почти все виды ереси. Нам

остается сожалеть о том, что мы видим, как в нашем королевстве и других местах множится и растет колдовство».

В ордонансе Филиппа II от 20 июля 1592 г. также говорится о «несчастиях и напастях, которые уготованы нам ежедневно в наше презренное время», когда колдовство, равно как и «другая ересь, ложные доктрины и вероотступничество, множится повсюду».

Английские священники и магистраты также сходятся в том, что ведьмы множатся и плодятся. Епископ Джеуэл пишет в 1559 г. о времени правления Марии Тюдор: «Число магов и колдунов огромно. За последние несколько лет их численность резко возросла». В 1602 г. лорд Андерсон заявил: «Страна наводнена колдунами. Все местности ими переполнены... они истребят всю страну, если не предпринять срочных мер защиты». Позже, в 1650 г., епископ Хил уточняет: раньше колдун был редкостью. «Теперь в каждом графстве их сотни. Если верить, то в одной северной деревне в каждом из 14 домов обитают эти проклятые создания».

Ввиду нависшей опасности суд должен быть быстрым и суровым. Послушаем Ж. Бодэна, когда он говорит о колдовстве: «Нужно использовать прижигание раскаленным железом, чтобы отсечь загнившую часть (общества)». Поскольку опасность велика, «кроме обычных судей, следует также ввести одну или две должности комиссаров». Для поиска ведьм следует ввести анонимный донос, как это делается в Шотландии и Милане, — в Церкви устанавливается долбленый ствол дерева, куда каждый может опустить записку с именем колдуна и описанием свершенного им злодеяния. Также следует отменить или смягчить наказание за соучастие. Если эта мера недостаточна, то у ведьм следует отнимать дочерей, так как часто матери передают им свое искусство и берут их с собой на сборища.

Им также нужно обещать оправдание. Если задержанные за колдовство люди не признают свою вину, следует их переодеть в другую одежду или раздеть донага и сбрить им волосы. Потому что там может быть спрятано средство для умолчания. Лишившись его, они заговорят. Не обязательно проводить дознание с пристрастием, можно только показать подозреваемому орудия пытки, что и было сделано с Жанной д'Арк.

«Прежде чем подвергнуть пытке, нужно показать допрашиваемому приготовления к ней — все орудия, веревки и палача — с тем чтобы обвиняемый в течение некоторого времени испытал ужас и страх. Также допрашиваемого можно ввести в камеру пыток, чтобы он услышал, как в соседней камере раздаются душераздирающие вопли, сказав при этом, что так кричат, когда пытают. Устрашив его таким способом, нужно пытаться вырвать у него признание».

* * *

На каких же доказательствах основывалось обвинение в колдовстве? Первым основанием была «истинность явных фактов», то есть носит ли колдунья жабу, облатку, восковую фигурку; есть при ней или на ней знак сатанинского сговора; говорит ли она с дьяволом и отвечает ли он ей, хотя и остается невидимым; обладает ли она дурным глазом или наводит порчу заговором. Кроме этих очевидных доказательств, есть еще показания свидетелей. Ж. Бодэн произносит по этому поводу следующую сентенцию: «Незачем искать многих свидетелей этого гнусного дела, проведших ночь в пещере или другом скрытном месте». Хотя показания женщин имеют меньший вес по сравнению с мужчинами, что касается колдовства, то здесь можно верить свидетельству неполноправных лиц. Иначе нет никакой надежды, что эта гнусная нечисть будет когда-ни-

будь наказана. Показания соучастников и сообщников колдунов следует принимать во внимание, а за преступление других они не в ответе. Но если ведьма будет иметь веские доказательства против сообщников или соучастников, то их привлекут к ответу. И наконец, насколько можно доверять слухам? На этот вопрос Ж. Бодэн отвечает: «что касается колдовства, то слухи почти всегда подтверждаются».

Предположим, что подозреваемый признался. Насколько можно верить его признаниям, если они содержат нелепые вещи? Некоторые судьи считают, что это «сказки». Другие видят в этом стремление несчастного скорее покончить с жизнью. Ж. Бодэн предлагает свое решение: если не судить за признание в сверхъестественных действиях, то тогда не следовало бы наказывать и содомитов, совершивших грех против природы. Сверхъестественное не означает невозможное. Действия «от разума» и дела Господни также противоречат естественному ходу вещей. Поэтому нельзя соизмерять дела от дьявола и злых духов с природными явлениями — это было бы софистикой. Из этого делается логический вывод: «Я говорю, что признание колдунов в том, что они летают (на шабаш) возможно и истинно, так же как и то, что заклинаниями они губят людей и животных».

Так рассуждает Жан Бодэн в четвертой книге «Демонологии», когда он пишет об инквизиции колдунов. Его мысли проявляются в заключительном утверждении: «Нужно, чтобы это гнусное преступление осуждалось чрезвычайным образом, иначе, чем другие преступления. Тот же, кто хочет сохранить обычные законы и процедуру суда, грешит против человеческого и божественного права»...

Следует подчеркнуть, что, когда мы говорим о наиболее яростных борцах с колдовством, речь идет о выдающихся деятелях культуры того времени. Это

относится не только к Ж. Бодэну, одному из создателей современного права и исторической науки. Н. Реми редактировал «Обычаи Лотарингии», изданные в 1596 г., занимался историей, выполнял дипломатические миссии. Богэ знал классических авторов, написал на латинском языке исследование обычаев Бургундии, был также историком. Пьер де Ланкр был большим эрудитом и талантливым поэтом, хорошо владел итальянским. Дель Рио был назван своим другом Жюстом Липе «чудом эпохи», он говорил на девяти языках, в девятнадцать лет знал наизусть произведения Сенеки. Можно было бы продолжить этот список достойных людей, таких удивительных для нас...

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЕДЬМЫ

Из книги Л. Кэбот «Сила ведьм»[1]

«Охотники за ведьмами» были больше озабочены «борьбой» с сексом, чем борьбой с дьяволом. Нет ничего удивительного в том, что, когда «обвиняемых» спрашивали, грезят ли они о дьяволе, многие из них отвечали положительно. Дьявол был основной темой средневековой цивилизации и культуры Ренессанса. О дьяволе говорили, дьявола изображали, дьявола боялись и дьявола обвиняли во всех несчастьях. Я уверена, что многим «охотникам за ведьмами» тоже снился дьявол, и, вероятно, им снились ведьмы, которым снится дьявол!

Вооружившись «Молотом Ведьм», «охотники за ведьмами» входили в деревни и поселки и начинали поиски. Прибыв в ту область, которую надлежало очистить от еретического яда, такого рода папские инквизиторы, прежде всего, созывали народ на проповедь: присутствие на ней приносило 40-дневное отпущение грехов. На этой проповеди они, в силу полученной от папы власти, повелевали всем обитающим в данной округе духовным и светским людям, чтобы они в недельный срок указали лиц, которые вызывают у них малейшее подозрение в отступничестве от веры, которые превратно говорят о таинствах и церкви или вообще в своем поведении и нравах отличаются от добрых католиков.

Заключив подозрительное лицо под стражу, подсудимому вручали в виде обвинительного акта выдержки из сделанных на него доносов и предлагали дать свои объяснения. Так называемые «улики» были разнообразны, нелогичны и противоречивы. Например, если во время допроса женщина

[1] Перевод с англ. Г. Гучкова.

что-то бормотала, глядела в землю и не плакала, значит, она была ведьмой. Если она молчала, значит, она была ведьмой. Разноцветные, бледно-голубые глаза считались признаком ведьмы. Бородавка, родинка, родимое пятно и веснушки считались «меткой дьявола». «Если «метки дьявола» не было в наличии, то инквизитор, упорствовавший в стремлении признать данную женщину ведьмой, заявлял, что «метка» так хорошо скрыта, что ее просто не видно. После чего проводилось официальное обследование всего женского тела, зачастую в присутствии зевак, которых интересовало обнаженная женская плоть, а не «метка дьявола».

Судья должен был руководствоваться в допросах «Наставлением к допросу ведьм», которым в XV—XVII веках в избытке были снабжены различные германские княжества.

Судье необходимо было скрупулезно допросить подсудимую по всем пунктам, часть из которых приведена ниже

«Не делала ли она сама каких-нибудь таких штучек, хотя бы самых пустячных — не вынимала ли, например, молока у коров, не напускала ли гусениц или тумана и т.п.? Также, у кого и при каких обстоятельствах удалось ей этому выучиться? С какого времени и как долго она этим занимается и к каким прибегает средствам? Как обстоит дело насчет союза с нечистым?»

«Отреклась ли она от Бога? В чьем присутствии, с какими церемониями, на каком месте, в какое время и с подписью или без оной? Писано оно было кровью или чернилами? Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? Как он звался? Как он был одет и особенно какие у него были ноги?»

Далее следует ряд детальных циничных расспросов о том, как бес и подсудимая вели себя на брачном ложе, после чего Наставление продолжает:

«Вредила ли она в силу своей клятвы людям и кому именно? Ядом? Прикосновением, заклятиями, мазями? Сколько она до смерти извела мужчин? Женщин? Детей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременных женщин? Сколько скотины?»

«Умеет ли она также летать по воздуху и на чем она летала? Как она это устраивает? Куда случилось ей летать в разное время? Кто из других людей, которые находятся еще в живых, бывал на их сборищах?»

«Умеет ли она также скидываться каким-нибудь животным и с помощью каких средств?»

«Давно ли праздновала она свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена, кто на ней был и что там подавались за кушанья? Также было ли у нее на свадьбе вино и откуда она его добыла?»

«Сколько малых детей съедено при ее участии? Где они были добыты? Также, у кого были они взяты? Или они были вырыты на кладбище? Как они их готовили — жарили или варили? Также, на что пошла головка, ножки и ручки? Сколько рожениц помогла она извести? Или не помогала ли она выкапывать родильниц на кладбище и на что им это надобно? Не выкапывали ли они также выкидышей и что они с ними делали?»

«Насчет мази. Раз она летала, то с помощью чего? Как мазь эта готовится и какого она цвета? Также, умеет ли она сама ее приготовлять? Что она сделала с вареным или жареным человеческим мясом? Для этого идет еще человеческая кровь, папоротниковое семя и т.п., но сало непременно туда входит. При этом от мертвых людей оно идет для причинения смерти людям и скотины, а от живых для полетов, для бурь, для того, чтобы делаться невидимкой» и т.п.

«Сколько с ее участием напущено было бурь, морозов, туманов? Был ли ее любовник при ней на допросе или не приходил к ней в тюрьму?»

«Доставала ли она также освященные гостий и у кого? Что она с ними делала? Являлась ли она также к Причастию и потребляла ли его как следует? «Как они добывают уродов, которых подкидывают в колыбели вместо настоящих младенцев?»

«Также как она делала мужчин не способными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять по-

мочь? Точно так же, как она молодых и старых людей лишала потомства и как им можно опять помочь?..»

Если судья получал недостаточно подробные ответы на эти вопросы, то обвиняемую подвергали пыткам.

Поиски истины могли вестись и с помощью «ведьмовского шила» — инструмента, действительно напоминавшего большое шило. Профессиональные «охотники за ведьмами» (которым платили только в том случае, если они могли доказать местным властям, что они действительно поймали ведьму) часто использовали два шила — одно обычное, а другое с выдвижным острием. «Охотник за ведьмами» колол разные части тела женщины обычным шилом. Колол легко, но так, чтобы выступила кровь, что должно было доказать остроту его орудия. Затем он незаметно подменял шило и «всаживал по самую рукоятку» в тело жертвы шило с убирающимся острием. Женщина не кричала от боли, и это было доказательством ее вины.

Пытки проводились в соответствии с определенными правилами, словно это могло их сделать более гуманными. Например, пытка не должна была длиться более часа. Но инквизиторы могли остановить допрос чуть раньше, с тем, чтобы начать его снова. Инквизиторы имели право на три допроса: один для того, чтобы вырвать признание, другой для того, чтобы выяснить мотивы, третий — чтобы узнать имена сообщников. Бывало, что пытки длились круглосуточно. Перебивались лодыжки, отрезались груди, выкалывались глаза, волосы на голове и других частях тела смазывались серой и поджигались, конечности выворачивались из суставов, рвались жилы, ломались ключицы, раскаленные добела иглы загонялись под ногти, пальцы на руках и ногах дробились тисками. Жертв опускали в ванны с кипящей водой, смешанной с лимонным соком, подтягивали на веревках и резко опускали, подвешивали за пальцы, привязав к ногам груз, подвешивали вниз головой и вращали, прижигали факелами, насиловали с помощью острых инструментов, придавливали тяжелыми камнями. Иногда членов семьи обвиняемого принужда-

ли смотреть на то, как его пытают, чтобы потом подвергнуть пыткам их самих. Перед тем, как отправить жертву на костер, ей вырезали язык или обжигали рот, чтобы она не могла богохульствовать или выкрикивать проклятия во время казни. Инквизитор Н. Реми был поражен тем, что многие ведьмы «определенно хотели умереть». Трудно поверить в то, что он не понимал почему.

Проходило около получаса, прежде чем жертва погибала от ожогов и удушья. А костер, сложенный из медленно горящего угля, мог продлить мучения на целый день. После казни, чтобы отметить «богоугодное деяние», как правило, устраивался банкет.

* * *

В моем городе [Салеме] никто не был сожжен на костре. В моем городе ведьм вешали или раздавливали тяжелыми камнями, где было казнено двадцать человек, и эта цифра казалась небольшой в сравнении с миллионами жертв в эпоху костров, но соотношение количества казненных, заключенных в тюрьму и обвиненных в колдовстве, хотя и не арестованных, с общим числом населения этой малозаселенной местности было впечатляющим. Имела место следующая история. Ее жертвами стали люди из всех слоев общества.

Это началось в кухне святого отца Париса, где Титуба с Барбадоса развлекала дочь святого отца в холодные зимние месяцы 1691 г. Девушки расспрашивали Титубу, которая умела предсказывать будущее, о их мужьях, что вполне естественно для девушек. Со временем у девушек стали приключаться то припадки, то приступы отчаянной меланхолии, то видения, они могли принимать странные позы и делать странные жесты. В Салеме это поведение святые отцы объяснили кознями дьявола. Слушания продолжались в течение нескольких месяцев, в ходе которых вышеупомянутые девушки, а также другие подростки, у которых проявились те же симптомы (это стало своего рода юношеским феноме-

ном), обвинили в своих страданиях взрослых членов общины. У них были видения, в которых уважаемые люди города вполне недвусмысленно вступали в контакт с дьяволом. Когда зима сменилась весной и начались естественные для этого времени природные катаклизмы, вина за это была возложена на дьявола, действующего через некоторых членов общины. Тогдашняя теория гласила, что дьявол может действовать только с помощью какого-нибудь человека. Кого-то, кто заключил с дьяволом пакт. Кто-то, кто был «ведьмой».

Прозвучали обвинения, были проведены аресты, допросы, и к весне тюрьмы были уже переполнены. Потом началась настоящая эпидемия. «Ведьм» обнаружили в Беверли, Топсфильде, Эндовере, Ипсвиче, Линне и практически в каждом городе графства Эссекс. В Эндовере арестованных было даже больше, чем в Салеме. Бостонские власти послали своих представителей для ведения судебных заседаний.

Суд начал работу в июне, и Бриджит Бишоп, просидевшая в тюрьме с апреля, была повешена. События разворачивались быстро. В июле были повешены Ребекка Нурс, Сара Гуд, Элизабет Хау, Сара Вайлд и Сюзанна Мартин. В августе суд признал виновным Джона Вилларда, Джона и Элизабет Проктор, Джорджа Джекоба, Марту Карье и святого отца Джорджа Бэрроу. Все были казнены, за исключением Элизабет Проктор. Она была беременна, и казнь отложили до рождения ребенка. В сентябре суд отправил на виселицу Марту Гори, Элис Паркер, Энн Пьюдеатор, Мэри Эсти, Маргарет Скотт, Мэри Паркер, Вильмот Рид и Самюэля Вордвелла. Супруг Марты Кори, Гил, был задавлен насмерть грузом камней. К концу этого мрачного лета еще сто человек ожидали суда, а нескольким сотням были предъявлены обвинения.

В конце концов, здравомыслие восторжествовало. Инкриз Мазер, который проповедовал в Кэмбридже, сказал, что обвинение в колдовстве основано на очень шатких доводах, к которым прежде всего относится представление о том, что дьявол способен вселяться в кого-нибудь из членов общины. По мнению Мазера, дьявол действительно мог вселить-

ся в женщину или мужчину, но это не являлось доказательством того, что данное лицо изначально заключило пакт с дьяволом. Разве дьявол не мог вселяться в совершенно невинных людей? Некоторые люди начали склоняться к такому выводу. В конце концов, Инкриз Мазер заявил, что истребление одной ведьмы не стоит того, чтобы вместе с ней погибло десять невинных людей. К его аргументам прислушались, и вскоре «охота на ведьм» была прекращена.

Однако до сих пор никто не дал ответа на вопрос: были ли двадцать казненных и сотни осужденных на самом деле ведьмами? История оставила мало сведений на этот счет. Я уверена, что некоторые или многие из них, подобно своим европейским собратьям, сохранили определенную связь со Старой Религией — занимались изучением трав, приготовлением особых отваров, прорицательством и народной медициной. Некоторые из них могли даже отмечать старые праздники. Нам известно, что поселенцы в Мерримаунте, штат Массачусетс, еще в начале двадцатого века каждый год устанавливали «майское дерево». Но нет никаких доказательств того, что они были истинными поклонниками Богини. Конечно, среди их предков должны были быть ведьмы, но сами они не обязательно должны были быть ведьмами, в том смысле, какой я вкладываю в это слово. Вероятно, многие из них были набожными христианами.

Тем не менее, я полагаю, что мы можем считать их ведьмами. Нет никаких сомнений в том, что они умерли за нашу свободу. Они отказывались признать себя виновными в совершении преступлений. (Интересно, что ни один человек, признавший себя виновным в колдовстве, не был повешен. Они поклялись и были снова приняты в общество. Нам остается только спросить, были ли те, кто признал свою вину, в самом деле ведьмами или они признались, чтобы спасти свою жизнь. Ответа на этот вопрос история уже не даст).

СОЖЖЕНИЕ НА КОСТРАХ

Из книги Д. Фрезера «Золотая ветвь»[1]

С незапамятных времен в Европе существует обычай, следуя которому крестьяне в определенные дни года разжигают костры, танцуют вокруг них или же через них прыгают. Есть основания отнести эти обычаи к эпохе Средневековья. Но аналогичные обычаи соблюдались и в древности, а это говорит о том, что они своими корнями уходят в дохристианскую эпоху. Действительно, самые первые сведения о существовании этих обычаев в Северной Европе мы черпаем из предпринятых в VIII веке попыток христианских синодов упразднить эти обычаи как языческие. Нередко на этих кострах сжигались чучела людей или инсценировались сожжения живого человека. Есть основания полагать, что в далеком прошлом в таких случаях действительно подвергались сожжению живые люди. Краткий обзор такого рода обычаев выявит существование в них следов человеческих жертвоприношений и одновременно поможет прояснить их смысл.

Чаще всего такого рода костры зажигались весной и в середине лета, но в некоторых местах их зажигали в конце осени или же зимой, особенно в канун Дня всех святых (31 октября), на Рождество и в канун двенадцатого дня. Место не позволяет дать исчерпывающее описание этих праздников, однако несколько примеров помогут составить о них общее представление. Возьмем, хотя бы весенние праздники огня, кото-

---

[1] Перевод с англ. М. Рыклина.

рые приходятся на первое воскресенье поста, на канун Пасхи и на первое мая.

Обычай жечь костры в первое воскресенье поста получил самое широкое распространение в Бельгии, на севере Франции и во многих частях Германии, Так, в Бельгийских Арденнах в течение одной или двух недель перед так называемым праздником огня дети переходят от одной усадьбы к другой и собирают топливо. В Гранд-Алле дети преследуют тех, кто отказал им в просьбе, и стараются вымазать лицо золой, взятой из потухшего костра. В праздничный день они рубят кустарник, чаще всего ракитник и можжевельник, и вечером зажигают на всех холмах огромные костры. Считается, что, если разжечь семь костров, деревня будет застрахована от пожаров. Если к этому времени река Мез замерзает, костры раскладывают также и на ее льду. В Гранд-Алле в середину костра ставят столб, который называют «ведьма» (makral), разжигает костер мужчина, женившийся последним. В окрестностях Морланвельца сжигают соломенное чучело. Молодые люди вокруг костров танцуют и поют, перепрыгивают через горячие угли, чтобы обеспечить на следующий год хороший урожай, счастливо выйти замуж или жениться, а также чтобы избавиться от коликов в желудке. В Брабанте до начала XIX века в то же самое воскресенье женщины и переодетые в женское платье мужчины с горящими факелами шли в поля, где танцевали и распевали шуточные песни с целью, как они утверждали, изгнания «злого сеятеля», который упоминается в читающемся в этот день отрывке из Евангелия. В Патюраже, в провинции Эно, приблизительно до 1840 года соблюдался обычай под названием Эскувион или Скувион. Каждый год в первое воскресенье поста, которое называлось днем Малого Скувиона, молодежь и дети бегали по садам с зажженными факелами. На бегу они пронзительно кричали: «Несите ябло-

ки, несите груши, несите все черные вишни Скувиону». При этих словах человек, несущий факел, размахивал им и швырял его в заросли яблоневых, грушевых и вишневых деревьев. Следующий день назывался днем Великого Скувиона, когда тот же самый рейд с горящими факелами среди фруктовых деревьев повторялся после полудня до наступления сумерек.

В департаменте Арденны (Франция) жители всем селением танцевали и пели вокруг костров, которые разжигались в первое воскресенье поста. Костер здесь также зажигался мужчиной или женщиной, последними вступившими в брак. Данный обычай до сих пор широко распространен в этом районе. В этих кострах обычно сжигали кошек; иногда их поджаривали, держа над костром, и, пока они горели, пастухи прогоняли сквозь дым и пламя свои стада, веря, что это предохранит скот от заболеваний и колдовских чар. Жители некоторых селений верили, что чем оживленнее будет пляска вокруг костра, тем богаче будет в текущем году урожай.

В провинции Франш-Конте (Франция), к западу от Юрских гор, первое воскресенье поста зовется воскресеньем головешек из-за костров, которые обычно разжигаются в этот день. В субботу или в воскресенье деревенские парни впрягаются в телегу и тащат ее по улицам, останавливаясь перед дверями домов, где есть девушки, и выпрашивают вязанку хвороста. Когда набирается достаточное количество топлива, они свозят его в какое-нибудь место около деревни, сваливают в кучу и разжигают костер. Посмотреть на костер собираются все жители села. В некоторых деревнях, когда колокола вызванивали молитву «Angelus», криками «К огню! К огню!» давался сигнал к началу обряда. Парни, девушки и дети танцуют вокруг пламени, а когда костер гаснет, соревнуются в перепрыгивании через угли. Если девушке или парню удается в прыжке не

опалить одежду, это значит, что он или она в течение года вступят в брак. Молодежь носит также по улицам или полям зажженные факелы и, проходя мимо фруктовых садов, выкрикивает: «Больше плодов, чем листьев!» Еще недавно в Лавироне, в департаменте Ду, эти костры раскладывали молодожены. В середине костра устанавливался шест с привязанным к верхушке деревянным петухом. Затем устраивались состязания, и в качестве награды победитель получал этого петуха.

В это время года подобные обычаи соблюдались в Германии, в Австрии и в Швейцарии. Так, в Эйфельских горах (Прирейнская область в Пруссии) в первое воскресенье поста молодые люди, переходя из дома в дом, собирали солому и хворост. Свою добычу они вносили на какой-нибудь холм и складывали вокруг высокого тонкого бука, к которому под прямым углом были привязаны в виде креста деревянные бруски. Это сооружение, называемое «хижиной» или «замком», поджигалось. Молодежь с непокрытой головой, держа в руках факелы, ходила вокруг горящего «замка» и громко молилась. Иногда в «хижине» сжигалось соломенное чучело человека. Во время церемонии все следили за направлением дыма от костра. Если его сдувало в сторону полей, это считалось предзнаменованием хорошего урожая. В тот же самый день в некоторых частях Эйфеля из соломы делали большое колесо и с помощью трех лошадей затаскивали его на вершину холма. Деревенские ребята с наступлением сумерек направлялись туда; они поджигали колесо и спускали его вниз по склону. В Оберштадтфельде колесо должен был делать последний из женившихся молодых людей. Около Эхтернаха, в Люксембурге, подобная церемония называется «сожжением ведьмы».

В Форарльберге, в Тироле, в первое воскресенье поста стройную молодую ель окружают грудой соломы и хвороста, к ее вершине привязывается сделанное

из тряпок и набитое порохом чучело, которое называется «ведьмой». Ночью это сооружение поджигается; вокруг танцуют мальчики и девочки, размахивая факелами и распевая стихи, в которых есть такие слова: «Зерно — в веялки, плуг — в землю». В Швабии в первое воскресенье поста к шесту привязывают сделанное из старой одежды чучело, называемое «ведьмой», «старой женой» или «бабушкой зимой». Шест этот втыкают в середину груды дров и все это поджигают. Пока «ведьма» горит, молодые люди подбрасывают в воздух горящие диски. Эти тонкие, круглые куски дерева, имеющие в диаметре несколько дюймов, имеют зазубренные края в подражание солнечным или звездным лучам. В середине диска — отверстие, при помощи которого он насаживается на конец палочки. Перед тем как бросить диск в воздух, его поджигают, палочку раскачивают из стороны в сторону, а затем резким движением пускают диск в воздух. Брошенные таким образом огненные диски поднимаются высоко в воздух и, перед тем как достигнут земли, описывают длинную светящуюся дугу. Обугленные остатки от «ведьмы» и дисков приносят домой и той же самой ночью закапывают в поля, засеянные льном, так как, по мнению жителей, это оберегает посевы от вредителей. В Ренских горах, расположенных на границе Гессена и Баварии, в первое воскресенье поста жители обычно отправляются на вершину холма. Парни и ребятишки несут факелы, ветки, обмазанные смолой, и обвязанные соломой шесты. Затем заранее приготовленное колесо поджигают и спускают с холма, а молодые люди бегут в поля с горящими факелами и вениками, которые через некоторое время сбрасывают в кучу, и молодежь, стоя вокруг нее, поет гимн или народную песню. Бегая по полям с зажженными факелами, люди стремились «изгнать злого сеятеля». Или же это делалось в честь девы Марии, чтобы она уберегла и благословила

урожай. У жителей деревень по соседству с Гессеном, между Ренскими и Фогельскими горами, бытует поверье, что поля, по которым прокатилось горящее колесо, будут защищены от бурь и града.

От этих костров, зажигаемых в первое воскресенье поста, по-видимому, нелегко отличить костры, на которых в это же самое время сжигается изображение так называемой Смерти, что является частью церемонии «выноса Смерти». Мы видели, как в Шпахендорфе, в Австрийской Силезии, утром в День святого Руперта (то есть во вторник на масленой неделе) соломенное чучело, одетое в меховое пальто и шапку, кладется за деревней в яму и сжигается. Пока чучело горит, каждый старается заполучить кусок от него, с тем чтобы потом привязать его к ветке самого высокого дерева в своем саду или закопать в полях, так как существует поверье, что это приносит хороший урожай. Этот обряд называется «погребением Смерти». Даже когда соломенное чучело не прозывается Смертью, смысл этого обычая, по-видимому, остается тем же, так как само это имя, как я уже пытался показать, не выражает первоначальный смысл указанного обряда. В Коберне, в Эйфельских горах, соломенное чучело изготовляется парнями во вторник на масленой неделе. Над чучелом по всей форме устраивают суд, оно обвиняется во всех кражах, совершенных в округе в течение года. Приговоренного к смерти соломенного человека носят по деревне, после чего расстреливают и сжигают на костре. Все пляшут вокруг костра, а женщина, последней вышедшая замуж, должна через него перепрыгнуть.

В Ольденбурге вечером в масленичный вторник было принято изготовлять длинные связки соломы, которые затем поджигались. Люди, размахивая зажженными вязанками, с визгом и непристойными песнями бегали по полям. После этого в поле сжигали соломенное чучело. В районе Дюссельдорфа соломенный че-

ловек, сжигаемый во вторник на масленой неделе, изготовлялся из необмолоченного снопа. В первый понедельник после весеннего равноденствия цюрихские мальчики таскают по улицам в маленькой тележке соломенное чучело, в то время как девочки носят Майское дерево. Чучело сжигают, когда колокола звонят к вечерне. В пепельную среду[1] в Аахене какого-нибудь человека обычно обматывали стеблями гороха и относили на определенное место, откуда он незаметно исчезал. Сжигалась его гороховая оболочка, а дети воображали, что сгорел сам человек.

* * *

Праздники огня справляются также в канун Пасхи, то есть в Страстную субботу, предшествующую первому дню Пасхи. В этот день в католических странах было принято гасить в церквах все огни, а затем зажигать их вновь при помощи кремня и стали, а иногда — увеличительного стекла. От этого огня зажигается большая пасхальная свеча, от которой затем зажигают свечи в церквах. Во многих частях Германии от «нового огня» зажигается костер на каком-нибудь открытом месте около церкви. К этому освященному костру приносят ветки дуба, орешника и бука, которые обжигают на костре, а затем уносят к себе домой. Некоторые из этих обугленных веток селяне сжигают дома в только что разожженном огне с молитвой о предохранении усадьбы от пожара, молнии и града. Каждый дом получает, таким образом, «новый огонь». Многие сохраняют ветки в течение всего года и, чтобы защитить дом от удара молнии, сжигают в очаге во время сильных гроз.

---

[1] Пепельной средой называют во многих западноевропейских странах среду на первой неделе Великого поста. Название — от церковного обычая посыпать голову пеплом в знак раскаяния в совершенных во время Масленицы грехах. — *Примеч. перев.*

Иногда их с той же целью помещают на крышу. Другие ветки относят в поля, сады и луга, молясь при этом, чтобы бог защитил их от паразитов и града. Считается, что такие поля и сады будут плодоносить лучше других; хлеб и другие растения в этих полях и садах не будут побиты градом, изгрызены мышами, вредителями; им не будет страшна никакая ведьма и хлебные колосья будут сгибаться под тяжестью зерна. Эти обугленные ветки прикладываются также к плугу. Пепел пасхального костра вместе с пеплом освященной вербы во время сева подмешивают к зерну.

Жители Верхней Франконии, около Форгейма, сжигают в пасхальную субботу соломенное чучело, прозываемое Иудой. Вся деревня приносила хворост для этого костра; обуглившиеся на этом костре палки сохраняли и в День святой Вальпургии (первое мая) закапывали в полях, чтобы предохранить пшеницу от насекомых-паразитов. Приблизительно сто или более лет тому назад в Альтгеннеберге, в Верхней Баварии, существовал следующий обычай. В полдень в пасхальную субботу парни собирали хворост и складывали его в поле, в середине кучи они устанавливали высокий деревянный крест, обмотанный соломой. После вечерней службы они зажигали от освященной церковной свечи свои фонари и, стараясь перегнать друг друга, мчались с ними к костру. Прибежавший первым человек разжигал костер. Ни одна женщина или девушка не должна была приближаться к костру, но им разрешалось наблюдать его с некоторого расстояния. Когда пламя разгоралось, мужчины и парни предавались безудержному веселью, выкрикивая слова: «Мы сжигаем Иуду!» Тот, кто первым достигал костра и зажигал его, в первый день Пасхи получал награду: у ворот церкви женщины давали ему крашеные яйца. Смысл всей этой церемонии сводился к тому, чтобы предотвратить град.

В других деревнях Верхней Баварии обряд, совершавшийся в пасхальную субботу между девятью и десятью часами вечера, назывался «сожжением пасхального человека». На возвышенности приблизительно в одной миле от деревни молодые ребята устанавливали высокий обмотанный соломой крест, чем-то напоминающий человека с распростертыми руками. Это и был пасхальный человек. Ни один парень моложе восемнадцати лет не имел права участвовать в этой церемонии. Рядом с пасхальным человеком, держа в руке освященную тонкую свечку, которую он приносил из церкви, располагался один из молодых людей. Остальные обступали крест, образуя круг. По первому сигналу они трижды пробегали по кругу; когда же давался второй сигнал, они бросались прямо к кресту и к парню с зажженной свечой. Тот, кто первым достигал цели, имел право поджечь пасхального человека. Его сожжение сопровождалось ликованием. Когда пламя угасало, выбирали трех парней, каждый из которых с помощью палки трижды очерчивал на земле крут вокруг пепелища. Затем все они удалялись. В пасхальный понедельник жители собирали пепел и разбрасывали его по полям; кроме того, они закапывали в полях ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, и обуглившиеся палки, освященные в Страстную пятницу. Все это делалось с целью защиты полей от града. В некоторых частях Швабии пасхальные костры нельзя было зажигать при помощи железа, стали или кремня. Зажигали их исключительно трением деревянных брусков.

Обычай зажжения пасхальных костров был, по-видимому, распространен по всей Средней и Западной Германии. Этот обычай мы застаем также в Голландии, где на самых высоких холмах разжигались костры, вокруг которых устраивались танцы и через которые прыгали. Так же как и в Германии, хворост для костра здесь собирали молодые люди, переходя от од-

ного дома к другому. Во многих частях Швеции в канун Пасхи стреляют из огнестрельного оружия, а на холмах и возвышенностях зажигают огромные костры. Существует предположение, что таким образом люди надеются нейтрализовать тролля и другие дьявольские силы, которые особенно активизируются в этот период.

* * *

На Северо-Шотландском нагорье некогда зажигались первомайские огни, известные под названием огней Бельтана. Их зажжение сопровождалось пышной церемонией, в которой без труда можно было разглядеть следы человеческих жертвоприношений. В некоторых местах этот обычай просуществовал до конца XVIII века. Как и другие публичные жреческие культы, праздник Бельтана, по-видимому, справлялся на холмах и возвышенностях. Для того, чьим храмом была вся Вселенная, считалось унизительным поселиться в доме, построенном человеческими руками. Поэтому жертвы приносились на открытом воздухе, часто на вершинах холмов, на фоне величественнейших пейзажей, в непосредственной близости от источника тепла и покоя.

За ночь до этого тушили все без исключения огни в округе и на следующее утро готовили топливо для священного огня. По-видимому, наиболее примитивным методом пользовались жители островов Скай, Мулл и Тири. Добывалась хорошо просушенная дубовая доска, посередине которой просверливалось отверстие. Затем брали сделанное из того же дерева сверло, конец которого прилаживали к отверстию. В некоторых местах три раза повернуть сверло должны были три человека, в других для того, чтобы повернуть его три раза, требовалось девять человек. Если кто-нибудь из них был повинен в убийстве, прелюбодеянии, краже или в ка-

ком-нибудь другом тяжком преступлении, считалось, что огонь не загорится или не будет обладать должными свойствами. Как только от сильного трения появлялся огонь, к нему подносили растущий на березах легко воспламеняющийся пластинчатый гриб. Предполагалось, что огонь этот послан с неба, вследствие чего ему приписывали разного рода полезные свойства. Считалось, что он предохраняет от козней ведьм, служит наилучшим средством против злокачественных заболеваний как у людей, так и у скота, что с его помощью будто бы можно обезвредить самый сильнодействующий яд.

Разложив с помощью добытого трением огня костер, участники обряда готовили на нем себе пищу. Покончив с едой, развлекались вокруг костра пением и танцами. Под конец человек, назначенный на пиру распорядителем, доставал большой пирог с зазубренными краями, испеченный из яиц и называемый пирогом Бельтана. Его разрезали на куски и церемонно раздавали присутствующим. Один из этих кусков был особый, потому что того, кому он доставался, прозывали «бельтановым чертом». Быть чертом считалось великим позором. Когда такой человек брал кусок в руки, часть присутствующих бросалась на него и делала вид, будто хочет швырнуть его в огонь, но тут вмешивались остальные и беднягу спасали. В некоторых местах этого человека клали на землю, как бы собираясь его четвертовать, после чего его забрасывали яичной скорлупой. Обидное прозвище оставалось за таким человеком на весь год. И пока люди хранили воспоминание об этом празднестве, они говорили о «бельтановом черте» как о мертвеце.

На северо-востоке Шотландии огни Бельтана зажигались еще во второй половине XVIII века. Местные пастухи собирали хворост, поджигали его и трижды в пляске обходили горящую кучу. Однако, если верить

более позднему источнику, огни Бельтана зажигались в этой местности не первого, а второго мая по старому стилю. Назывались они огнями скелетов (bonefire). Существовало поверье, что этой ночью ведьмы выходят из своих жилищ и занимаются тем, что наводят порчу на скот и крадут коровье молоко. Чтобы им помешать, у дверей коровника раскладывали веточки жимолости, а еще чаще рябины, и каждый владелец усадьбы и батрак зажигал огни. В одну кучу сваливали старую солому, дрок или ракитник и вскоре после заката солнца все это поджигали. Одни ворошили горящую массу, а другие поднимали на вилы или багры пучки соломы и, держа вилы как можно выше, бегали взад-вперед. В это же самое время молодежь танцевала вокруг огня или пробегала сквозь дым с криками: «Огонь! Сожги ведьм! Огонь! Огонь! Сожги ведьм!» В некоторых местах по пеплу прокатывали большой круглый пирог из овсяной и ячменной муки. Когда хворост прогорал, пепел костра разбрасывали как можно дальше и до глубокой ночи продолжали бегать вокруг углей, выкрикивая: «Огонь! Сожги ведьм!»

Огни Бельтана зажигались, по-видимому, и в Ирландии. Кормак «или кто-то другой, носящий то же имя, сообщает, что первое мая (belltaine) получило свое название от «счастливого огня» или от «двух огней», которые друиды Эрина (Ирландии) обычно зажигали в этот день со страшными заклинаниями. Подведя скот к этим огням, прибавляет он, его прогоняли между кострами в надежде, что это на год защитит его от болезней». Обычай в канун первого мая или на первое мая прогонять скот через костры или между ними оставался в силе еще при жизни нынешнего поколения.

В большинстве областей Центральной и Южной Швеции на первое мая устраивается большой народный праздник. В канун праздника на всех холмах и

возвышенностях пылают огромные костры, которые должны были зажигаться при помощи кремня. В каждом мало-мальски большом селении жители раскладывают отдельный костер, вокруг которого водит хороводы молодежь. Пожилые люди наблюдают за тем, в какую сторону сдувает пламя — к югу или к северу. В первом случае весна будет ранней и мягкой, во втором — холодной и поздней. В Богемии в канун первого мая молодежь зажигает на холмах и возвышенностях, на перепутьях и пастбищах огни и танцует вокруг них. Молодые люди прыгают через тлеющие угли или через пламя костра. Этот обычай называется «сожжением ведьм». В некоторых местах на костре сжигается чучело ведьмы. Следует помнить, что на канун первого мая приходится пользующаяся дурной славой Вальпургиева ночь, когда в воздухе невидимо кружат ведьмы. В Фойгтланде в эту ведьмовскую ночь дети раскладывают на возвышенностях костры и прыгают через них; они также размахивают пылающими ветками ракитника или подбрасывают их в воздух. Считается, что, если на поля упадет отблеск костра, они будут плодородными. Ритуал разжигания огней в Вальпургиеву ночь носит название «изгнания ведьм». Совершаемый в Вальпургиеву ночь обряд сожжения ведьм широко распространен или был распространен в Тироле, Моравии, Саксонии и Силезии.

* * *

Предшествующий обзор народных праздников огня в Европе нуждается в нескольких общих замечаниях. Прежде всего, не может не поразить сходство, существующее между всеми этими обрядами, в какое бы время года и в какой бы части Европы они ни совершались. Современные исследователи дали два различных объяснения праздникам огня. С одной сто-

роны, утверждалось, что это — солнечные чары или магические церемонии, призванные по принципу имитативной магии обеспечить необходимый запас солнечного света для людей, животных и растений путем устройства на земле костров в подражание великому источнику света и тепла в небе. Такова, в частности, точка зрения В. Маннхардта, которую можно назвать солярной теорией. С другой стороны, было установлено, что эти ритуальные огни не имеют обязательного отношения к солнцу и являются просто-напросто кострами, цель которых — сжечь и уничтожить всякое вредное влияние, исходит ли оно от одушевленных существ (ведьм, демонов и монстров) или же выступает в безличной форме — как своего рода распространяющаяся по воздуху зараза. Таково мнение доктора Эдварда Вестермарка и, кажется, профессора Евгения Монгка. Это мнение можно назвать очистительной теорией. Теории эти явно исходят из двух совершенно различных представлений об огне, который играет основную роль в этих ритуалах. Согласно одной точке зрения, огонь, как и солнечный свет в наших широтах, является созидающей силой, которая благоприятствует росту растений и развитию всего живого. Согласно другой теории, огонь является могучей разрушительной силой, которая истребляет все вредные элементы материального и духовного порядка, угрожающие жизни людей, животных и растений. Согласно одной теории, огонь является стимулятором, согласно другой — своеобразным дезинфицирующим средством. По одной теории, он обладает позитивными свойствами, по другой — негативными.

В рассматриваемых нами праздниках обычай зажигать костры обычно ассоциируется с обычаем носить зажженные факелы по полям, виноградникам, пастбищам и загонам для скота. Вряд ли можно сомневаться, что оба эти обычая являются не более как двумя

различными путями достижения одной цели, а именно получения выгод, которые якобы огонь — будь он неподвижным или же переносным — приносит с собой. Следовательно, если мы примем солярную теорию, то будем вынуждены распространить ее и на факелы. Нам придется предположить, что хождение или бег с горящими факелами в сельской местности есть просто средство максимального распространения благотворного влияния солнечного света, слабой имитацией которого являются мерцающие огни. В пользу этого взгляда говорит и то, что иногда факелы носят по полям с явной целью сделать их высокоурожайными; с тем же намерением тлеющие угли из костров иногда разбрасывают на полях, чтобы оградить их от вредителей. В Нормандии в канун Крещения мужчины, женщины и дети бегали по полям и виноградникам, держа в руках зажженные факелы, которыми они размахивали перед ветками и ударяли по стволам фруктовых деревьев, для того чтобы сжечь лишайник и изгнать моль и полевых мышей. Они верили, что эта церемония преследует две цели: заклинание паразитов, чье размножение было реальным бедствием, и повышение плодоносности деревьев, полей и даже скота. Верили, что, чем дольше эта церемония длилась, тем обильней следующей осенью должен быть урожай. В Богемии говорят, что чем выше удастся подбросить в воздух метлу, тем выше поднимутся хлеба.

Подобного рода верования имеют хождение не только в Европе. В Корее за несколько дней до новогоднего праздника дворцовые евнухи, распевая заклинания, размахивают зажженными факелами. Предполагается, что это обеспечит в следующем году отличный урожай. Обычай, соблюдаемый в Пуату, катать по полям горящее колесо с целью оплодотворения полей, по-видимому, имеет в своей основе ту же самую идею, но в еще более выпуклой форме, так как в этом случае по

земле, испытывающей на себе его благодатное влияние, должно пройти само мнимое солнце, а не просто его свет и тепло, олицетворенное факелами. Кроме того, обычай ходить вокруг скота с горящими головнями ничем не отличается от обычая прогонять сквозь огонь животных, и если костер представляет собой солнечные чары, тем же целям должны служить и факелы.

Итак, мы всесторонне рассмотрели аргументы в пользу солярной теории, утверждающей, что на европейских праздниках огня костер раскладывался как магическое средство обеспечить солнечным теплом и светом человека, животный мир, посевы и плоды. Остается рассмотреть противоречащие этой теории аргументы в пользу гипотезы, утверждающей, что огонь в этих обрядах выполняет не столько созидательную, сколько очистительную функцию, сжигая и истребляя вредные отбросы материального или духовного свойства, которые угрожают всем живым существам болезнями и смертью...

Хотя использование огня с целью магического воздействия на обилие солнечного света является, по-видимому, неоспоримым, тем не менее, пытаясь объяснить народные обычаи, мы никогда не должны прибегать к помощи теории более сложной при наличии более простой теории, поддерживаемой к тому же недвусмысленными свидетельствами соблюдающих эти обычаи людей. Так вот, что касается праздников огня, люди вновь и вновь обращают внимание на разрушительную силу пламени, и, что весьма знаменательно, великим злом, против которого используется эта сила, являются, по-видимому, колдовские чары ведьм. Мы располагаем многочисленными данными о том, что ритуальные огни предназначались для того, чтобы сжигать или отгонять ведьм (иногда это выражалось в сожжении на костре чучела ведьмы). Если вспомнить, что страх перед ведьмами имел огромную власть над

сознанием европейцев во все времена, то можно выдвинуть предположение, что первичным предназначением всех этих празднеств было уничтожение или, как минимум, изгнание ведьм, в кознях которых видели причину чуть ли не всех бедствий и напастей, обрушивающихся на людей, скот и посевы.

Впрочем, славяне раскладывали огни бедствия, по-видимому, для борьбы не столько с настоящими ведьмами, сколько с вампирами и другими дьявольскими порождениями, причем делалось это, скорее, с целью отогнать эти зловредные существа, чем активно их уничтожить в пламени. Однако для нас в настоящий момент эти различия несущественны. Важно здесь то, что огонь бедствия — этот возможный прообраз всех церемониальных огней, занимающих наше внимание, — не является для славян солнечными чарами; его безошибочно можно отнести к числу средств защиты человека и животного от нападок вредоносных существ: крестьянин надеется, что пламя костра сожжет или отпугнет их, как оно отпугивает диких животных.

Более того, существует поверье, будто такого рода костры защищают поля от града, а усадьбу — от грома и молнии. Однако, так как причинами града и грозовых бурь нередко считаются ведьмы, огонь, который отгоняет ведьм, с необходимостью в то же время служит талисманом от града, грома и молнии. Более того, головни, взятые из костров, часто хранили в домах с целью защиты их от пожара, и хотя делалось это, вероятно, по принципу гомеопатической магии, то есть считалось, что один огонь служит защитой против другого огня, целью этого обычая, по-видимому, было отпугивание поджигательниц-ведьм. Кроме того, люди прыгают через костер, чтобы предохранить себя от колик, и пристально смотрят на огонь, чтобы гарантировать себя от глазных болезней. В Германии, а может быть, и в других странах колики и воспаление глаз от-

носят за счет ведьмовских проделок. Немцы называют такие боли ведьмовскими прострелами и приписывают их колдовству. Кроме того, предполагается, что перепрыгиванье через костры или хождение вокруг них в День святого Ноанна предохраняет от болей в пояснице во время жатвы.

Если рассматривать костры и факелы, используемые на праздниках огня, прежде всего как оружие, направленное против ведьм и колдунов, такое же объяснение применительно не только к бросаемым в воздух горящим дискам, но и к горящим колесам, которые в таких случаях скатывают с холма. Можно предположить, что диски и колеса также предназначались для сожжения ведьм, которые невидимо парят в воздухе или незамеченными проникают в поля, сады и виноградники на склонах холмов. Действительно, принято полагать, что ведьмы летают по воздуху верхом на метлах или на других диковинных предметах. А если это так, то можно ли угодить в летящих в темноте ведьм метанием таких пылающих снарядов, как диски, факелы или метлы? Крестьянин из южных славян верит, что ведьмы передвигаются на грозовых, готовых разразиться градом тучах, поэтому-то, чтобы сбить их оттуда, он стреляет по облакам и при этом заклинает колдуний: «Будь проклята, проклята Иродиада, твоя мать-язычница, проклятая Богом и скованная кровью Спасителя». Кроме того, он выносит горшок с тлеющими углями, в который, для того чтобы вызвать дым, брошено священное масло, лавровые листья и полынь. Считается, что пары поднимаются до облаков и пораженные ими ведьмы падают на землю. Для того чтобы их приземление было не мягким, а как можно более болезненным, крестьянин поспешно выносит стул и переворачивает его ножками вверх, так, чтобы при падении ведьма сломала о них ноги; для пущей острастки он раскладывает на земле вверх острием косы,

садовые ножницы и другое грозное оружие, для того чтобы с его помощью порезать и искалечить злосчастных ведьм, когда они внезапно свалятся с облаков.

* * *

Нам остается еще выяснить смысл сожжения чучел на этих праздниках. В свете проведенного исследования ответ на этот вопрос представляется очевидным. Так как часто утверждают, что интересующие нас костры зажигаются для сожжения ведьм и сжигаемое на них чучело иногда прямо называется «ведьмой», мы, естественно, должны прийти к выводу, что все чучела, сжигаемые при подобных обстоятельствах, изображают ведьм или колдунов и что обычай их сожжения заменяет собой сожжение живых ведьм и колдунов, так как, согласно принципу гомеопатической, или имитативной, магии, уничтожив чучело ведьмы, вы уничтожаете и ее саму. Такое объяснение сожжения соломенных чучел в человеческом облике является, по-видимому, наиболее правдоподобным.

Однако в некоторых случаях данное объяснение, видимо, не подходит, и факты допускают — и даже требуют — иной интерпретации. Ибо, как я уже отмечал, сжигаемые подобным образом чучела с трудом можно отличить от изображений Смерти, которые весной сжигаются на кострах или уничтожаются какимнибудь иным образом. У нас имеются основания рассматривать так называемые изображения Смерти как подлинные олицетворения духа дерева или духа растительности. Возможно ли дать подобное же истолкование другим изображениям, сжигаемым на кострах, раскладываемых весной, и на кострах, зажигаемых в день летнего солнцестояния? По-видимому, возможно. Ибо точно так же, как останки так называемой Смерти закапывали в полях, чтобы вызвать бурный рост посе-

вов, так и золу сожженного на весенних кострах чучела иногда разбрасывали по полям, веря, что это предохранит посевы от вредителей. Истинная природа этого чучела, олицетворявшего благодатный дух растительности, в иных случаях предавалась забвению. И это понятно, обычай предания огню благодетельного бога слишком чужд для сознания людей позднейших эпох, чтобы не стать предметом неверного истолкования. Вполне естественно, что люди, которые продолжали сжигать олицетворение этого бога, одновременно отождествляли его с образами людей, к которым они по разным причинам питали неприязнь, например с Иудой Искариотом, Лютером или с ведьмами.

Как уже отмечалось, в народных обычаях, связанных с праздниками огня, есть черты, указывающие, по-видимому, на существование в Европе в прежние времена практики человеческих жертвоприношений. Теперь мы имеем все основания предположить, что в Европе живые люди часто играли роль олицетворений духа дерева и духа хлеба и в этом качестве предавались смерти. Да и почему бы не сжигать их, если таким путем предполагалось получить особые выгоды? Первобытные люди вовсе не принимали в соображение человеческое страдание. В рассматриваемых нами праздниках огня инсценировка сожжения людей заходит иногда так далеко, что есть, по-видимому, основания рассматривать ее как пережиток более древнего обычая, требовавшего их действительного сожжения. Так, в Аахене, как мы видели, человек, обитый гороховой соломой, разыгрывает свою роль столь искусно, что детям кажется, что он действительно сгорает. В Жюмьеже, в Нормандии, человек, получивший титул Зеленого Волка, одевался во все зеленое. Его товарищи преследовали его, а поймав, делали вид, что бросают его в костер. Точно так же в Шотландии при устройстве Бельтановых огней хватали предполагаемую

жертву и притворялись, что бросают ее в пламя. В течение некоторого времени после этого люди говорили о таком человеке как о мертвеце. В Эксе избираемый на год Король, который отплясывал вокруг костра первый танец, в прежние времена, вероятно, исполнял менее приятную обязанность, служа топливом для костра (впоследствии он ограничивался тем, что зажигал его). Маннхардт, возможно, прав, обнаруживая следы древнего обычая в сожжении покрытого листьями олицетворения духа растительности. В Вольфеке, в Австрии, в день летнего солнцестояния парень, с головы до ног покрытый зелеными еловыми ветками, переходит из дома в дом в сопровождении шумливой компании, собирая дрова для костра. Принимая дрова, он поет:

Деревьев хочу я лесных.
Не кислого молока,
А пива мне и вина,
Чтоб весел был брат лесной.

В некоторых районах Баварии мальчики, которые ходят из дома в дом, собирая топливо для костра, обертывают одного из своих товарищей с ног до головы зелеными еловыми ветками и на веревке водят его по всей деревне.

* * *

В некоторых случаях участники обрядов заходят, впрочем, еще дальше. Как мы убедились выше, наиболее явные следы человеческих жертв, приносимых в таких случаях, можно найти в церемониях, которые еще доживали свой век в виде Бельтановых огней приблизительно сто лет тому назад в Ирландии и Шотландии, то есть у кельтских народов, живших в этом отдаленном уголке Европы, почти полностью изолирован-

ных от внешнего мира и вследствие этого сохранивших свои древние языческие обычаи лучше, чем любой другой западноевропейский народ.

Знаменательно — и мы можем с уверенностью это утверждать, — что кельты систематически сжигали приносимых в жертву людей на кострах. Первое описание этих жертвоприношений оставил нам Юлий Цезарь. Завоеватель независимых прежде кельтских племен, или галлов. Цезарь имел широкую возможность наблюдать национальную кельтскую религию и обычаи в период, когда те находились в первозданном виде и не подвергались еще нивелирующему влиянию римской цивилизации. Цезарь, по-видимому, включил в свои записки наблюдения греческого исследователя Посидония[1], который путешествовал по Галлии приблизительно за 50 лет до того, как Цезарь довел римские легионы до Английского пролива. Греческий географ Страбон[2], вероятно, также почерпнул описания кельтских жертвоприношений из труда Посидония, но сделал это независимо от Цезаря. Объединив их, мы можем с некоторой долей достоверности восстановить первоначальное сообщение Посидония и составить, таким образом, детальное представление о жертвоприношениях, совершавшихся галльскими кельтами в конце II века до нашей эры.

Основные черты этого обычая, по-видимому, таковы. Для великого праздника, который проходил один раз в пять лет, кельты сохраняли жизнь осужденным на смерть преступникам, чтобы принести их в жертву богам. Считалось, что чем больше будет подобных жертв, тем плодородней будет земля. Если для жертво-

---

[1] *Посидоний* (II—I вв. до н.э.) — греческий ученый и философ стоической школы. Автор книги «Об океанах», от которой сохранились только фрагменты. — *Примеч. перев.*

[2] *Страбон* (64 или 63 г. до н.э. — 23 или 24 г. н.э.) — древнегреческий географ и историк. — *Примеч. перев.*

приношений не хватало преступников, для этой цели использовали людей, захваченных в плен на войне. Когда наступало время праздника, друиды, галльские жрецы, приносили этих людей в жертву. Одних убивали с помощью стрел, других сажали на кол, третьих сжигали живьем следующим образом: из веток и травы сооружались огромные плетеные чучела, в которые помещали живых людей и различных животных; затем эти чучела поджигали, и они сгорали вместе со всем содержимым.

Такие грандиозные праздники устраивались один раз в пять лет. Но кроме этих праздников, справлявшихся с таким размахом и сопровождавшихся истреблением многих человеческих жизней, существовали, по-видимому, более скромные праздники подобного рода, которые справляли ежегодно. Именно от этих ежегодных празднеств по прямой линии произошли, по крайней мере, некоторые из праздников огня со следами человеческих жертвоприношений, которые до сих пор год за годом справляют во многих областях Европы. Гигантские изображения, сооруженные из ивняка и покрытые травой, — в них друиды заключали приносимые жертвы — напоминают лиственный наряд, в который по сей день нередко облачают человека, олицетворяющего дух дерева. Исходя из представления о том, что плодородие почвы находится в прямой зависимости от правильного исполнения этих жертвоприношений, Маннхардт истолковал кельтские жертвы, облаченные в ивовые прутья и траву, как представителей духа дерева или духа растительности.

До самого последнего времени, а может быть, и до наших дней потомки этих гигантских плетеных сооружений друидов фигурировали на весенних и летних празднествах в современной Европе. В Дуэ до начала XIX века в ближайшее от 7 июля воскресенье ежегодно

устраивалась процессия. Отличительной чертой процессии была сделанная из ивняка колоссальных размеров — приблизительно 20—30 футов — фигура-гигант. По улицам ее передвигали при помощи катков и веревок, приводимых в движение людьми, спрятанными внутри чучела. Фигура была вооружена, как рыцарь, копьем, мечом, шлемом и щитом. За гигантом шагали его жена и трое детей, сооруженные из прутьев ивы по тому же принципу, но поменьше.

В городе Дюнкерке шествие гигантов устраивалось в день летнего солнцестояния (24 июня). Этот праздник, известный под названием «дюнкеркские причуды», привлекал множество зрителей. Гигант представлял собой огромное плетеное чучело чуть ли не 45 футов высотой, одетое в длинную голубую мантию с золотыми лентами, ниспадающими до земли. Внутри чучела находилось с дюжину или более людей, которые заставляли его танцевать и кивать зрителям головой. Это колоссальных размеров чучело носило имя папаши Рейсса и несло в кармане младенца прямо-таки гигантской величины. Шествие замыкала дочь великана, сплетенная из тех же ивовых прутьев, что и ее отец, но чуть-чуть меньше размером.

Большинство городов и даже селений в Брабанте и Фландрии имеют или имели таких же плетеных великанов. Их ежегодно водили по улицам, к радости простого люда, который любил эти гротескные фигуры, говорил о них с патриотическим воодушевлением и никогда не уставал на них глазеть. В городе Антверпене гигант был столь велик, что не было достаточно больших ворот, в которые он мог бы выйти. Поэтому он был лишен возможности посещать своих собратьев-великанов в соседних городах, как это делали в торжественных случаях другие бельгийские великаны.

В Англии такие великаны были, по-видимому, постоянными спутниками празднования летнего солнце-

стояния. Один автор XVI столетия пишет о «пышных процессиях в день летнего солнцестояния, во время которых, для того чтобы удивить народ, показывают огромных и ужасных великанов, вооруженных с ног до головы, вышагивающих, как живые, набитых изнутри коричневой бумагой и паклей; заглянув внутрь, хитрые мальчишки выведывают эту его тайну, после чего великана поднимают на смех». Во время ежегодных торжественных процессий, имевших место в канун летнего солнцестояния в Честере, наряду с животными и другими персонажами можно было видеть чучела четырех великанов. В Ковентри рядом с великаном, по-видимому, шагала его жена. В Берфорде, графстве Оксфорд, канун летнего солнцестояния обычно отмечался очень весело: при этом по городу взад и вперед таскали великана и дракона. Последний из породы передвигающихся английских великанов доживал свой век в Солсбери, где один антиквар нашел его полуистлевшие останки в заброшенном зале компании Тэйлора приблизительно в 1844 году. Его каркас состоял из планок и обруча и был похож на тот, который обычно носил в день первого мая «Джек-в-Зеленом».

В приведенных примерах великаны служили просто украшением процессии. Но иногда их сжигали на летних кострах. Так, обитатели Медвежьей улицы в Париже ежегодно изготовляли огромного плетеного великана и одевали его в солдатскую форму. В течение нескольких дней он расхаживал по улицам, а 3 июля его торжественно сжигали. Толпа зрителей пела при этом гимн Salve Regina. Человек, носивший титул Короля, с зажженным факелом в руке председательствовал на церемонии. Горящие останки великана разбрасывались среди толпы, в которой за каждый из этих клочков шла жестокая схватка. Этот обычай был отменен в 1743 году. В Бри, Иль-де-Франс, ежегодно в ка-

нун летнего солнцестояния жители сжигали плетеного великана 18 футов ростом.

Соблюдавшийся друидами обычай сжигать живьем животных, помещенных в плетеные сооружения, имеет также свою параллель в весенних и летних праздниках. В Люшоне, в Пиренеях, в канун летнего солнцестояния «полая колонна приблизительно в 60 футов высотой, сооруженная из прочного ивняка, возвышается в центре главного предместья. Она до самой вершины оплетена зеленой листвой, а у ее подножия, образуя нечто вроде фона, искусно расположены прекрасные цветы и кустарники. Изнутри колонна заполнена горючими веществами, готовыми тотчас воспламениться. В назначенный час, приблизительно в 8 часов вечера, торжественное шествие, состоящее из местного духовенства, сопровождаемого молодыми людьми и девушками в праздничных одеждах, распевая гимны, выходит из города и располагается вокруг колонны. В это самое время, являя великолепное зрелище, вспыхивают костры на соседних холмах. Вслед за этим в колонну бросают такое количество живых змей, какое только удалось поймать. И, наконец, ее поджигают у основания при помощи факелов, которыми вооружены приблизительно полсотни неистово танцующих вокруг нее мальчиков и мужчин. Чтобы спастись от огня, змеи поднимаются до самой вершины колонны, где, выползши из нее, они некоторое время удерживаются почти горизонтально, пока наконец не падают вниз. Борьба несчастных пресмыкающихся за жизнь вызывает большое воодушевление у присутствующих. Таково любимое зрелище жителей Люшона и его пригородов. Местное предание приписывает ему языческое происхождение».

В былые времена в день летнего солнцестояния на кострах, устраивавшихся на Гревской площади в Пари-

же, было в обычае сжигать живых кошек в корзинах, бочках или мешках, которые свисали с высокой мачты, установленной в середине костра. Иногда сжигали лисицу. Угли и золу от костра парижане собирали и уносили по домам, веря, что это приносит счастье. Французские короли часто присутствовали на этих зрелищах и даже собственноручно зажигали эти костры. В 1648 году Людовик XIV, увенчанный венком из роз, с букетом роз в руках танцевал вокруг зажженного им костра, а потом принял участие в банкете, устроенном в городской ратуше. Однако это был последний случай, когда монарх самолично председательствовал на празднике огня в Париже в день летнего солнцестояния.

В Меце летние костры зажигались с большой пышностью на открытом ровном месте. К удовольствию собравшихся, в них сжигали дюжину живых кошек, заключенных в плетеные клетки. Так же и в Гапе, в районе высоких Альп, на костре летнего солнцестояния жители имели обыкновение поджаривать кошек. В России в летнем костре иногда сжигали белого петуха, а в Мейсене, в Тюрингии, туда бросали лошадиную голову. Иногда животных сжигали на кострах, раскладываемых весной. В Вогезах во вторник на масленой неделе сжигали кошек, в Эльзасе их бросали в пасхальный костер. В Арденнах кошек бросали в костры, зажигавшиеся в первое воскресенье поста.

Существовал и более утонченно-жестокий обычай, по которому кошек подвешивали над костром на конце шеста и поджаривали живьем. Пока эти несчастные создания поджаривались на огне, пастухи, заботясь о сохранности своих стад, заставляли скот прыгать через огонь, что считалось надежным средством против болезней и козней ведьм. Иногда на пасхальном костре сжигали белок.

* * *

Итак, мы видим, что жертвенные обычаи кельтов древней Галлии можно проследить на примере современных народных праздников в Европе. Остается еще вопрос о смысле подобных жертвоприношений. Почему во время праздников сжигались животные и люди? Если мы правы, интерпретируя современные европейские праздники огня как попытку нейтрализовать колдовские чары при помощи сожжения или изгнания ведьм и колдунов, то нельзя ли таким же образом объяснить и человеческие жертвоприношения у кельтов? По-видимому, мы должны предположить, что люди, которых друиды сжигали в плетеных чучелах, были приговорены к смерти на том основании, что их считали ведьмами и колдунами, и этот способ казни был выбран для них потому, что сожжение заживо считалось самым надежным способом избавиться от вредоносных и опасных существ.

То же объяснение было, видимо, приложимо к скоту и диким животным, которых кельты сжигали на кострах вместе с людьми. Мы можем догадываться, что они также считались подпавшими под чары колдовства или же были настоящими ведьмами и колдунами, которые превратились в животных для выполнения своих дьявольских замыслов, направленных против благополучия рода человеческого. Эта догадка подтверждается тем фактом, что животными, чаще всего сжигаемыми на кострах в новое время, были кошки. Считалось, что именно в кошек (и еще в зайцев) наиболее часто превращаются ведьмы. Мы видели также, что иногда на кострах сжигают змей и лисиц. Валлийские и немецкие ведьмы, по имеющимся сведениям, превращаются как в лисиц, так и в змей.

Короче говоря, стоит нам припомнить великое множество животных, в которых по своей прихоти превращаются ведьмы, и мы без труда уясним себе, почему как в Древней Галлии, так и в современной Европе сжигали в праздники такое большое число разных животных. Мы можем предположить, что все эти животные были обречены на сожжение не потому, что они животные, а потому что ведьмы в своих низменных целях превратились в этих животных.

Преимущество подобного объяснения древних кельтских жертвоприношений состоит в том, что оно согласуется с тем отношением к ведьмам, которое существовало в Европе с древнейших времен приблизительно до начала XVIII века, когда растущее влияние рационализма положило конец обычаю их сжигать.

СВИДЕТЕЛЬСТВО МАГОВ[1]

Огонь всегда играл огромную роль в жизни и верованиях людей. С ним отождествлялись божественные силы, ему поклонялись. В то же время всполохи огня ассоциировались с дуализмом добра и зла в мире: свет постоянно сменяется тенью и наоборот.

Философы Востока утверждали, что первичной энергией мироздания является огненное вещество, которое создает в пространстве токи, проявляющиеся различным способом, а переживание человеком единения с Космосом во время медитации считалось погружением в огненный океан Вселенной. Индийский астрофизик Дж. Нарликар характеризовал это явление как феномен неистовой Вселенной.

Огонь считался очень важным энергетическим фактором у целителей и оккультистов всех времен. Прямое использование его в оздоровительных целях было более ограниченным по сравнению с водой. Однако косвенное влияние огня на жизнедеятельность человека было настолько обширным, что можно говорить о подлинном культе огня.

Наиболее распространено было почитание огня и домашнего очага в семейно-родовых культах многих древних и современных народов. В античном мире греки чтили богиню Гестию — покровительницу неугасимого огня. Целомудренная безбрачная Гестия пребывала на Олимпе, символизирующем незыблемый Космос. Известен подвиг Прометея, передавшего огонь людям. У римлян известна богиня Веста. В посвященном ей храме жрицы-весталки поддерживали вечный огонь — символ государственной и жизненной устойчивости.

---

[1] По материалам сайта «Anomal Wiki».

В маздеизме, религии древнего Ирана, огонь признавался одной из форм проявления доброго божества Ахурамазды. Считалось, что в его пламени погибает все злое и недостойное. Огонь — Агни — один из главных богов ведической религии. Согласно представлениям древних народов Индии, он олицетворял священный огонь, имеющий очистительную и укрепляющую силу.

Монголы считали огонь покровителем, хранителем и очистителем каждого дома, а очаг — святилищем. Огню, разведенному в очаге дома, придавались качества очищающего, оздоравливающего и даже освящающего средства. Жених и невеста в день свадьбы совершали поклонение огню, приносили ему жертву. Существовал обычай, согласно которому послы и их дары должны были пройти очищение огнем.

Очистительная способность огня широко использовалась и в повседневной жизни. Очищению огнем подвергались люди, животные, жилища, продукты, вещи. Для этого практиковались разные способы: их проводили или проносили между двух огней, держали вещь над костром или окуривали. Дурные вещи просто сжигались. Усиливался эффект использованием растений: вереска, можжевельника, коры пихты и др.

Еще в девятнадцатом столетии в России огнем лечили детские болезни. Больного ребенка либо раскачивали перед горящей печкой, либо прикладывали к нему остывшие угли. При этом использовали лишь чистый огонь, добытый трением или же принесенный в праздники из церкви. Считали, что такой огонь послан с неба, чем и объяснялись его целительные свойства. Такой огонь, по поверьям, предохраняет от козней ведьм, является лучшим средством против злокачественных болезней у людей и скота, а также способен обезвредить самый сильнодействующий яд.

Согласно учению Агни-йога, живой огонь разрушает вредоносные энергоинформационные образования в жилищах, потому что самое маленькое пламя излучает безграничную

энергию. При этом считается, что ценнейшую положительную энергетическую среду создает нечетное число огней, так как они дополняют друг друга. При четном количестве огней в помещении они нейтрализуют энергию друг друга и становятся вредными для человека. Предполагается, что частота колебаний пламени свечей, составляющая 8—11 герц, способствует повышению энергетического статуса человека.

СТРАХ АПОКАЛИПСИСА

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»[1]

Апокалипсис является для христиан неизбежной и реальной возможностью. Св. Августин в XX книге «Города Бога» убеждает в неотвратимости этих событий — многие священные тексты возвещают о них, хотя время их свершения непредсказуемо. В Средневековье Церковь размышляла о конце человеческой истории в свете апокалипсических пророчеств. Свидетельством этому могут служить около двадцати испанских рукописей X—XIII вв., донесших до нас сочинения монаха Беатуса, составившего в конце VIII в. «Комментарий Апокалипсиса». Известный Апокалипсис Сен-Севера (XI в.), поражающий фантастическими чудовищами, тоже является иллюстрированной рукописью «Комментариев» Беатуса. Великолепные украшения многих французских церквей XII—XIII вв. — в Отэне, Конке, Париже, Шартре — воспроизводят сцены Страшного суда. Тема Страшного суда фигурирует также в латинских поэмах Коммодьена из Газа (III в.), св. Иллариона из Пуатье (IV в.), св. Пьера Дамьена (XI в.), Петра Диакона (XI в.), св. Бернара (XIII в.) и пр.

Историки единодушны в том, что в Европе начиная с XIV в. нарастает и распространяется страх конца света. В обстановке общего пессимизма, как физического, так и морального, в 1508 г. в Страсбургском соборе проповедник Гейлер обратился к народу с призывом «спасайся кто может»:

---

[1] Перевод с фр. Н. Епифанцевой.

«Лучшее, что можно сейчас сделать, это забиться в щель, спрятаться в своем углу, следовать заповедям Господа и творить добро, чтобы обрести вечное спасение».

Он не питал никакой надежды, что люди станут лучше, поэтому конец этого прогнившего мира был близок...

С точки зрения методологии важно установить различия в интерпретации христианских пророчеств относительно конца света, поскольку в одних говорится о Судном дне, тогда как другие обещают тысячу лет счастья. Число «1000 лет» пришло в христианство из израильских религиозных текстов: пророки после исхода возвещали о пришествии мессии и наступлении мира и благополучия на Земле. В еврейской религиозной литературе существовало также понятие промежуточного царства, земного рая, который продлится от настоящего времени до вечного царства.

Вера в мессию перешла к христианам через «Апокалипсис» св. Иоанна, который считал, что Сатана будет закован в течение тысячи лет. Тогда Христос и праведники воскреснут и будут пребывать тысячу лет в счастии. Примерно те же пророчества высказаны в посланиях Варнавы (II в.), св. Юстина (около 150 г.), Св. Иеренея (ок. 180 г.) и др., включая христианского Цицерона — св. Августина. Он воспринял сначала тезис о тысячелетнем периоде, но затем в «Городе Бога» опровергает его. Возрождение этого тезиса приходится на период религиозных бунтов на севере и северо-западе Европы в XI и начале XII века. Новый импульс ему был придан в трудах Иоахима де Флора (скончался в 1202 г.). Он пророчествует, что после царства Бога-отца (Старозаветные времена) и Бога-сына (времена Нового завета) в 1260 г. наступит царство Святого духа. Правление перейдет к монахам, а человечество обратится к евангелической бедности. Это будет

субботой, временем покоя и мира. Земля станет одним большим монастырем, а люди — святыми, которые будут славить Господа Бога. Это царство продлится до Судного дня.

Среди мирно настроенных ожидающих мессию по-прежнему находятся адвентисты и приверженцы бога Яхве, все же продолжающие надеяться на тысячелетие мира и спокойствия и усмирение Сатаны.

Иное прочтение пророчеств конца человеческой истории выявляют страх людей перед Судным днем. В Писании есть много предупреждений об этом страшном дне, особенно многочисленны они у Матфея (гл. 24—25):

«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются;

Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великой... И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую;

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное Вам от создания мира»...

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

Именно эти строки Евангелия вдохновляли иконописцев XII—XIII вв. Кроме того, они черпали темы из подобных евангелических текстов Марка (XII и XIII); Луки (XII), а также Исайи (XXIV—XXVII), Даниила (II, VII, XII), из многочисленных псалмов (например, псалом I, близкий по тематике к главе XXV Писания от Матфея), из Послания к Коринфянам (XV, 52) и Первого послания к Тимофею (IV, 13—17). Но основная роль принадлежит, конечно, Откровению Иоанна, про-

изведению сложному и противоречивому, не сулящему с приходом Христа никакого мирного времени перед Страшным судом.

С приближением XVI в. из веры в эти пророчества и их иллюстрации рождалось все более трагическое и обогащенное деталями представление о последней драме человеческой истории. Акцент делается на следующие моменты: подчеркиваются разнообразие и устрашающий характер испытаний, которые обрушатся на человечество (пятнадцать знамений конца света); Высший Судия отличается суровостью; адские муки обрисовываются с устрашающими подробностями.

* * *

Европейцы оказались в окружении апокалипсических угроз. Все люди прониклись ощущением конца света. Прекрасный знаток Германии XVI в. Лебо пишет: «Апокалипсические пророчества были известны всем. Эпоха, отмеченная столькими открытиями и завоеваниями, никогда не догадывалась, что является зарей Нового времени. Напротив, охваченная предчувствием заката и предстоящего Страшного суда за прегрешения, она пребывала в уверенности, что ею закончится история человечества».

Феррье[1] повторял, что Страшный суд свершится «скоро, без промедления, в ближайшем будущем» (это было его любимое выражение).

В Италии Фра Франческо во время проповеди устрашает флорентийцев: «Повсюду прольется кровь, улицы будут затоплены реками крови, люди будут погружены в потоки, озера крови... Два миллиона демонов будут освобождены на небе... потому что за последние

---

[1] *Ферье* Оже (1512—1588) — французский врач и писатель. Автор многих политических и философских трактатов. — *Примеч. ред.*

18 лет было совершено больше грехов, чем за предшествующие пять тысяч лет».

Среди друзей Кальвина был Вире, проповедовавший в Швейцарии, затем Лангедоке. В его любопытном произведении «Мир царства и мир демонов», составленном в форме диалогов, он говорит читателям: «Мир близится к концу... Он подобен человеку, который изо всех сил цепляется за жизнь. Так обустрой свой дом... откажись от коррупции, оставь вредные созерцания и постарайся уйти от этого мира. Его ждут еще более худшие бедствия, чем те, которые тебе пришлось пережить».

Бюллингер (умер в 1575 г.), в течение многих лет возглавлявший церковь в Цюрихе, тоже считал, что время истории истекло, хотя и не называл точной даты ее конца: «Учение Господа нашего Иисуса Христа, недвусмысленные высказывания святых пророков, толкования избранных Богом апостолов, наконец, стечение событий, которые либо сбылись, либо свершаются на наших глазах, — все говорит о том, что сбылись пророчества о конце света и уже близок день Божьего гнева».

Каноник Лангр пишет в «Книге состояния и течения времен», опубликованной в 1550 г.: «Мы находимся в преддверии обновления мира или его изменения и раскола...»

В России XV—XVI вв. страх конца света, по-видимому, тоже усилился, о чем говорят росписи церквей сценами Страшного суда, фрески расположены таким образом, что при входе в церковь нельзя не заметить чашу весов в руках у Всевышнего Судии и огненно-черный ад с выползающим из него огромным змием.

На другом конце христианского мира — в Мексике — тоже можно увидеть сцены Страшного суда, украшающие стены августинского монастыря XVI в. Так что страх второго пришествия был вездесущим...

Собственно, мысль о том, что Бог карает виновных, стара как мир. В общественном сознании укоренилась, как неизбежная, связь между преступлением и Божьим наказанием. Таким образом, идея отмщения заложена в самой природе божественности. В «Молоте ведьм», со ссылкой на св. Августина, говорится о дозволенности греха, поскольку Бог оставляет за собой право кары того, чтобы «свершить отмщение за зло и упрочить красоту мироздания... чтобы стыд за содеянное был украшен отмщением». Тема отмщения, и в частности кары Божьей, настойчиво подчеркивается во всех французских трагедиях от Жоделя до Корнеля (можно, конечно, в качестве примера привести авторов других национальностей).

Во время Религиозных войн, когда происходили массовые убийства, в образе Бога были воплощены черты разгневанного человека. В период правления Генриха IV тема кары небесной звучит не только в драме, но и в поэзии. Согласно Агриппе д'Обинье, Высший Судия вершит суд строго и по справедливости (Трагическое, VI, около 1075—1079 гг.):

Страхом трепещет сердце храбреца;
Вшами кишит кафтан гордеца;
Тот, кто строптив, Бога гневит,
Душа его в адском огне сгорит.

Имела хождение также идея о долготерпении Бога, Агнца, готового к всепрощению, помышляющего не о каре, а о пособничестве Церкви. Но когда терпению приходит конец, Бог приходит карать, а не помогать: «Пришло лихолетье, и пробил час кары Господней, ниспосланной на нас». Дешан — современник Столетней войны, наблюдавший повсюду гордыню, подкуп, разнузданность и несправедливость, — верил, что надругательствам должен прийти конец:

Время придет, и Бог мироздания
От наших грехов в гневном сиянии
Ниспошлет на все свои создания
Кровавые слезы и чашу страдания.
Неведомы нам Господни желания,
Агнца, идущего на заклание,
И каждый получит воздаяние:
Кровавые слезы и чашу страдания.

Если Бог не карает за грехи, то он недостоин своего августейшего имени, он просто марионетка. Такое мнение высказано Лютером в «Воззвании к молитве против турка» (1541 г.) в момент особого обострения турецкой опасности, нависшей над центральной частью Европы. Так же, как и Дешан, реформатор склонен полагать, что христианский мир настолько погряз в грехах (предрассудках и многобожии) и презрел божественное слово, что Всевышний не может более взирать на все это, скрестя руки. В силу своей природы он должен покарать людей за их дерзость, следовательно, нетрудно предположить, что погрязший в грязи мир скоро будет уничтожен:

«Когда придет конец терпению Господа Бога? В конце концов он должен защитить истину и справедливость, наказать зло и творящих его, гнусных хулителей и тиранов. Иначе бы он лишился своей божественности и не был бы почитаем как Бог. И каждый был бы волен делать, что ему заблагорассудится, без стыда и совести презирать Бога, его слово и заповеди, считать его безумцем или куклой и не принимать всерьез его угрозы и приказы. При таком раскладе вещей мне остается уповать лишь на Страшный суд, которого не миновать. Дело зашло так далеко, что терпению Бога придет конец».

Это справедливо также для всех протестантских проповедников. Они ждали, объявляли и желали унич-

тожения погрязшего в грехе враждебного им мира, где царствует Антихрист (папа для Савонаролы и Лютера). Так, в проповедях светопреставления люди выражали надежду на то, что Бог отомстит за них.

* * *

Французские протестантские апологеты XVII в. возвращаются к теме оскудения природы и физического упадка человечества. Такое мнение высказывается дю Муленом[1]:

«Времена года смешались, земля устала, горы истощились, продолжительность человеческой жизни уменьшилась, равно как и добродетель, природная сила, честь и набожность. Можно сказать, что наступает закат мира и его конец».

Другие реформаторы, в частности Полло и Каппель, подхватывают эти стенания. Нет ничего удивительного в том, что набожность и честь убывают вместе с физической силой. Со старостью приходит привязанность к земному и отчуждение от небесного; определяется эта логика так:

«Мир подходит к своему завершению. Подобно старцу он тянет со смертью, сколько может. Поэтому его мысли и сердце обращены не к небу, а находятся всецело на земле и заняты земными смертными делами. Чем ближе люди к своей могиле, тем более они озабочены приобретением земных благ, которые так же, как и они сами, всего лишь прах. И чем меньше у людей благ, тем больше они их хотят иметь».

Так, по мере продвижения человечества от юности к зрелым годам добродетели стареют, а пороки наби-

---

[1] *Дюмулен* (дю Мулен) Пьер (1568—1658) — французский протестантский священник и полемист, известный своим красноречием и пылом, в течение 20 лет был проповедником в Шарантоне. — *Примеч. ред.*

рают силу — таков непреложный закон угасания. Отсюда ясно, почему мир «блуждает в потемках» и люди живут «без озарения светом». Но следует быть готовым к худшим временам, поскольку человечество одряхлело душой и телом и оно не сможет им противостоять:

«Наступят еще более страшные беды, чем те, свидетелем которых ты уже был. По причине старческой слабости нашего века на нас обрушатся многие бедствия. Потому что истина отступает под натиском лжи».

В том же духе:

«Мне видится мир как старый разваливающийся дом, у которого постоянно осыпается песок, известковый раствор или целая часть стены. Не лучше ли будет, если дом рухнет сразу, в час, когда меньше всего этого ожидаешь?»

Те, кто возвещал о скором светопреставлении или о начале тысячелетнего царства, основывались на изобилующих цифрами библейских текстах. В «Книге Даниила» говорится, что пятому нерушимому царству будут предшествовать четыре первых, и что четвертый правитель будет притеснять святых в течение времени, времен и полувремени, что соответствует хронологии, приведенной в XII главе «Апокалипсиса»: «И родила она сына мужского пола, которому надлежит пасти все народы посохом железным; и было восхищено дитя ее к Богу и к престолу Его. И жена убежала в пустыню, где она имеет место, уготованное Богом, чтобы там питали ее тысячу двести шестьдесят дней».

У Даниила время печали продлится 1290 дней. В «Апокалипсисе» (XI глава) говорится: «И двор, что вне храма, оставь вне, и не измеряй его, потому что он дан был язычникам, и они будут попирать город святой сорок два месяца. И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, одетые во вретище». В XIII главе «Апокалипсиса» зверь имеет число имени 666. Наконец, там же, в XX главе:

«И он охватил дракона, змея древнего, который есть Диавол и Сатана, и связал его на тысячу лет».

Богословы, математики и астрологи немало потрудились, чтобы уложить эти цифры в общую схему, упрощенный вариант которой выглядит так: от сотворения до закона мир прожил 2000 лет и еще 2000 лет по закону. Срок правления Мессии тоже равен 2000 годам. Правда, некоторые, например Колумб, получали при подсчете 7000 лет, так как к шести дням сотворения мира они прибавляли седьмой день, когда Бог отдыхал. Некоторые наиболее смелые подсчеты переступали грань 7000 лет. Однако много было также сторонников более точного подсчета, а не упрощенного разделения истории человечества на три ранних периода по 2000 лет. При более подробном подсчете Мальведа в «Антихристе» получает разные цифры от наивысшей — 6310 лет до 3760 лет. Меркатор насчитывает 3928 лет, Янсениус — 3970 лет, Беллармэн — 3984 года со дня сотворения мира. Эти подсчеты, несмотря на небольшие расхождения, ниже привычного нам летосчисления мира.

Итак, несмотря на различие в подсчетах и рассуждениях о возрасте мира, все они не слишком щедры в отношении срока, оставшегося до светопреставления. Среди друзей Кальвина был теолог Вирэ. Он пишет:

«Молодость вечности прошла, и дело идет к старости. Вечность разделена на двенадцать частей; десять частей и еще половина десятой части (следует понимать: одиннадцатой) уже прожиты. Предстоит прожить то немногое, что осталось после половины десятой (т.е. одиннадцатой) части».

Согласно этому подсчету, 21 из 24 частей времени, отпущенного человечеству, прошли.

СВИДЕТЕЛЬСТВО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ[1]

Апокалипсис всегда привлекал к себе внимание христиан, между тем, образность и таинственность этой книги делают ее весьма трудной для понимания, а потому для неосторожных толкователей всегда есть риск увлечений за границы истины и повод к несбыточным надеждам и верованиям. Так, например, буквалистическое понимание образов этой книги давало повод и теперь еще продолжает давать к ложному учению о так называемом «хилиазме» — тысячелетнем царстве Христовом на земле. Ужасы гонений, переживавшиеся христианами в I веке и толкуемые в свете Апокалипсиса, давали повод некоторым верить в наступление «последних времен» и скорого второго Пришествия Христова, еще тогда же, в I веке.

За истекшие века явилось множество толкований Апокалипсиса самого разнообразного характера. Всех этих толкователей можно подразделить на четыре разряда. Одни из них относят все видения и символы Апокалипсиса к «последним временам» — кончине мира, явлению антихриста и второму Пришествию Христову; другие придают Апокалипсису чисто историческое значение, относя все видения к историческим событиям I века — ко временам гонений, воздвигнутых на Церковь языческими императорами. Третьи стараются найти осуществление апокалипсических предсказаний в исторических событиях позднейшего времени. По мнению их, например, папа римский есть антихрист и все апокалипсические бедствия возвещаются собственно для Римской церкви, и т. п. Четвертые, наконец, видят в Апокалипсисе только аллегорию, считая, что описываемые в нем видения имеют не

[1] Из книги архиепископа Аверкия (Таушева) «Руководство к изучению Нового Завета».

столько пророческий, сколько нравственный смысл, аллегория же введена только для усиления впечатления с целью поразить воображение читателей.

Более правильным надо признать то толкование, которое объединяет все эти направления, причем не следует упускать из вида, что, как ясно учили об этом древние толкователи и отцы Церкви, содержание Апокалипсиса в итоге своем направлено к последним судьбам мира. Не может быть, однако, сомнений, что в течение всей минувшей христианской истории исполнилось уже немало предсказаний св. Иоанна о грядущих судьбах Церкви и мира, но нужна большая осторожность в применении апокалипсического содержания к историческим событиям, и нельзя слишком злоупотреблять этим.

Справедливо замечание одного толкователя, что содержание Апокалипсиса только постепенно будет становиться понятным, по мере наступления событий и исполнения пророчеств, в нем предреченных. Исторические события и лица переживаемого нами ныне времени, которое, по всей справедливости, многие уже называют «апокалипсическим», убеждают нас в том, что видеть в Апокалипсисе одну аллегорию поистине значит быть духовно слепым, настолько все теперь происходящее в мире напоминает страшные образы и видения Апокалипсиса.

Дополнительная часть

ТАНЦЫ МЕРТВЕЦОВ И ПЛЯСКИ СМЕРТИ

Из книги Ж. Делюмо «Грех и страх»[1]

Свою «Пляску смерти» Гюйо Маршан[2] озаглавил: «Спасительное зерцало». Таким образом, он также понимал пляску смерти как еще один, особенно убедительный способ призвать к memento mori. Подобно «Рассказу о трех мертвецах и трех живых», пляски смерти ведут свое начало все от того же вывода — суета сует и всяческая суета — и от того же умаления земных ценностей. Если феррарский текст, посвященный трем мертвецам и трем живым, действительно относится к XII веку, что кажется мне правдоподобным,— многие из его 45 удачно ритмизованных строф можно рассматривать как предвестие плясок смерти. В таком случае это было бы доказательством единого — монастырского — происхождения двух этих великих тем. Действительно, в этом стихотворении мы читаем:

Слабых или могучих,
Смерть не щадит никого,
Глупых так же, как мудрых,
Всех — и до одного...

Она не пропустит ни старость,
Ни юность во цвете лет.
Ни честных, ни негодяев,
Все, что видит, она берет.

---

[1] Перевод с фр. И. Иткина.

[2] *Маршан* Гюйо — французский поэт и один из первых книгопечатников. — *Примеч. ред.*

Она не оставит миру
Ни богатого, ни бедняка,
Ни митру и ни порфиру,
Ни епископа, ни царя...

Вот тление, смрад и черви.
Вот труп, наводящий страх.
Хочешь или не хочешь,
Единый конец для всех.

В предыстории плясок смерти и слова «макабр», появившегося в XIV веке, еще много неясного. Наиболее правдоподобная гипотеза связывает это слово с именем Иуды Маккавея, научившего иудеев молиться за души умерших. В эпоху, когда Церковь стремилась утвердить веру в чистилище, Иуда Маккавей сделался популярной фигурой в церковном дискурсе и — рикошетом — в разговорном языке, где его образ был сближен с персонажами преданий о привидениях. В области Блуа «маккавейской охотой» некогда называлась «дикая охота», которую ведут неупокоенные души, жаждущие захватить в плен кого-нибудь из живых. Таким образом, несомненно существовала связь между плясками смерти и народными верованиями в танцующих мертвецов, охотящихся за живыми. Нидерландский монах, около 1350 года переводивший французский роман «Можис д'Эгремон», добавил к исходному тексту показательное сравнение: взяв в плен своего врага, короля Антенора, и многих его рыцарей, герой привязал их к центральному столбу своей палатки, так что они, замечает переводчик, образовали как бы «хоровод мертвецов». Этот хоровод воспринимался не как игра, а как принуждение. Подобным образом жители Нижней Германии в Средние века верили, что в День св. Фомы (21 декабря) можно увидеть, как фигуры тех, кому предстоит умереть в следующем году, танцуют вместе с покойниками.

С XVI века и до наших дней швейцарские и немецкие эрудиты усматривают связь между плясками смерти и верой в привидения, которые играют на музыкальных инструментах, водят по ночам хороводы и завлекают в свой круг живых. Эта связь кажется вероятной. Но Дж. Вирт справедливо замечает что в Средние века и эпоху Возрождения не только простые люди, но и высшие слои общества верили в привидения: следовательно, пляски мертвецов могли представлять собой учено-церковное преобразование чрезвычайно давних обычаев и чрезвычайно широко распространенной концепции жизни после смерти.

Э. Маль полагал, что наиболее ранняя пляска мертвецов представляла собой иллюстрацию в жанре пантомимы к какой-нибудь проповеди на тему смерти. Первоначально исполнявшаяся в церкви, она вышла за ее стены, чтобы разыгрываться на подмостках: в качестве моралите, что и имело место в 1449 году в Брюгге в «резиденции» герцога Бургундского. Затем — в виде рисунков, гравюр и миниатюр — она стала популярным «комиксом», который донесли до нас многочисленные иконографические свидетельства. В том, что эволюция протекала именно так, нет практически никаких сомнений.

Но, быть может, следует подняться еще выше и обнаружить у истоков театрализованных проповедей древние пляски, христианизированные и переосмысленные проповедниками. Осуществить эти изменения было тем легче, что вера в хороводы мертвецов имела чрезвычайно широкое распространение. Во всяком случае, достоверно известно, что в Средние века танцевали в церквах и особенно на кладбищах, причем не только по случаю дней дураков, невинноубиенных и т. п.— против этого «соблазна» ополчился Базельский собор (сессия XXI, 1435 год). Было бы полезным собрать досье по этой теме. Хорошо известна легенда

о плясунах из Кельбика, изложенная в Нюрнбергской хронике. В Кельбике, в Магдебургской епархии, некий священник служил рождественскую мессу. Группа из восемнадцати мужчин и десяти женщин устроила переполох, затеяв песни и пляски на близлежащем кладбище. Священник обратился к ним с увещеваниями. Но они лишь посмеялись над ним и продолжали. Тогда он воззвал к небу, чтобы они были обречены так танцевать в течение целого года. По истечении этого срока архиепископ Магдебургский освободил их от наложенного наказания. Трое из плясунов умерли сразу же, остальные ненадолго их пережили.

Таким образом, правдоподобная гипотеза состоит в том, что церковь нашла новое применение старинным пляскам и христианизировала их, как это произошло с мирскими песнями, которые она превратила в гимны, заменив слова, но сохранив мелодии. Иоганн Бишофф, францисканец из Вены, писавший около 1400 года, сообщает, что в его время танцы по случаю Пасхи были очень популярны во всех слоях общества и их насчитывалось до двадцати. К несчастью, он описывает лишь два из них: в первом Христос вел избранных в рай, во втором дьявол уносил в ад тех, кто не соблюдал десять заповедей. Вполне вероятно, что один из остальных восемнадцати танцев имел отношение к смерти. Впрочем, Э. Маль утверждает, основываясь на одном документе 1393 года, что в этот год пляска мертвецов была исполнена прямо в церкви Кодбека.

* * *

А в исторической перспективе не следует ли вспомнить о похоронных плясках, известных множеству культур и угадываемых в арагонской Испании, где в Средние века сохранялись традиции макабра, унаследованные от морисков? В начале XV века на пиршест-

вах в честь коронации королей Арагона давались представления на тему смерти, сопровождаемые пантомимой. Еще и в наши дни в Вержесе, провинция Жерона, молодые люди, изображающие скелеты, на Страстной неделе исполняют пляску смерти под аккомпанемент тамбуринов. К этому можно добавить то, что нам теперь известно о каталанской «Dansa de la mort», которую не следует путать ни с кастильской «Dança general de la muerte», о которой речь впереди, ни с каталанским переводом 1497 года текста на ту же тему с кладбища Невинноубиенных.

«Dansa de la mort» позволяет непосредственно проследить христианизацию церковью (а в данном случае — конкретно монахами) похоронных обрядов, несомненно, восходящих к глубокой древности. Текст и музыка этой пляски дошли до нас благодаря рукописи «Алая книга» (XIV век), сохранившейся в Монтсеррате и пережившей наполеоновское опустошение. Будучи недавно заново исследованы, они приобрели актуальность: в 1973 и 1978 годах эта пляска была исполнена в церкви Монтсеррата, а в 1978 году — в Барселоне, Сенте, Этампе, Кельне, Кирхенхайме и Берлине в рамках «недель Каталонии». Вот ее суровые наставления в переводе с латыни (Ad mortem festinamus...):

ПРИПЕВ:
Все мы к смерти спешим,
Перестанем же грешить, перестанем же грешить.

СТРОФА:
Я хочу говорить о презрении к миру,
Чтобы люди не прельстились мирской суетой,
Пришло время восстать от коварного смертного сна.
от коварного смертного сна.
Все мы к смерти спешим...
Скоро закончится краткая жизнь:

Придет быстрая смерть и не пощадит никого.
Смерть убивает всех. Не жалеет она никого.
не жалеет она никого.
Все мы к смерти спешим...

Если не обратишься ты, если не будешь смиренным,
Если ты не изменишь жизнь, чтобы делать добрые дела,
Ты не сможешь войти, подобно блаженным,
в царство Божие,
подобно блаженным, в царство Божие.
Все мы к смерти спешим...
Когда — в последний день — затрубит труба,
Когда придет Судия,
Он призовет избранных на их вечную родину,
а проклятых ввергнет в ад,
а проклятых ввергнет в ад.
Все мы к смерти спешим...
Сколь счастливы будут те, кто будет царствовать
вместе с Христом!
Они увидят его лицом к лицу.
Они будут петь: Да святится имя твое, Бог сил,
имя твое, Бог сил.
Все мы к смерти спешим...
Сколь печальны будут обреченные на вечные муки!
Их страдания не закончатся и не истребят их.
Увы, увы! О, несчастные! Никогда им не выйти оттуда,
никогда им не выйти оттуда.
Все мы к смерти спешим...
Пусть все правители нашего времени
и сильные мира сего,
И священники, и все вельможи
Станут совсем маленькими. Пусть они отбросят гордыню,
пусть они отбросят гордыню.
Все мы к смерти спешим...
Братья мои, если мы будем, как подобает,
созерцать Страсти Господни

И горько плакать,
Он будет беречь нас как зеницу ока
и отвратит нас от греха,
и отвратит нас от греха.
Все мы к смерти спешим...
Святая Дева дев, увенчанная на Небесах,
Будь нашей заступницей перед Сыном,
И стань той посредницей, что примет нас
после здешнего изгнания,
примет нас после здешнего изгнания.
Все мы к смерти спешим...

«Dansa de la mort» из Монтсеррата не является пляской смерти в точном смысле слова, потому что она не включает в себя диалога между кем-то из живущих, обычно имеющим четко очерченный социальный статус, и Смертью (или, чаще, выступающим от ее имени скелетом), но она проливает свет на этапы ее формирования. Было замечено, что рукопись из Эскуриала, содержащая первый из известных нам текстов настоящей кастильской пляски смерти («Dança general»), изобилует каталанизмами, арагонизмами и даже арабизмами. Отсюда вполне естественно предположить ее связь с предшествовавшей ей каталанской «Dansa de la mort»«. Таким образом, в Арагонском королевстве (но, без сомнения, не только там) имело местосоединение педагогических приемов проповедников с древними похоронными плясками и включение последних в церковную культуру.

В том виде, как она известна нам, «Dansa de la mort» предназначалась для паломников, прибывавших в Монтсеррат. Она исполнялась вечером в церкви, напротив алтаря, вне рамок литургической службы и выступала в качестве приготовления к завтрашней исповеди. Певцы, как кажется, не танцевали, но танцующие подхватывали вместе с ними последнее полустишие

каждой строфы, и все — поющие, танцующие и толпа паломников — хором исполняли припев. В «Алой книге» из Монтсеррата встречаются самые ранние из известных ныне в Европе хореографических знаков — хрупкое и драгоценное свидетельство очень древней культуры. Они предназначены для ball rodó, или круговой пляски (не случайно напоминающей о готической капители Монтсерратского монастыря), с выходами на шаг вперед и назад из круга, сменой направления вправо и влево, подпрыгиваниями, переменами положения тела, короткими остановками и т. д. Музыкальное сопровождение включало в себя, в первую очередь, волынку, роту (разновидность лиры) и самфойну (флейту Пана).

После процитированных выше строф в «Алой книге» приводится изображение скелета в открытой могиле с подписью: «О Смерть, как горько думать о тебе». Далее следуют семь суждений, по поводу которых возникает вопрос: не исполнялись ли они совместно всеми участниками, которые в таком случае делились на два полухора, бросавших друг другу жестокие упреки такого рода:

Ты станешь гниющим трупом.
Почему ты греха не боишься?
Ты станешь гниющим трупом.
Почему ты раздут от гордыни?
Ты станешь гниющим трупом.
Почему же ты жаждешь богатства?
Ты станешь гниющим трупом.
Почему ты одет, словно щеголь?
Ты станешь гниющим трупом.
Почему ты стремишься за славой?
Ты станешь гниющим трупом.
Почему ты забыл покаянье и исповедь?
Ты станешь гниющим трупом.
Так не радуйся горю чужому.

Итак, «Dansa de la mort» соединяла народную традицию с григорианским стилем и может служить примером использования погребального обряда (несомненно, имевшего многовековую историю) в рамках морального урока, направленного к спасению души. Действительно, мы можем отметить в тексте непосредственное упоминание «презрения к миру», обращение к теме Страшного суда и, в конце, к теме трупа.

* * *

Теперь следует обратиться к пастырским назиданиям о страхе Божием, которые воплощались в подлинных плясках смерти. Я не буду детально излагать историю последних, но остановлюсь на тесных связях, неизменно существовавших между ними и учительствующей церковью. В XIII веке был основан монашеский орден, называвшийся орденом св. Павла, члены которого получили общее наименование «Братьев смерти». На их одеянии была изображена мертвая голова; друг друга они приветствовали формулой: «Думайте о смерти, брат мой». Входя в трапезную, они целовали мертвую голову у ног распятия и говорили друг другу: «Помните о вашем последнем часе, и вы не согрешите». Многие из них ели, сидя напротив черепа, и каждый обязан был иметь его у себя в келье. На печати ордена была оттиснута мертвая голова и слова: Sanctus Paulus, ermitarum primus pater; memento mori[1].

Это напоминание помогает понять утверждение Венсана де Бовэ, свидетельствующего, что поэма монаха Элинана «Стихи о смерти», сочиненная около 1190 года, имела большой успех и специально зачитывалась в монастырях. Фактически она уже представляет собой

---

[1] Святой Павел, первосвященник отшельников: помни о смерти (*лат.*).

набросок пляски смерти. Сеньор и трубадур, ставший цистерцианцем, Элинан стремится внушить своим современникам спасительную боязнь кончины. Он поручает самой Смерти — персонифицированной — передать им привет от него и наполнить их души трепетом. Сначала он посылает ее к друзьям, затем к правителям, потом к римским кардиналам. По пути в Вечный город Смерть наносит визит архиепископу Реймса, епископам Бовэ, Нуайона, Орлеана и т. д. Элинан, как и позднейшие авторы плясок смерти, следует земной иерархии, но лишь для того, чтобы подчеркнуть: могила уравнивает всех:

Смерть ждет богатых и убогих —
Хоть короля в его чертоге,
Хоть бедняка на чердаке.

Черви и ад ожидают тех, кто злоупотреблял богатством и радостями плоти:

Ухоженная плоть, раскормленное тело —
Их съел ужасный червь, и пламя их одело.

Из этого следует вывод, который мог бы быть сделан в какой-нибудь проповеди: «Прочь, наслажденье! Роскошь, прочь!.. Гороховая каша мне милее».

В середине XIII века Робер Леклерк, в свою очередь, написал поэму под тем же заглавием, что и Элинан, — «Стихи о смерти». Две поэмы весьма близки и по сути. Теперь поэт посылает смерть сначала в Аррас, где она посещает простых людей и вельмож, а потом — к папе и королю, чтобы призвать их к покаянию. Однако еще лучше панорама человеческих судеб — один из характерных признаков плясок смерти — представлена в латинских поэмах, известных под общим названием

«Vado mori»[1], наиболее ранняя сохранившаяся версия которых относится к XIII веку. Драматическая формула «я иду умирать» произносится поочередно королем, папой, епископом, солдатом, врачом и логиком, богачом и бедняком, мудрецом и безумцем и т. д. Следует отметить, что ирония, зачастую присущая пляскам смерти и особенно ярко проявившаяся к концу их истории, угадывается уже и здесь: врачу не помогает ни одно снадобье; логик научил других строить заключения, но приход смерти становится заключением для него; сладострастник обнаруживает, что роскошь не увеличивает продолжительность жизни.

* * *

В структурном отношении пляска смерти представляет собой шествие — следовало бы даже сказать «процессию» — различных людских судеб, идущих к смерти. Каждый из живых людей, принимающих участие в этом шествии, против своей воли увлекаем одушевленной мумией, зачастую обозначающей танцевальные па. Эта общая схема, естественно, допускала различные вариации в зависимости от места, времени и даже пространства, которым можно было располагать. Количество персонажей, приглашенных мертвецом или самой Смертью вступить в мрачную процессию, в целом увеличивалось по мере того, как росла популярность темы. В Кер-Мария их только 23. Впрочем, первоначальный (?) латинский текст и его немецкое переложение также ограничивались лишь 24: именно это число обнаруживается в Любеке и Лашез-Дье. В Берлине их 28. На кладбище Невинноубиенных, согласно Гюйо Маршану, их было 30. Количество сцен, изображающих лицом к лицу живого и мертвеца, дос-

---

[1] «К смерти иду я» (*лат.*).

тигает 33 в «Dança general» и 38 в двух Blockbuch'ах конца XV века. На базельских фресках, созданных несколько раньше только что названных произведений, их было даже 39.

Вполне понятно, что Гюйо Маршан, окрыленный успехом своего издания 1485 года, через год повторил его, увеличив дозу за счет добавления пляски женщин и введения десяти новых персонажей в пляску мужчин. В первом издании «Образов...» Гольбейна (1538) насчитывается в общей сложности 40 небольших гравюр. Правда, на семи из них (изображающих сотворение мира, Страшный суд, герб Смерти и др.) нет традиционного диалога между живым и его собеседником с того света. Зато в издании 1545 года появляются восемь новых персонажей. Пик инфляции пришелся, кажется, на «Dança general», вышедшую в 1520 году в Севилье и представляющую собой расширенную переработку «Dança general»: здесь в бесплодную дискуссию со Смертью вовлечены 58 человек.

Соблюдая достаточно строгий иерархический порядок, пляски смерти, которые нужно читать слева направо, обыкновенно начинаются с папы и отправляют в конец танцующей процессии или по крайней мере поближе к последним местам, во-первых, крестьянина, а во-вторых, мать и дитя: недвусмысленное изображение социальной лестницы. Служители церкви, как правило, либо в полном составе располагаются впереди, либо предшествуют мирянам, чередуясь с ними. Первый вариант иллюстрируется берлинской «Пляской» и двумя немецкими Blockbuch'ами конца XV века: в них все духовные особы помещены перед представителями светского общества. Второй вариант встречается чаще: священнослужитель и труп, с которым он танцует нечто вроде «полонеза», предшествуют паре, состоящей из мирянина и одушевленной мумии. Так, папа идет впереди императора, архиепископ — впереди рыцаря, епископ — впереди оруженосца.

Но это правило строго соблюдается лишь на самых верхних уровнях иерархии. По мере отдаления от знатнейших представителей сутаны и меча начинаются отступления: вступает в свои права воображение. На кладбище Невинноубиенных между монахом (№ 20) и кюре (№ 26) втиснуты ростовщик, врач, влюбленный, адвокат и менестрель. На доминиканском кладбище в Базеле только девять персонажей из 39 представляли церковь. В рамках неизменной общей схемы допускалось немалое разнообразие: только в берлинской пляске участвует супруга трактирщика; еврей, турок, язычник и язычница появляются только в Базеле; повар, присутствующий в латинском тексте из Вюрцбурга и его немецкой вариации, также участвует в баэельских процессиях. Что касается «Dança general», то она включает троих персонажей, привычных для тогдашней Испании: раввина, врача-мусульманина (alfaqui) и хранителя святилища (santero).

Будучи отражением своей эпохи и ее социальных представлений, пляски смерти, как правило, не удостаивали вниманием селян и ремесленников. С этой точки зрения «Dança de la muerte» с ее 58 персонажами выглядит скорее исключением, подтверждающим правило. Действительно, по сравнению с «Dança general» в ней присутствуют 25 новичков, набранных из числа простых людей — торговцев, ремесленников, странников: портной, речник, сапожник, булочница, торговка пирожными, бродяга и т. д. Кроме того, в конце «Dança de la muerte» (и «Dança general») упомянуты «все остальные», которых невозможно перечислить. Эта оговорка, отсутствующая в большинстве плясок смерти, представлена также в Blockbuch'ах 1490-х годов: 38-я сценка оставлена в них для всех забытых, к какому бы слою общества они ни относились,— весьма уместная предосторожность, ибо уж смерть-то не забывает никого...

Женщины, подобно ремесленникам и крестьянам, занимают более чем скромное место в плясках смерти, за исключением, естественно, той, которую им специально посвятил Гюйо Маршан, основываясь на вполне заурядном стихотворении Марциала Овернского (†1508). Иногда их даже нет вообще, как на кладбище Невинноубиенных, в Кер-Мария и в «Dança general». Их присутствие едва заметно в Любеке (два женских персонажа из 24), Лондоне (три из 35), Лашез-Дье (три из 24), в Blockbuch'ах (три из 38). Напротив, оно несколько значительнее в тех произведениях, которые, как кажется, основаны на текстах из Южной Германии (Вюрцбург) — латинском и немецком. Сами эти тексты отводят женщинам четыре места из 24. На доминиканском кладбище в Базеле их восемь из 39, в «Образах...» Гольбейна — восемь из 34. Наоборот, в «Dança de la muerte» на 58 персонажей только три женских имени. Впрочем, анонимный автор этой поэмы также испытывал по этому поводу угрызения совести, поэтому прямо перед описанием танца папы со Смертью он поместил торжественную речь, с которой та обращается к двум чересчур нарумяненным молодым девушкам, силой вовлекая их в хоровод.

Если женщины и включались в число персонажей, то либо им отводилась второстепенная роль в социальной иерархии (императрица — в Германии, королева, герцогиня, графиня, супруга буржуа или трактирщика), либо подчеркивалось, насколько их женская сущность предрасполагает к смерти (юная девушка, старуха, мать, которую кончина отрывает от детей).

* * *

Столь важная для христиан идея воскресения также подкреплялась макабрическими ужасами. Историки, занимающиеся проблемой смерти в XV веке, часто

и справедливо приводят в пример карманный полиптих из Страсбурга (ок. 1494 года) с особенно впечатляющими изображениями. Он состоит из шести маленьких картин одного размера, на которых мы видим соответственно Христа во славе во время Страшного суда, ад, стоящие фигуры — Гордыню и труп, череп, а также герб дарителя. Дарителем был житель Болоньи, заказавший это произведение, несомненно, по случаю своей свадьбы с некой фламандкой. Символическое изображение покойника дано в полный рост, он стоит победоносно улыбающийся, с животом, вспоротым бальзамировщиком, и жабой на половом органе, возвышается над могильной плитой, окруженной костями. С помощью вьющейся ленты — вновь предвосхищение техники нынешних комиксов — он провозглашает: «Таков конец человека. Я словно бы стал грязью; я подобен пыли и праху». Гордыня — обнаженная юная девушка — выступает как воплощение греха. Композиция в целом, должно быть, представляла собой на редкость мучительное зрелище. Но ее общий смысл не вызывает сомнений. Под черепом мы читаем написанный чрезвычайно разборчиво латинский перевод из книги Иова (19:25-26), гласящий: «Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, И я во плоти моей узрю Бога». Символическое усиление этого утверждения: глазницы черепа не совсем пусты. Две узких щели посреди них показывают, что в день воскресения эти глаза вновь узрят.

Ту же фразу из книги Иова находим и на погребальном одеянии из черного бархата из собора в Эвре. Вышивка изображает труп (может быть, тело Адама?), пожираемый червями и лежащий у подножия креста. На могиле Рене Шалонского, принца Оранского-Нассау, убитого при осаде Сен-Дизье в 1544 году, возвышается тело, уже почти лишившееся кожи: она исчез-

ла с головы и большей части груди. В остальных местах она зияет дырами, как прорванная ветхая одежда. В завещании принц просил изваять его таким, каким он будет спустя три года после смерти. Но здесь усопший, вверяющий свое сердце Богу, стоит, устремив череп и левую руку к свету вечной жизни.

Подобным же образом именно надежда на конечное возрождение человеческого существа в его целостности придает осмысленность многочисленным двойным надгробиям этой эпохи — с более или менее разложившимся мертвым телом внизу и изображением того же человека живым, с молитвенно сложенными руками и глазами, обращенными к небу, вверху.

Весьма примечателен находящийся в окрестностях Лозанны надгробный памятник бальи Франциска Сарразского, умершего в 1363 году. Голова трупа покоится на подушке. Две жабы пожирают глаза, две другие принялись за рот, пятая — за половые органы. Все тело усеяно длинными червями, которые его пожирают. На подушке и на груди виднеются морские гребешки. Жабы, как кажется, символизируют грехи, черви изображают угрызения совести, а гребешки означают веру в воскресение. Такой символический смысл, приписывавшийся гребешкам с глубокой древности, объясняет их присутствие в нишах с молящимися монахами по сторонам саркофага Жана де Бово (1479). Так в надгробии Франциска Сарразского были соединены смирение грешника, раскаяние христианина и надежда на конечное воскресение возрожденного человека. Те же чувства — смирения и надежды — служат ключом для понимания двойных портретов, где одно из двух панно представляет жениха и невесту в расцвете юности, соединяющихся для жизни, а другое — тех же персонажей, ставших отвратительными полуразложившимися телами, пожираемыми червями и жабами.

* * *

Даже в беглом обзоре макабра того времени нельзя не сказать о многочисленнейших упоминаниях мучеников и избиений в литературе. Освобождение от психических травм, нанесенных зрелищем массового насилия, давали лишь творческие «выплески». Если бы мы могли сосчитать все сцены мученической кончины святых обоего пола, которые были нарисованы, изваяны и выгравированы в Европе с 1350 по 1650 год, получится ошеломляющая цифра, свидетельствующая, что, по крайней мере, в этом отношении между готикой, маньеризмом и барокко существовала преемственность. Разумеется, видное место в этом музее ужаса занимает Изенгеймское распятие — «бледно-зеленый Христос, уже словно разъятый пыткой, с изъязвленной ранами кожей, скрюченными от боли пальцами и лицом, искаженным мучительной агонией».

Произведениям живописи, литературы и театра вторят описания казней, которыми изобилуют тогдашние хроники и газеты. Хейзинга напоминает со слов Молине, что жители Монса за большие деньги выкупили некоего разбойника, чтобы только полюбоваться, как он будет четвертован, «и была оттого людям радость большая, нежели бы новый святой во плоти воскрес». Подхватив эстафету у Хейзинги, Мишель Вовель обнаружил в аугсбургских анналах XV века упоминание о двух погребенных заживо служанках и о пяти священниках, приговоренных к голодной смерти в железной клетке, выставленной на всеобщее обозрение.

Казни, сопровождаемые пытками, воспринимались как те же уроки морали: на них приводили детей, чтобы те хорошенько их запомнили. Феликс Платтер сообщает:

«Некий преступник, изнасиловавший семидесятилетнюю женщину, был живым подвергнут сдиранию кожи раскаленными щипцами. Я своими глазами видел густой дым, который шел от тела при прикосновении этих раскаленных щипцов; пытал его мэтр Николас, бернский палач, прибывший специально по этому случаю. Приговоренный был человеком сильным и крепким; на мосту через Рейн, совсем рядом, ему вырвали одну грудь, затем он был препровожден на эшафот. Он был очень слаб, по его рукам обильно текла кровь. Он не мог стоять и все время падал. Наконец, ему отрубили голову, вбили в тело кол и бросили в ров. Я сам был свидетелем его казни, держась за отцовскую руку».

В 1603 году немецкая газета, повествуя о казни двух «дьяволят», от силы четырнадцати и пятнадцати лет, виновных в отравлении своих отца и дяди, которые были пьяны, уточняет: «Вся молодежь в сопровождении наставников собралась, чтобы присутствовать на ней, ибо для юношества подобные примеры весьма полезны». Далее следует рассказ о наказании:

«Сначала обоих мальчиков раздели, затем стали наносить им удары бичом, так что немало их крови пролилось на землю. Затем палач вонзил им в раны раскаленное железо, отчего они начали испускать такие крики, какие невозможно себе вообразить. Затем каждому из них отрубили обе руки... Экзекуция продолжалась около двадцати минут; за ней наблюдали мальчики и девочки, а также большая толпа народу. Во время этой казни все восхищались справедливостью Божьего суда и воспитывались на этом примере».

Вполне естественно, что литература эхом отзывалась на трагические события повседневной жизни. Это доказывает, например, совершенно садистская сцена, приведенная Томасом Нэшем в конце его «Злополучного скитальца» (1594). Сцена эта якобы разыгрыва-

ется в Риме: в ту пору англичане считали Италию средоточием всех мыслимых пороков и ужасов. Чудовищные выдумки, приведенные ниже, автор характеризует как «итальянизмы»:

«Его [еврея Цадока] привезли на место казни, раздели догола, затем посадили на острый железный стержень, врытый в землю, который вошел в его тело, как вертел, подмышки его прокололи еще двумя такими же стержнями. Вокруг него подожгли хворост, и запылал огромный костер, однако его лишь поджаривали, но не сжигали. Когда кожа его вздулась пузырями, огонь отодвинули в сторону и влили ему в глотку смесь из азотной кислоты, соляной кислоты и раствора сулемы, которая прожгла все его нутро, и он стал корчиться от нестерпимой боли. Потом принялись стегать его по задней части, обожженной и покрытой пузырями, докрасна раскаленным бичом, скрученным из железной проволоки. Ему обмазали голову смолой и дегтем, которую и подожгли. К его половым частям привязали разбрасывающие искры шутихи. Потом стали его скоблить раскаленными щипцами и сдирать кожу с плеч, с локтей, с бедер и с лодыжек; грудь и живот ему натирали тюленьей кожей и, расцарапав до крови, тут же смачивали раствором Смита и спиртом; ногти у него наполовину вырвали и всунули под них острые шипы; отставшие от тела ногти стали напоминать окна в портняжном заведении, приоткрытые в праздничный день. Потом рассекли кисти рук вдоль пальцев до самого запястья. Пальцы на ногах вырвали с корнем и оставили висеть на клочках кожи. В довершение всех пыток стали медленно водить по всему его телу, с ног до головы, пламенем масляной лампы, над которой выдувают пузыри из стекла, постепенно сжигая за членом член. Наконец сердце его не выдержало, и он умер».

Можно было бы надеяться, что автор и читатели удовлетворятся таким нагромождением кровавых под-

робностей. Ничуть не бывало. Через несколько страниц повествование вновь обращается к описанию казни, так что последние страницы «Злополучного скитальца» представляют собой не что иное, как череду изощренных умерщвлений.

После этих впечатляющих отрывков уже нет необходимости долго говорить о большой роли макабра в английской литературе и особенно театре эпохи царствования Елизаветы и Якова I. Им прямо-таки пронизаны четыре пьесы, упоминаемые здесь исключительно в качестве образцов: «Трагедия о мстителе» (1607) и «Трагедия об атеисте» (1611) Сирила Турнера, «Герцогиня Амальфи» Джона Уэбстера (1616?), «Вторая трагедия о невесте» (анонимная) начала XVII века. В течение девяти лет Мститель хранит череп своей невесты, отравленной старым герцогом. Его месть заключается в том, чтобы, в свою очередь, нанести яд на этот череп, который герцог целует в темноте, думая, что касается губами лица юной девы. Атеист — французский вельможа, велевший побить камнями своего брата, чтобы завладеть его богатствами. После множества сцен убийств, самоубийств и изнасилований (на кладбище) преступнику является призрак его брата. Он убивает себя, пытаясь убить племянника. Герцогиня Амальфи — вдова, которой ее братья, герцог и кардинал, хотят помешать снова вступить в брак. Но она выходит замуж за своего управляющего Антонио. Фердинанд сводит сестру с ума, принося ей в темноте руку мертвеца и говоря, что это рука Антонио. Кроме того, он показывает ей манекены, изображающие ее детей и Антонио, внушая ей, что они мертвы. Потом он посылает к ней всех больничных сумасшедших «с тем, чтобы они предавались своим песням, танцам и прыжкам». Наконец, он приказывает ее задушить. Последний акт представляет собой всеобщую резню. Во «Второй трагедии о невесте» рассказывается о безум-

ной любви тирана Джованни к умершей королеве, тело которой, уже начавшее разлагаться, он велит выкопать из земли. Он хочет любить ее так, как если бы она не была трупом.

Эти бегло перечисленные примеры, сколь бы жестокими они ни казались, дают лишь слабое представление о всех тех убийствах, самоубийствах, призраках, изнасилованиях и кровосмешениях, которые на излете Возрождения составляли хлеб насущный английского Гран-Гиньоля. Повсюду царили макабр и насилие.

* * *

Возникает вопрос: откуда этот всплеск эстетики болезненного в XIV—XV веках? Ответ содержится в самой же европейской истории. Это была эпоха великих бедствий и разорения: множились городские и крестьянские восстания, турки усиливали натиск, Великая схизма разрывала христианство, гражданские и межгосударственные войны разоряли Францию, Испанию, Англию, Чехию и т. д. Таким образом, хронология макабра встраивается в объяснение, в котором сливаются внушение чувства вины, страх перед участившимися бедствиями и царящее повсюду насилие.

И разве наша эпоха не способствует пониманию истоков европейского Нового времени? Массовые бойни XX века, угроза ядерного конфликта, постоянно учащающееся применение пыток, рост неуверенности, стремительный и вызывающий все большее беспокойство технический прогресс, опасность, которую несет в себе слишком интенсивная разработка природных ресурсов, манипуляции в области генетики и неконтролируемая информационная глобализация,— множество факторов, которые, накладываясь друг на друга, порождают в нашей цивилизации атмосферу тревоги, в некоторых аспектах сравнимую с той, в которой жили

наши предки между нашествием Черной смерти и концом религиозных войн.

В соответствии с классическим принципом «вытеснения» мы неустанно воспроизводим то «царство страха», где мы оказались, в словах и образах. Смешивая настоящее и гипотетическое будущее, науку и вымысел, наш страх перед грядущим и опыт столкновения с повседневными опасностями, садизм и эротику, завоевание космоса и дешевые палеонтологические сенсации, мы создаем все больше и больше яростных, варварских, бесчеловечных, бешеных рассказов и рисунков. Мы соединяем в невыносимой какофонии футуризм и архаизм, допотопные существа или камни и космические корабли.

Таков привычный хлам комиксов для подростков. Болезненный бред, кишащий вампирами и псами-призраками, находит выражение в многочисленных книгах с броскими заголовками: «Пришествие сверхлюдей», «Черная галактика», «Сады Апокалипсиса», «Антимиры», «Терминатор», «Распавшийся человек», «Бесхребетное время», «Будущее без грядущего», «Макабрические миры Ричарда Матисона» и «Все мы боимся».

Вчера, как и сегодня, страх перед насилием материализовался в картины насилия, а страх смерти — в макабрические видения. Они говорят о страхе людям, живущим в страхе, и в конечном итоге их страх говорит голосом макабрических видений.

Вместо послесловия

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СТРАХОМ СМЕРТИ И ПУСТОТЫ

Из книги Ж. Батая «Внутренний опыт»[1]

Мир дан человеку как загадка, которую следует разгадать. Полностью мы обнажаемся лишь тогда, когда без малейшего лукавства идем навстречу неизвестности. Но, в конце концов, неизвестное требует безраздельного господства.

Философия никогда не бывает казнением, но без казнения не бывает ясных ответов: никогда ответ не предшествует вопросу, и что значит вопрос, если в нем нет тоски, нет казнения. Ответ приходит в миг безумия: без казнения как услышать его?

Самое существенное — край возможного, когда сам Бог отчаивается, не может больше знать и убивает.

Бесконечный спуск в ночь существования. Бесконечное казнение неведением, болото тоски. Скользить над бездной в совершенной темноте, испытывая весь ее ужас. Содрогаться, отчаиваться, не отступать перед стужей одиночества, вечной тишиной человека (нелепость всякой фразы, иллюзорность всех на свете фраз, ответ приходит только от бессмысленной тишины ночи). Использовать слово «Бог», чтобы достигнуть самого дна, самой бездны одиночества, отказываясь знать, слышать его голос. Не ведать о Нем. «Бог» — последнее слово, которое хочет сказать, что дальше слов нет; отметить его красноречие (оно не-

---

[1] Перевод с фр. С. Фокина.

избежно) и рассмеяться над ним, дойдя до блаженства неведения (смеху уже не до смеха, слезам — не до слез). Дальше раскалывается голова: человек не есть созерцание (лишь убегая, он обретает умиротворение), человек — это казнение, война, тоска, безумие.

Голос добрых апостолов: у них на все есть ответ, они указывают пределы, незаметно подсказывают, по какому пути следует идти, — словно распорядители на похоронах.

Чувство сообщничества: в отчаянии, безумии, любви, казнении. Нечеловеческая, взъерошенная радость сообщения, ничего кроме отчаяния, безумия, любви, да еще: смех, смятение, тошнота, утрата себя в самой смерти.

Край возможного. — Вот он, наконец. А вдруг уже поздно?.. Да и как, оставаясь в неведении, дойти до него (по правде говоря, ничего не меняется)? — по какому обходному пути? Один смеется (заливаясь), другой путается в собственной лжи и бьет жену, а то еще пьют мертвую или пытают до смерти.

Абсурдно читать то, что должно разрывать сердце до смерти, а предварительно зажечь лампу, разобрать кровать, чего-нибудь выпить, завести часы. Пустячное дело — хотеть быть человеком, которого несет течением, который никогда не загоняет себя в угол, не припирает себя к стенке; так становятся пособником инертности. Странно, однако, то, что, покидая себя, упускаешь из виду взятую на себя ответственность: нет ничего более удручающего, это неискупимый грех — увидеть возможность и оставить ее ради чечевичной похлебки хоть какой-нибудь жизни. Возможность безмолвствует, не угрожает, не проклинает, но тот, кто из страха смерти позволяет ей умереть, будет всего лишь обманщиком — вроде облака, которое обманывает долгое ожидание солнца.

Не могу вообразить себе человека, который смеялся бы над той высшей возможностью, что сама всему

смеется в лицо, — смеялся бы, поворачиваясь без лишних слов спиной ко всему, что мешает отдаться очарованию жизни, смеялся бы, но не покидал при этом себя, пусть хотя бы однажды. Но если однажды изнеможение овладеет им, если в изнеможении откажется он идти до конца (по пути изнеможения, когда сама возможность этого потребует, даст ему знать, что ждет этого от него), тогда он совсем покидает себя, и за это в ответе его невиновность: в нем начинается неуловимая игра греховности, раскаяния, симуляции раскаяния, затем полного и заурядного забвения.

* * *

Если взглянуть на историю людей, на историю каждого человека — взглянуть на них как на историю бегства: сначала от жизни, это грех, затем от греха, это долгая ночь, наполненная идиотским смехом, в самой глубине которой тоска.

В общем, каждый заслужил право на отсутствие, на достоверность, каждая улица — словно лицо, отмеченное этой победой...

По определению, край возможного является той точкой, в которой человек — несмотря на внеразумную позицию, занимаемую им в бытии, — отрешившись от обмана и страха, не может уже пойти дальше. Бесполезно говорить о том, сколь тщетна чистая игра сознания без тоски (хотя философия замыкает себя в этом тупике). Тоска — тоже средство познания, как и сознание, край возможного, — такая же жизнь, как и знание. Как и тоска, сообщение — это жизнь и знание, это значит жить и познавать. Край возможного предполагает смех, экстаз, трепетное приближение смерти, предполагает заблуждение, тошноту, непрестанное брожение возможного и невозможного и, в конечном итоге, разбитое, однако желанное состояние казни, его медленное и постепенное поглощение отчаянием. По-

сему ничто из того, что человек может знать, не может быть отвергнуто без риска полного провала, греха (более того, поскольку на кону самое главное, я думаю также о худшей из напастей, об отступничестве: для того, кто почувствовал однажды, что он зван, нет ни объяснений, ни прощения, ему не остается ничего другого, как оставаться на своем месте). Всякий, кто не движется к краю, — слуга или недруг человека. В той мере, в какой он не содействует каким-нибудь рабским трудом всеобщему существованию, его отступничество усиливает презренную судьбу человека.

Познание вульгарное или познание, обретенное в смехе, тоске либо в другом подобном опыте, подчинены — что вытекает из правил, которым они следуют, — краю возможного. Каждый вид познания значим в своих пределах, причем следует знать, что может значить этот вид познания, если край тут, рядом, следует знать, что ему добавляет опыт крайности. Прежде всего, следует знать, что на краю возможного все обрушивается: рушится само здание разума, в миг немыслимого мужества рассеивается вся его величественность; из этих руин поднимаются шаткие останки, им не успокоить чувства смятения. Бесстыдно и тщетно кого-то обвинять: так было нужно, ничто не может устоять перед необходимостью двигаться дальше. Иной, если потребуется, заплатит безумием.

Современный человек, человек уничтоженный (но ничего не получивший взамен), наслаждается спасением на земле. Киркегор — крайность христианства. Достоевский (в «Записках из подполья») — стыда. В Достоевском крайность явилась результатом разложения, но это разложение — словно зимний паводок: ничто не могло его удержать. Нет ничего более страдальческого, болезненного, бледная немочь религиозности. В «подполье» крайность отнесена за счет нищеты. Обман, как и у Гегеля, но Достоевский выхо-

дит из положения иначе. Христианство, может быть, не запачкано казнением, болотом стыда. Говорят: «...да это вызвано только тем...», но нет, ибо дело в том (за исключением двусмысленных случаев), чтобы именно унизить, обесценить. Пока я далек от того, чтобы стоном стонать: не то зло, что крайность достигается через стыд, но то, что ее ограничивают стыдом! Отбросить крайность (в глубине себя восхитившись ею) в сторону демонического, отбросить любой ценой — значит изменить ей.

В бесконечном ужасе войны люди — толпами — подступают к страшному краю. Но человек далек от того, чтобы хотеть ужаса (и крайности): пытаться избежать неизбежного — вот что выпало на его долю. Его глаза, хотя и жаждут света, упорно избегают солнца, а кротость взгляда только изобличает сумерки, быстро навеваемые сном: если всмотреться в человеческую массу, в ее непроницаемые глубины, то становится видно, как она погружается в сон, как она все дальше и дальше уходит в себя, замыкается в оцепенении. Однако рок слепого движения отбрасывает ее к крайности, наступает день, когда она к ней устремляется.

Ужас войны превосходит ужас внутреннего опыта. В скорби поля брани есть нечто более тягостное, чем «темная ночь» человека. Но на поле сражения навстречу ужасу увлекает более сильное движение: действие, проект, связанный с действием, позволяет преодолеть ужас. Это преодоление придает действию пленительное величие, но тем самым ужас отрицается.

* * *

Теперь тот, кто станет сожалеть о толпах людей, теряющих жизнь (по мере того, как над ними властвуют проекты), мог бы обрести простоту Евангелия: красота слез, тоска сделали бы его слова прозрачны-

ми. Я говорю об этом как можно проще (хотя злая ирония переполняет меня) — не могу идти впереди других. Впрочем, весть моя отнюдь не благая. Да это и не «весть», а в известном смысле тайна.

Стало быть, если не смеешься или не... то говорить, думать — значит увиливать от существования: не умирать, но быть мертвым. Это значит быть в потухшем и покойном мире, где мы обычно влачим свое существование; тут все приостановлено, жизнь откладывается на потом, все откладывается и откладывается... Самый изощренный вариант бегства представлен в одном декартовом утверждении. (Девиз Декарта: «Larvatus prodeo»; иду вперед под маской: мною владеет тоска, и я мыслю, мысль приостанавливает во мне тоску, я есмь бытие, наделенное властью приостанавливать в себе само бытие. После Декарта: мир «прогресса», другими словами, проекта, — наш мир. Правда, война нарушает его спокойствие; мир прогресса влачит свои дни, но в смятении и тоске.)

По словам Иоанна Креста[1], мы должны подражать крушению Бога (Христа), Его агонии; христианство, ежели испить его чашу до дна, ведет к отсутствию спасения, к отчаянию Бога. Оно угасает, поскольку достигает своих целей, испустив дух. Агония Бога в личности человека неотвратима, это бездна, в которую его толкало смятение. Агонии Бога мало дела до объяснения греха. Она оправдывает не только небо (мрачное свечение сердца), но и ад (детскость, цветы, Афродита, смех).

Вопреки тому, как дело обстоит с виду, забота о невзгодах — это мертвая часть христианства. Это тоска, которую можно свести к проекту: до бесконечности жизненная формула, день ото дня прибывает тупо-

---

[1] *Святой Иоанн Креста* (Св. Хуан де ла Круус; 1542 — 1591) — настоящее имя Хуан де Йепес Альварес; католический святой, писатель и поэт-мистик. Реформатор ордена кармелитов. — *Примеч. ред.*

умия, вместе с тем усиливается состояние смерти. Поскольку в общей человеческой массе существование и тоска теряют друг друга в проекте, жизнь откладывается на потом. Разумеется, к этому примешивается некая двусмысленность: в христианстве жизнь осуждается, а люди проекта одобряют ее; христиане ограничили ее экстазом и грехом (это была позитивная позиция), прогресс отрицает экстаз, отрицает грех, смешивает жизнь и проект, одобряет проект (работу): в мире прогресса жизнь не что иное, как узаконенная детскость, надо лишь признать проект серьезным делом существования (тоска, которую питают невзгоды, необходима авторитету, но дух занят проектом).

Несколько строк из прочитанной недавно брошюры: «Очень часто я думал о том дне, когда будет ознаменовано рождение человека, глаза которого будут действительно смотреть внутрь. Его жизнь была бы чем-то вроде нескончаемого подполья, освещенного блеском мехов, и ему нужно было бы лишь вслушиваться в себя, чтобы полностью погрузиться в то, что он имеет общего с остальным миром и что остается для нас чудовищно недоступным. Мне бы хотелось, чтобы всякий, кто подумает о том, что когда-нибудь, благодаря всеобщему договору людей и мира, рождение такого человека станет возможным, мог бы — подобно мне — залиться слезами радости». За этим следует несколько страниц, в которых выражается в основном не внутреннее, а внешнее устремление. Возможность рождения подобного человека оставляет — увы! — мои глаза сухими, меня бросает в жар, слез больше нет.

Что может значить этот «Золотой век», эта тщетная забота о «наилучших условиях», это болезненное стремление к единодушному человеку? По правде говоря, воля к исчерпывающему опыту всегда начинается с эйфории. Невозможно понять, на что идешь, ка-

кую цену придется заплатить — однако потом платят не зная пресыщения; никто не мог знать ни меры собственного краха, ни меры стыда за то, что крах был не окончательным. Тем не менее, если я вижу, что люди не могут вынести жизненной муки, что они задыхаются, бегут что есть сил от тоски, прибегают к проекту, то моя тоска от тоски этих непосед только умножается.

* * *

Когда я замыкаюсь в тоске, когда я опускаюсь на самое ее дно, моя радость оправдывает человеческое тщеславие, необозримую пустыню тщеславия, ее темный горизонт, за которым прячутся страдание и ночь, — моя мертвенная и божественная радость.

Что я пишу — призыв! Наибезумнейший, предназначенный для тех, кто глух. Я обращаюсь к ближним с молитвой (по крайней мере, к некоторым из них), но тщетен крик человека в пустыне! Вы таковы, что, случись вам узнать, каковы вы на самом деле, вы не смогли бы больше быть такими, как есть. Ибо (здесь я падаю на землю) имейте жалость! Я увидел, каковы вы на самом деле.

Гнусное существо, зверь (хоть криком кричи от холода) поместило возможное на землю. Возникает очаровательная (лестная) идея: существо преследует идею, ловит. Но если это возможное действительно оказывается, хотя бы на земле?

Существо забывает о нем. Решительно, оно о нем забывает! Так и есть: уходит...

Да будет бесконечно благословенна смерть, без которой «личность» принадлежала бы этому миру-и-так-далее. Нищета людей, что оспаривают у смерти возможности мира-и-так-далее. Радость умирающих, что уходят, как волна за волной. Непоколебимая радость умирающего, пустыни, падения в бездну невозможного, безответный вскрик, тишина смертельной случайности.

Христианину легко драматизировать жизнь: он живет перед ликом Христа, для него это нечто большее, чем он сам. Христос — всецелость бытия, однако он, совсем как «любовник», имеет личность, совсем как «любовник», желанен: и вдруг казнь, агония, смерть. Кто верует в Христа, идет на казнь. В Христа, которого самого ведут на казнь: не на какую-нибудь казнь, на смертную муку, на божественную агонию. Кто верует в Христа, не просто имеет возможность дойти до казни, но лишен возможности ее избежать: это казнь, в которой казнят что-то большее, чем он, в которой казнят самого Бога, который является человеком в не меньшей степени, чем сам человек, который не меньше, чем человек, может казнить себя.

Недостаточно признать что-то, иначе это будет игра одного ума, нужно, чтобы признание нашло себе место в сердце (полуслепые внутренние движения...). Это уже не философия, это жертвоприношение (сообщение). Странное совпадение между наивной философией жертвоприношения (в Древней Индии) и философией казнящегося незнания: жертвоприношение, движение души, перенесенное в познание (произошла перемена в направлении этого движения: прежде оно шло от сердца к разуму, теперь наоборот).

Самое странное — то, что незнание имеет свои предписания. Словно бы извне нам было сказано: «Ну вот, и ты здесь». В пути незнания полным-полно бессмыслия. Я мог бы сказать: «Свершилось!» Но нет. Ибо, даже только предположив такое, я обнаруживаю перед собой те же границы горизонта, что исчезли мигом раньше. Чем больше я углубляюсь в знание — пусть даже по пути незнания — тем тяжелее, тоскливее становится незнание конечное. В самом деле, я отдаю себя незнанию, это сообщение, и коль скоро сообщаюсь я с превращенным незнанием в бездну миром тьмы, то осмеливаюсь говорить «Бог»; так и возникает новое знание (мистическое), но я не могу уже оста-

новиться (не могу — но надо же перевести дух); «Бог, если бы он только знал». И дальше, все время дальше. Бог вместо овна, подвернувшегося Аврааму. Это уже не жертвоприношение. Оно будет дальше — во всей наготе, без овна, без Исаака. Жертвоприношение — это безумие, отречение от всякого знания, падение в пустоту, и ничто не открывается ни в падении, ни в пустоте, ибо откровение пустоты есть не что иное, как средство пасть еще ниже, в бездну отсутствия.

* * *

Коль скоро обращенное на мое «я» сознание уклоняется от мира, коль скоро, трепеща, я оставляю всякую надежду на логическое с ним соглашение и обрекаю себя на недостоверность — для начала на мою собственную, а затем и на недостоверность всего и вся (сыграть пьяного — шатаясь, он мало-помалу принимает свою свечу за себя, задувает ее и, закричав от страха, принимает себя за ночь) — в тоске, в слезах я могу уловить мое «я» (могу даже, продлевая до необозримости свое смятение, не находить себя нигде, кроме как в желании другого — женщины — единственной, незаменимой, умирающей, во всем мне подобной), но лишь с приближением смерти я в точности буду знать, о чем речь.

Лишь умирая, от смерти не убежишь, я увижу разрыв, который составляет мою природу и через который я и выходил за пределы «того, что существует». Пока живешь, можно довольствоваться топтанием на месте, соглашательством. Как бы то ни было, я знаю, кто я такой — индивид определенного рода, в общем и целом я пребываю в согласии с всеобщей реальностью; принимаю участие в том, что существует по необходимости, в том, что никак не может ускользнуть из-под ног. Мое я-которое-умирает отметает это согла-

шение: оно-то и замечает, что вокруг него пустота, что само оно — вызов этой пустоте; мое я-которое-живет перебивается предчувствием смятения, которым (много позже) все завершится.

Бывает, правда, и так: мое я-которое-умирает, не достигнув «моральной суверенности», даже на костлявых дланях смерти поддерживает со всем и вся какое-то гибельное соглашение (в нем сплетаются нелепость и ослепленность). Это тоже вызов, спору нет, но какой-то вялый, он прячется сам от себя, до самого конца скрывает от себя, что он — вызов. Мое я-которое-умирает нуждается в обольстительности, мощи, суверенности: нужно быть богом, чтобы умереть.

В известном смысле смерть неизбежна, но в смысле более глубоком — недоступна. Животное знать ничего не знает о смерти, хотя смерть отбрасывает человека к животному. Человек идеальный, воплощение разума, остается чуждым смерти: ее природе присуща животность бога, грязная (зловонная) и священная.

В смерти соединяются, неистовствуют отвращение и пылкая обольстительность; речь не о пошлом уничтожении, но о той самой точке, в которой сталкиваются последняя ненасытность и предельное омерзение. В страсти, что правит тьмой страшных игрищ или грез, отчаянно говорит не только желание быть моим «я», но и желание более не быть.

В ореоле смерти, и только в нем, мое «я» находит основу своей власти; в нем пробивается на свет чистота безнадежной насущности; в нем сбывается надежда моего я-которое-умирает (надежда умопомрачительная, горячечно-пламенная, заставляющая отступать границы грезы).

И в то же самое время удаляется, но не как пустая кажимость, а из-за своей зависимости от отброшенного в забвение мира (в основе которого взаимозависимость частей), плотски неощутимое присутствие Бога...

В темной до невозможности пустоте, в этом хаосе, в котором различимо уже и отсутствие хаоса (все тут — пустыня, стужа, сомкнувшая глаза ночь, но в то же время — какое-то тягостное, доводящее до исступления сияние), жизнь разверзается перед смертью, мое «я» вырастает до чистого предписания: «умри как собака» раздается во враждебных краях бытия; императиву этому нет применения в оставленном моим «я» мире.

Но в самой дальней своей возможности чистота предписания «умри-как-собака» отвечает настоятельной страсти — нет, не раба к господину: жизнь, посвящая себя смерти, подобна страсти любовников, в ней сказывается гневливая ревность, но никак не «авторитет».

Ну и чтобы покончить с этим, падение в смерть — грязная штука; в одиночестве по-иному тягостном, нежели одиночество обнажающихся любовников, как раз приближение гниения связывает мое я-которое-умирает — с наготой отсутствия.

* * *

В предыдущем ничего не было сказано о страдании, обычно сопровождающем смерть. А ведь страдание глубоко сопряжено со смертью, и ужас его проглядывает в каждой строке. Страдание, воображаю себе, сродни тому, что всегда играет в крушении всего и вся. Боль мало значит, ее трудно отличить от удовольствия, наступающего перед тошнотой, внутренним холодом, в котором я и гибну. Боль — это, возможно, лишь некое несовместимое со спокойным единством моего «я» ощущение; какое-то воздействие, внутреннее или внешнее, ставит под сомнение шаткую согласованность сложившегося существования, вызывает мое разложение, и как раз перед ужасом этого угрожающего мне воздействия я и трепещу. Не то чтобы боль

обязательно грозила смертью — она срывает с существования покровы возможных действий, дольше которых мое «я» никак не могло бы прожить, она воссоздает смерть, обходясь без настоящих угроз.

В противовес тому: сколь мало значит смерть, со своей стороны я прав. В страданиях, правда, разум обнаруживает свою слабость, случаются и такие, с которыми он вовсе не может совладать; достигаемая болью степень силы являет всю легковесность разума; тем более — очевидная, противоразумная, бьющая через край ярость моего «я».

В некотором смысле смерть — самозванка. Мое «я», умирающее, как я говорил, отвратительной смертью, внимает разуму не более, чем какая-нибудь собака, по доброй воле замыкается в ужасе. Стоит ему оторваться хотя бы на миг от лежащей в его основе иллюзии, оно с распростертыми объятиями примет смерть, словно сон — ребенка (так бывает со стариками, молодецкие иллюзии которых мало-помалу угасли, или с юношами, живущими коллективной жизнью, — в них осуществляется разрушительная для иллюзий грубая работа разума).

В тоскливом характере смерти сказывается потребность человека в тоске. Без этой потребности смерть казалась бы ему легким делом. Умирая нехорошо, человек отдаляется от природы, порождает иллюзорный, человеческий, обработанный искусством мир; мы живем в трагическом мире, в искусственной атмосфере, завершенной формой которой выступает «трагедия». Нет трагедии для животного, которое не попадает в ловушку «я».

Экстаз рождается в этом трагическом, искусственном мире. Ясно, что любой объект экстаза порожден искусством. Все «мистическое познание» основывается на вере в присущую экстазу силу откровения; его следовало бы рассматривать, напротив, как в чем-то подобный прозрениям искусства вымысел.

Но раз уж я утверждаю, что в «мистическом познании» существование является творением человека, то это значит, что оно есть детище моего «я» и сущностной его иллюзорности; тем не менее экстатическое видение имеет какой-то необходимый объект.

Страсть моего «я», жгучая в нем любовь ищет себе какой-нибудь объект. Мое «я» достигает свободы лишь вне себя. Мне может быть известно, что я сотворил объект своей страсти, что сам по себе он не существует — и тем не менее он есть. Когда иллюзия развенчана, он, спору нет, меняется: это не Бог — ведь я его сотворил, но на том же основании — не ничто.

Объект этот, хаос света и тьмы, — катастрофа. Для меня он объект, но моя мысль меняет его по своему образу и подобию, хотя он же является ее отражением. Моя мысль, его отражая, обрекает себя на уничтожение, на низвержение канувшего в пустоту крика. Нечто необъятное, непомерное ломится со всех сторон с катастрофическим шумом; оно являет себя из какой-то нереальной бесконечной пустоты и в ней же с ослепительным треском исчезает. В грохоте столкнувшихся поездов, предвещая смерть, разлетается вдребезги зеркало — вот выражение неумолимого, всемогущего и сей же миг канувшего в ничто нашествия.

В общепринятых условиях время сводится на нет, замыкается в постоянстве сложившихся форм и предусмотренных изменений. Все вписанные в какой-то порядок движения останавливают время, замыкают его в систему мер и соответствий. Нет революции более глубокой, чем «катастрофа», — это время, когда рвется времен «связующая нить»; знамение его — истлевший скелет, развенчивающий иллюзорность его существования.

Итак, будучи объектом экстаза, время отвечает экстатическому пылу моего я-которое-умирает; равно как и время, мое я-которое-умирает сводится к чис-

тому изменению, ни то ни другое не имеют реального существования.

Но ежели первоначальное вопрошание хранит свою силу, ежели в беспорядочности моего я-которое-умирает так и стоит этот вопросик: «Что же существует?»

Время не означает ничего, кроме убегания всего, что казалось истинным. Субстанциональное существование мира имеет для моего «я» исключительно скорбный смысл: в его глазах настоятельность субстанционального существования сравнима с приготовлениями к смертной казни.

В конечном итоге: субстанциональное существование, как бы то ни было, не может замкнуть в себе смерти, которую оно мне несет, оно само по себе отражается в моей смерти, которая его в себе замыкает.

Если я утверждаю иллюзорность существования моего я-которое-умирает или времени, я вовсе не полагаю, что иллюзия должна быть подчинена суждениям субстанционального мира; напротив, я вкладываю его субстанциональность в иллюзию, которая замыкает его в себе.

Именно на основании недостоверности человек — под своим «именем» — коим я есмь — чье явление в мир было как нельзя более недостоверным — замыкает в себе совокупность мира. Смерть, освобождая меня от мира, который меня убивает, действительно замыкает этот реальный мир в нереальности моего я-которое-умирает.

* * *

Жизнь потеряется в смерти, реки — в морях, знаемое — в незнаемом. Познание есть доступ к незнаемому. Бессмыслие есть завершение всякого возможного смысла.

Изнуряющая глупость проглядывает, когда, несмотря на то, что средств больше нет, настаивают на каком-то знании — вместо того, чтобы признать свое неведение, признать незнаемое, но еще печальнее немощь тех, кто, не имея средств, сознается в том, что он не знает, и однако же глупо затворяет себя в том, что знает. Во всяком случае, то обстоятельство, что человек не уживается с беспрестанной мыслью о незнаемом, заставляет еще сильнее сомневаться в разуме, равно как искать в вещах то, что обязывает любить или заражает неудержимым смехом, — словом, долю незнаемого. Но также и со светом: глаза лишь отражают его.

«Вскоре ночь стала казаться ему мрачнее, ужаснее любой другой ночи, словно бы на самом деле она выскочила из зияющей раны не осмысляющей более себя мысли — мысли, которая по иронии судьбы стала объектом не мысли, а чего-то другого. Это была сама ночь. Ее наводняли творившие ее темь образы, и тело, преобразившись в демонический дух, стремилось представить их себе. Оно ничего не видело, но без тени удрученности обращало отсутствие видений крайней напряженностью своего взгляда. Глаз, непригодный для видения, принимал невероятные размеры, расширялся и расширялся, простираясь над горизонтом, впускал ночь в свое средоточие, превращая ее в зрачок. В этой пустоте мешались взгляд и объект взгляда. Мало того что этот ничего не видящий глаз воспринимал причину своего видения. Он ясно видел тот объект, что не давал ему видеть. Его собственный взгляд входил в него в виде образа в тот трагический момент, когда ясно было видно, что этот взгляд есть смерть всякого образа» (Морис Бланшо. «Фома Темный»).

Здесь есть кое-что невнятное: в опыте объект предстает драматичным наваждением самоутраты субъекта. Это рожденный субъектом образ. Прежде всего

субъект хочет идти навстречу себе подобному. Ввергнув себя во внутренний опыт, он ищет объект, который был бы подобен ему по углубленности во внутренний мир. Более того, субъект, опыт которого изначально и сам по себе драматичен (самоутрата), испытывает потребность обнаружить этот драматический характер. Положение искомого духом объекта должно найти объективное драматическое выражение. Пребывая в блаженстве внутренних движений, можно наметить некую точку, которая-де изнутри вбирает в себя всю разорванность мира, непрестанное скольжение всех и вся в ничто. Время, если угодно.

Но это так кажется. Для моего «я», если свести его к какой-то простейшей форме, эта точка есть не что иное, как личность. В каждое мгновение опыта она может замахать руками, закричать, воспылать.

Объективная проекция самого себя — в виде точки — не может, однако, достичь такого совершенства, чтобы характер подобия — который ее отличает — остался чистым ото лжи. Точка она и есть точка, она не может быть всецелостью, как не может быть и самостью (когда Христос становится точкой, человек в нем перестает быть самостью, хотя продолжает отличать себя от всецелости: это некое я, которое бежит и туда и сюда).

Если даже точку эту стереть, она останется в целости и сохранности — в том смысле, что от нее идет оптическая форма опыта. Дух есть око, коль скоро он намечает себе точку (как в опыте, так и в действии).

В блаженстве внутренних движений существование обретает равновесие. В беспокойном, порою тщетном искании объекта равновесие теряется. Объект определяется произвольной самопроекцией. Но мое «я» все равно намечает перед собой эту точку — сокровенное свое подобие — поскольку может от себя отрешиться только в любви. Но стоит моему «я» выйти из себя, как оно получает доступ к нелюбви.

Влекомое тоской и неуравновешенностью, существование без каких-либо ухищрений достигает этой «точки», которая, собственно, его и высвобождает. Наперед известно, что для моего «я» эта точка образует некую возможность, опыт не может без нее обойтись. В проецировании точки внутренние движения играют роль лупы, концентрирующей свет в небольшой очажок, который того и гляди воспламенится. В такой только концентрации — по ту сторону всех границ — существованию дано постичь — посредством какого-то внутреннего сияния — «что же оно такое есть», движение болезненного сообщения, в которое оно выливается и которое течет как изнутри наружу, так и снаружи вовнутрь. Речь идет о той же произвольной самопроекции, однако здесь-то и обнаруживается сокровенная объективность существования, которое, переставая быть замкнувшейся в себе частицей, оборачивается волною теряющей себя жизни.

В этом случае парящий поток внутренних движений предстает и лупой, и светом. Но в самом потоке нет чего-то кричащего, тогда как достигнув намеченной «точки», существование уже криком кричит. Если бы я знал побольше о буддистах, то рискнул бы заметить, что они не преступают порога, что буддийское существование слышать ничего не хочет о крике, ставит преграду излиянию внутренних движений.

Без драматизации этой точки не достичь. Последователи св. Игнатия только и делают, что драматизируют существование (конечно же, не только они). Достаточно представить себе место, персонажей драмы и саму драму: казнь, на которую ведут Христа. Ученик св. Игнатия устраивает самому себе театральное представление. Он находится в дышащей покоем комнате; от него требуют, чтобы он пробудил в себе страсть Голгофы. Ему говорится, что он должен разжечь в себе эти страсти, невзирая на умиротворенность комнаты.

Ему надлежит выйти из себя, намеренно драматизировать жизнь, которая, как известно наперед, имеет все шансы обернуться наполовину тревожной, наполовину оцепенелой пустотою. Еще до начала собственно внутренней жизни, еще до того, как рассуждение в нем прервется, ему надлежит наметить вовне точку, о которой я говорил, — точку, что была бы подобна ему самому, но в большей степени тому, чем он хочет быть, — в лице агонизирующего Иисуса. Прежде чем располагать внутренними движениями, прежде чем освободиться от власти рассуждения, христианство прельщается проецированием точки. Только после того, как точка будет намечена, пытаются достичь внерассудительного опыта.

* * *

Во всяком случае точку-объект можно представить только через драму. Я прибегал к потрясающей силы образам. Подолгу глядел, к примеру, на одну фотографию — либо вызывал в мыслях воспоминание о ней. На фотографии запечатлена китайская казнь. Некогда у меня была целая серия фотографий этого китайца, у которого ноги отрублены по колени, руки — по локти. Под конец казни жертва корчится в последних судорогах, с рассеченной грудью. Со вставшими дыбом волосами, омерзительная, дикая, вся исполосованная кровью, прекрасная, словно оса.

Я написал «прекрасная»... Что-то не так, что-то от меня ускользает, бежит, страх прячет меня от меня самого, словно бы я, захотев посмотреть прямо на солнце, поспешно отвел глаза, скользнул, словом, с одного на другое.

Помимо того я прибегал к драматизации более строгого стиля. В отличие от христианина я исходил не только из рассуждения, но также из более расплыв-

чатого состояния сообщения, из блаженства внутренних движений. Я мог исходить из этих движений, которые струились у меня в мыслях то ручейками, то речушками, собирая их в некоей точке, где обычный бег воды, исполнившись всеми силами, обращал себя низвержением водопада, сиянием света или сверканием молнии. Это извержение начиналось как раз в то мгновенье, когда я мог вызвать в своих мыслях поток струящегося из меня существования. Ну а то, что существование явило себя во всем блеске, достигло драматичности, вызвано было не чем иным, как отвращением, пробужденным во мне истомой струения, которым я мог играть в свое удовольствие.

В истоме и блаженстве сообщение отличается расплывчатостью: сообщение течет не в оба конца, но от некоей самости к пустой, неопределенной протяженности, где все, в конце концов, и утопает. Мудрено ли, что в таких условиях существование жаждет более смятенного сообщения? Идет ли речь о той любви, что сердцу не дает перевести духа, о бесстыдной похоти или же о любви божественной — нигде я не видел ничего, кроме устремленного к другому вожделения: эротизм неистовствует повсюду с такой силой, пьянит сердца с такой безудержностью — короче говоря, в нас его такая бездна — что само небесное избавление не могло не перенять его форм и пылкости. Кто из нас не грезил о том, чтобы взломать врата мистического царства, кто не воображал себя тем «умирающим, которому смерть как не умирается», который прожигал свою жизнь, разрушал себя в любви? На Востоке, где человеческое воображение не воспламеняется от имен Терезы, Элоизы, Изольды, как-то возможно не желать ничего, кроме пустой бесконечности, тогда как у нас нет другого средства, кроме любви, изведать предельное изнеможение. Такой только ценою, думается мне, я достигаю края возможного, в противном же случае этому пути,

на котором я сжигаю все и вся — исчерпывая до дна человеческую силу, будет чего-то не хватать.

Ведь я любил его, этого юного, восхитительного китайца, над которым от души потрудился палач, — любил его такой любовью, в которой не было даже тени садизма: он мне сообщал свое страдание или, скорее, переизбыток своего страдания, которого мне так недоставало — не для того, чтобы им насладиться, но чтобы разрушить в себе все, что разрушению противится.

Перед лицом избытка жестокости — людей ли, судьбы ли — как не взбунтоваться, как не закричать (твердости нам не хватает): «Так не должно быть!», как не залиться слезами, проклиная то, что так подло играет людьми? Куда труднее себе сказать: эти плачи и проклятья рождены во мне жаждой мирного сна, гневным неприятием всего, что не дает мне покоя. Но всякого рода переизбыток — не что иное, как прорвавшийся вдруг знак суверенности мира. К таким знакам и прибегал автор «Упражнений», пытаясь посеять «беспокойство» среди своих учеников. Что ни ему, ни его ученикам не мешало осыпать мир проклятиями; я же могу лишь любить его безнадежной, всеобъемлющей — вплоть до последнего отребья — любовью.

* * *

Вспоминаю один случай, о котором писали в газетах лет пятнадцать тому назад (привожу по памяти, от себя не добавив ни слова). Дело было в каком-то французском городке или деревушке; в конце недели бедняк приносит домой заработанные деньги; увидев забавные бумажки, его маленький сын хочет поиграть и как-то бросает их в огонь; отец, слишком поздно все заметивший, в ярости хватается за топор и, совершенно потеряв голову, отрубает сыну обе руки. В соседней комнате мать купала младшую дочь. Выйдя на шум,

она упала замертво, малышка тем временем захлебнулась водой. Отец, совершенно обезумев, убежал из дома и стал бродить по окрестностям.

Как бы то ни было, нечто сходное должно бы слышаться в строчках, написанных мною три года назад: «Я намечаю перед собой точку и воображаю себе, будто она является геометрическим местом всего возможного существования, всякого единства и всякой отделенности, всякой тоски и всякого неутоленного желания, всякой смерти.

Я сливаюсь с этой точкой, меня испепеляет глубокая любовь ко всему, что в ней есть, доводя до того, что я отказываюсь жить ради чего-то другого, нежели эта точка, которая, будучи разом и жизнью и смертью, отливает хрусталем водопада.

В то же время необходимо сорвать покровы со всего, что там есть, обнажить самую что ни на есть чистую сокровенность, чисто внутреннее низвержение в пустоту: точка вбирает в себя все, что в низвержении этом идет от ничто, то есть все «минувшее», привнося в мимолетное и ослепительное свое явление всю открытость любви».

Благодаря почему-то унявшейся тоске я написал тогда и эти строки: «Когда в моих мыслях является преображенное предсмертным экстазом человеческое лицо, то свет смертной неизбежности падает даже на затянутое тучами небо, и его серовато-тусклый блеск становится тогда более пронзительным, чем солнечное сияние. В этой картине открывается, что природа смерти неотличима от природы света: последний светит как раз в той мере, в какой себя не бережет, теряясь в своем очаге; смерть и есть та потеря, благодаря которой сияние жизни пронзает и преображает самое тусклое существование, ибо только свободный порыв смерти и выливается во мне в могущество жизни и времени. И чем же, как не зеркалом смерти,

быть мне тогда — точно как и вселенная будет зеркалом света».

Следующие строки из эссе «Дружба» описывают экстаз перед «точкой»: «Я был вынужден отложить перо. По обыкновению сел перед открытым окном; но, не успев сесть, почувствовал, что меня захватывает какое-то экстатическое движение. Меня уже не глодали, как накануне, сомнения в том, что подобное сияние было не менее желанным, чем эротическое сладострастие. Я ничего не видел: этого, как ни старайся, не увидишь, не ощутишь и не постигнешь. Это гложет и гнетет невозможностью умереть. Ежели тоска окутывает в моих мыслях все, что я любил, то связанные с моей любовью мимолетные реальности следовало бы представить чем-то вроде облаков, за которыми скрывается то, что есть. Нет ничего обманчивее образов восхищения. То, что есть, мерится мерилом ужаса, ужас и толкает то, что есть, к обнаружению. Без этого страшного толчка ничего бы не было на сей раз, вспомнив вдруг то, что есть, я не смог сдержать рыданий. Когда я встал, голова моя была опустошена — силою любви, силою восхищения...»

* * *

Мягкие и ослепительные зарницы нетерпения и несогласия вспыхивают в горькой горечи ночи.

В конце одного из приведенных отрывков я приписал: «Напрасно любовь гоняется за тем, что вот-вот перестанет быть.

В любви неутолимость играет роль проводника, который ведет все к завершающему прыжку, и могильщика, который ставит крест на любой иллюзии».

Оспаривание, о котором я рассказываю, относится не только к работе разума. Зачастую его как раз и недостает. Ведь «оспаривание» также является глав-

ной пружиной неутолимой любви. Надменность широко известной мысли св. Августина сквозит не в первом утверждении: «наше сердце не знает покоя», но во втором: «пока в Тебе не найдет умиротворения». Ибо в глубине мужского сердца скрыто столько беспокойства, что ни Бог, ни женщина не властны принести ему умиротворение. Лишь на какое-то время могут его умиротворить женщина и Бог: если бы усталость не брала свое, тревога возвращалась бы все время. Не подлежит сомнению, что в необъятной необозримости своих расплывчатых владений Бог может откладывать на какое-то долгое время очередное умиротворение возобновившейся тревоги. Но умиротворение умрет раньше тревоги.

Я писал: «Незнание сообщает экстаз». Бессмысленное и обманчивое утверждение. Оно основано на опыте — если его пережить... Иначе все повисает в воздухе.

Легко сказать, что об экстазе говорить трудно. Есть, разумеется, в экстазе что-то бесповоротно «несказанное», но ведь это меньше всего отличает его от смеха, физической любви — или мира вещей — о коих я могу составить и сообщить более или менее точное представление; трудность в другом: поскольку с экстазом сталкиваются гораздо реже, чем со смехом или вещами, мне трудно его передать, сделать доступным то, что я испытал.

Незнание сообщает экстаз — но только в том случае, если возможность (движение) экстаза уже принадлежала тому, кто срывает с себя одежды знания. (Подобное ограничение вполне допустимо, поскольку с самого начала я стремился к краю возможного и, следовательно, нет такой человеческой возможности, к которой я не хотел бы при этих условиях прибегнуть.) Предшествующее экстазу незнания движение выливается в экстаз перед объектом (последний может быть или простой точкой — как при отрешенности от

догматических верований — или каким-то потрясающим образом). Если экстаз перед объектом уже наличествует (как некая возможность), если я упраздняю затем объект — что так или иначе происходит благодаря «оспариваниям», если, наконец, меня охватывает тоска и я погружаюсь в ужас, в ночь незнания, то сам экстаз, стало быть, уже на подходе, подступив же ко мне, он увлекает меня в невообразимую бездну. Если бы мне не довелóсь испытать экстаза перед объектом, я не достиг бы экстаза в ночи. Экстаз перед объектом был для меня инициацией — проникновением в самую даль возможного; в ночи я не мог найти ничего, кроме более глубокого экстаза. Стало быть, ночь, незнание — это пути экстаза, на которых я найду свою погибель.

Выше уже говорилось о том, что точка обращает дух оком. Стало быть, у опыта зрительный остов, ибо в нем можно отличить субъекта, который воспринимает, от объекта, который воспринимается, равно как зеркало отличается от отражающегося в нем зрелища. В этом случае зрительный (физический) аппарат играет важнейшую роль. Именно зритель, именно его глаза ищут эту точку или, по крайней мере, в глазах сосредоточивается зрительное существование. С наступлением ночи все остается по-прежнему. Желание все видеть неистовствует в ночном мраке — невзирая на то, что ночь все от него скрывает.

Но ведь желание, которое упорствует в этом развеянном по ночному мраку существовании, устремлено к объекту экстаза. Это желанное зрелище, этот объект, в ожидании которого страсть того и гляди выскочит со своей орбиты, и составляет то, от чего «мне смерть как не умирается». Объект пропадает из виду, тогда как ночь налицо; меня охватывает и гложет тоска, не обманет ли эта ночь, что пришла на место объекта, моих ожиданий? Ответ тут как тут, из груди вы-

рывается не крик, но внезапная догадка: с НЕЙ, а не с объектом, были связаны мои ожидания! Если бы я его не искал, то никогда бы ЕЕ не нашел. Я должен был стать кривым зеркалом объекта созерцания, чтобы НОЧЬ утолила мою жажду. Если бы я не потянулся к ней всей душой, как к объекту любви тянутся сами собой глаза, если бы не с ней были связаны ожидания моей страсти, то ОНА была бы всего лишь отсутствием света. Тогда как на ночь и разгораются у меня глаза, ЕЕ находит мой взгляд, выскакивая из глазниц, в ней он утопает — а обожаемый до смерти объект не только не заставляет о нем сожалеть, я чуть ли не забываю, чуть ли не отметаю прочь, чуть ли не унижаю этот объект, без которого, правда, мой взгляд не смог бы «выскочить из орбит», открывая для себя ночь.

Созерцая ночь, я ничего не вижу, ничего не люблю. Пребывая в недвижности, оцепенении, ОНА меня поглощает. Могу вообразить себе какую-нибудь страшную, возвышенную картину — обнаженная извержением вулкана земля, залитые огнем небесные хляби, да мало ли что можно придумать, чтобы вызвать «восхищение» духа; сколь восхитительной и потрясающей ни была бы ночь, она превосходит какие бы то ни было возможности, хотя в ней нет ничего, даже по завершении мрака в НЕЙ нет ничего ощутимого. В НЕЙ все сходит на нет, но когда мой взгляд «выскакивает из орбит», я пронзаю собой пустую глубину, а пустая глубина пронзает меня. В НЕЙ сообщаюсь я с «неизвестностью», которой противостоит самость моего «я»; обретаю неизвестную мне самость; самость и неизвестность переливаются друг в друга, переплетаются в единой, едва ли отличимой от пустоты разорванности — не властной себя от нее отделить хоть чем-то, что я мог бы постичь, — и тем не менее много больше, чем мир, сверкающий тьмою цветов, от нее отличимой.

* * *

Что не бросается в глаза, когда говоришь: что рассуждение, даже ставя под вопрос собственную ценность, предполагает не только того, кто рассуждает, но и того, кто рассуждение слушает... Я не нахожу в моем «я» ничего, что не было бы собственностью мне подобного. Мало того что я не могу уклониться от этого движения моей мысли, которое бежит вне меня, — оно ни на миг не оставляет меня в покое. Итак, когда я говорю, все во мне даруется другим.

Мне это известно, мне этого не забыть, но меня разрывает на части эта выпавшая мне необходимость себя отдавать. Я могу вообразить себя точкой, волной, затерявшейся в других волнах, могу смеяться над собою и над этой комедией «оригинальности», которую продолжаю ломать, но в то же время не могу не признать: я одинок, исполнен горечи.

И наконец: одиночество света, пустыни... Мираж проницаемых существований, где всякое сияние было бы отблеском какого-то другого, словно бы источаемые ядом, пеной кровь и смерть предвещали бы более долгий экстаз.

Но вместо того, чтобы постичь, наконец, это самонеистовствование, бытие замыкает в себе несущий его к жизни поток; страшась всякой бьющей через край дерзновенности, убаюкивает себя надеждой избежать разрушения, остаться во владении вещами. Но все дело в том, что вещи владеют существованием, хотя тому мнится, что оно владеет ими.

О пустыня говорящих «вещей»! Мерзость существования: страх перед бытием превращает человека в лавочника. Рабство, неизбывное вырождение: раб освобождается от господина посредством труда (основной ход рассуждения в «Феноменологии духа» Гегеля), но и продукт труда становится его господином.

Умирает возможность праздника, свободное сообщение существования, Золотой век (возможность одинакового опьянения, смятения, сладострастия).

Спад изобилует: растерянными марионетками, они нахальны, норовят друг друга подтолкнуть, друг друга ненавидят, друг от друга уклоняются. Им мнится, что они любят, но они утопают в ханжеском лицемерии, откуда тоска по бурям и шквалам.

Благодаря своей убогости жизнь, оспаривая и оспаривая все на свете, обречена на неуклонно растущую взыскательность — все дальше и дальше от Золотого века (от отсутствия каких-либо отводов). Но стоит заметить безобразие, разжигающую любовь красоту...

Взыскательная красота богатства, но когда само богатство получает отвод, дерзновенный человек перерастает саморазрушение — ценой безрассудной потери всякого покоя. Только удача, словно молнии струя, — просвет среди груды развалин — не ломает скупой комедии.

И наконец: одиночество — на грани рыданий, удушенных ненавистью к себе. Желание сообщения, которое растет по мере того, как получают отвод все ничтожные, легковесные типы сообщения.

В условиях безумия существование доведено до крайности, до забвения, презрения, загнанности. И тем не менее в этих условиях безумия оно вырывается из лап уединенности, отдает себя невозможным сатурналиям, рвет себя на части, словно рвущий душу безумный смех.

И самое трудное: отказываясь ради крайности от «среднего» человека, мы отказываемся от человека павшего, от человека, отдалившегося от Золотого века, отказываемся от лжи и скупости. Мы отказываемся в то же время от всего, что не есть «пустыня», где и маячит эта крайность, где и бушуют сатурналии одиночек!.. Бытие там — то ли точка, то ли волна, тем не

менее, единственная точка, единственная волна: ничто не отличает там одиночку от «другого», но все дело в том, что другого там нет.

А если бы он был?

Была бы пустыня в чем-то менее пустынной? Оргия — менее «опустошающей»?..

* * *

«Бесчестнее всего люди относятся к своему Богу: он не смеет грешить» (Ницше. «По ту сторону добра и зла», 65, bis).

Я отдаю себя во власть Бога, дабы он отверг себя, исторг себя из себя, отдал в лапы отсутствия, смерти свое существо. Когда я есмь Бог, я отрицаю Его, доходя до самой глубины отрицания. Если я только я, он мне неведом. Если ясное знание не оставляет меня, я могу, пребывая в неведении, дать Ему имя: я Его не знаю. Если я пытаюсь Его узнать, мной сразу же овладевает незнание, я сразу становлюсь Богом, непостижимым, неведомым неведением.

«Существует большая лестница религиозной жестокости со многими ступенями; но три из них самые важные. Некогда жертвовали своему Богу людьми, быть может, именно такими, которых больше всего любили, — сюда относится принесение в жертву первенцев, имевшее место во всех религиях древних времен, а также жертва императора Тиберия в гроте Митры на острове Капри — этот ужаснейший из всех римских анахронизмов.

Затем, в моральную эпоху человечества, жертвовали Богу сильнейшими из своих инстинктов, своей «природой»; эта праздничная радость сверкает в жестоком взоре аскета, вдохновенного «противника естественного». Наконец — чем осталось еще жертвовать? Не должно ли было, в конце концов, пожертво-

вать всем утешительным, священным, целительным, всеми надеждами, всей верой в скрытую гармонию, в будущие блаженства и справедливость? Не должно ли было, в конце концов, пожертвовать самим Богом и, из жестокости к себе, боготворить камень, глупость, тяжесть, судьбу, Ничто? Пожертвовать Богом за Ничто — эта парадоксальная мистерия последней жестокости сохранилась для подрастающего в настоящее время поколения: мы все уже знаем кое-что об этом» (Ницше. «По ту сторону добра и зла», 55).

Полагаю, что жертвуют теми благами, которыми можно злоупотребить (в основе всякого потребления лежит злоупотребление).

Человек скуп, вынужден быть скупым, но осуждает скупость, которая есть не что иное, как свалившаяся на него необходимость, — и ставит выше всего дар, дарение себя или благ, которыми он обладает; единственно дар и приносит человеку славу. Обращая растения и животных своей пищей, человек, тем не менее, признает за ними священный характер, который и делает их столь на него похожими, что просто невозможно уничтожить или потребить их, не испытав при этом страха. Перед лицом любого поглощаемого (к своей пользе) элемента человек чувствовал необходимость загладить совершенное злоупотребление. Некоторым людям выпало на себе узнать жертвенное бремя животных и растений. Эти люди поддерживали с растениями и животными священные отношения, сами их не ели, одаривали ими других людей. Если им случалось что-то такое съесть, то бережливость, с какой они это делали, говорила сама за себя: они заведомо знали о беззаконном, тяжком, трагическом характере потребления. Не в том ли существо трагедии, что человек может жить не иначе, как разрушая, убивая, поглощая?

И не только растения и животных, но и других людей.

Ничто не может сдержать дело человеческое. И пресыщение возможно (если и не для каждого — многие сходят с этого пути по соображениям собственной выгоды — то для всех) только тогда, когда становишься всем.

На этом пути был сделан всего один шаг, но этот шаг привел к тому, что один человек стал порабощать других, превратил своего ближнего в вещь, которой можно владеть, которую можно поглощать, как животных или растения. Но то обстоятельство, что человек стал вещью человека, имело одно важное следствие: господин, или суверен, вещью которого был раб, удалялся из-под сени человеческой сопричастности, нарушал сообщение между людьми. Отступление суверена от общего правила привело к уединению человека, к его разорванности на куски, лишь время от времени можно было собрать человека воедино, а потом и вовсе было нельзя.

Владение пленниками, которых можно было есть, или безоружными рабами, с которыми позволялось делать все, что хочешь, поставило человека — как существо присваиваемое — в разряд объектов, которыми можно было время от времени жертвовать (точно так, как растениями и животными, уже без нарушения закона). Впрочем, случалось, что люди страдали от отсутствия сообщения, которому препятствовало уединенное существование вождя. Чтобы обеспечить возвращение к общности всего народа, убить надлежало не раба, но царя. Должно быть, людям казалось, что нет человека более достойного смерти, чем царь. Но возможность жертвоприношения сходила на нет, если царь был воином (он слишком силен). Их стали заменять карнавальными вождями (это были переодетые пленники, их баловали перед смертью).

Сатурналии, в ходе которых уничтожали этих лжецарей, на время возвращали людей в Золотой век. Все получалось наоборот: господин прислуживал рабу, а

некто, воплощавший власть царя, которая и разделяла, находил там смерть, обеспечивал сплавление всех и вся в единой пляске (в единой тоске, за которой следовал вихрь единого наслаждения).

В жертвоприношении, что правда, то правда, мало чистой поэзии: человека предают смерти, раб так и остается рабом. Гнет рабства только усиливается человекоубийством. Здравый смысл быстро взял свое, жертвоприношение не только не умаляет, но усиливает ужас; нужны были какие-то новые решения, их и принесло с собой христианство. На кресте жертвоприношение было заклеймлено раз и навсегда как самое черное на свете преступление — возобновить его можно было только через образ. Кроме того, христианство наметило реальное уничтожение рабства: Бог (добровольное рабство) был поставлен на место господина (вынужденное рабство).

Но, в конце концов, невозможно вообразить какого-то реального возмещения злоупотреблений, которые по существу своему неизбежны (они неизбежны с самого начала, поскольку трудно вообразить себе развитие человека без рабства, они неизбежны и впоследствии, однако постепенно стали утрачивать характер неизбежности, их стали предотвращать, но это было не столько какое-то волевое решение, сколько старение этого обыкновения). Смысл жертвоприношения состоит в том, чтобы сделать терпимой — наполненной жизнью — ту жизнь, которую неизбежная скупость все время соотносит со смертью.

* * *

Раз уж я честно и наивно говорю об этой неизвестности, которая окружает меня повсюду, куда бы я ни ступил, что ничего с ней не поделаешь, что о ночи ее я знать ничего не знаю и ничего не могу узнать,

то как не вообразить себе, предположив только, будто ее занимают или злят порождаемые ею чувства, что никто более меня не достоин взыскуемой ею заботы. Мне это приходит в голову не потому, что меня так и подмывает сказать: «я сделал все, теперь могу отдохнуть», просто большая взыскательность вряд ли кому-то по силам. Но мне и в голову не придет, что я занимаю собой неизвестность (я же сказал: «предположив только»; а если и так, то налицо чистый абсурд, но, в конце концов, я ничего не знаю), по моему разумению, даже мысль об этом была бы нечестивой. Равно как в присутствии неизвестности нечестиво жить моралью (приманивать неизвестность украдкой, как грешник). Мораль — это узда, в которой держит себя вовлеченный в известный порядок человек (это то, что он знает, последствия действий), неизвестность разрывает узду, обрекает на пагубу.

Честно говоря, чтобы как следует разрушить знание, я вознес его выше, чем кто-либо другой; так и во взыскательности, утвержденной во мне ужасом морали, говорит не что иное, как гипертрофия морали. (Да и как же иначе, если отказываешься от спасения? Не корысть ли все время говорит в морали?) Разве дошел бы я до такой жизни, если бы не изведал всех поворотов самого жалкого из дедаловых творений? (В повседневности лишь мелкие людишки обходят порядочность, чистосердечие, словом, доподлинные моральные законы.)

План морали — это план проекта. Противоположностью проекта выступает жертвоприношение. Оно подпадает под власть проекта, но только с виду (или по мере вырождения). Ритуал — это обожествление потаенной необходимости (все время пребывающей в темноте). В проекте важен результат, тогда как вся ценность жертвоприношения сосредоточена в самом действе. В жертвоприношении ничего не откладыва-

ется на потом, в самый миг свершения жертвоприношение властно все поставить под вопрос, дать всему назначение, дать всему присутствие. В смерти кроется крестная сила жертвоприношения, тем не менее, чуть только начинается действие, и все уже под вопросом, все наличествует...

«Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый день зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!»— Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? — сказал один. Он заблудился, как ребенок, — сказал другой. Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? эмигрировал? — так кричали и смеялись они вперемешку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. «Где Бог? — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! Мы его убили — вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребающих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? — и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священ-

ные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!» (Ницше. «Веселая наука», III, 125).

Это жертвоприношение, плоды которого мы теперь пожинаем, отличается от других: сам устроитель не избегает удара, гибнет, исчезает вместе с жертвой. Еще раз: атеист удовлетворен обезбоженным, завершенным миром, устроителя же такого жертвоприношения охватывает тоска перед лицом незавершенного, незавершимого, навсегда непостижимого мира, который разрушает его, рвет в клочья (и сам мир разрушается, рвет себя в клочья).

Меня останавливает другое: этот мир, что себя разрушает, рвет в клочья... делает это без всякого шума, в движении, которое ускользает от человека говорящего. Отличие между этим миром и оратором кроется в отсутствии воли. Мир безумен в своей глубине, безумен, так сказать, без всякого умысла. Безумец же фиглярствует. Случается, что кто-то из нас уступает безумию, чувствует, что становится всем. Крестьянин, наткнувшийся на кучку взрыхленной земли, выдающей присутствие крота, думает не об этом слепыше, но о том, как его уничтожить; точно так же друзья несчастного, столкнувшись со знаками, выдающими «манию величия», задаются вопросом о том, какому врачу доверить больного. Я отдаю предпочтение «слепышу», в драме он играет заглавную роль: устроителя жертвоприношения. Именно безумие, мания величия заставляет человека взять Бога за горло. И что сам Бог проделывает с простотой отсутствия (лишь безумец понимает, что настал час рыданий), безумец совершает с криками бессилия. И крики эти, это сорвавшееся с

цепи безумие, — что это, как не кровь жертвоприношения, кровавого действа, в котором, как в древних трагедиях, под занавес вся сцена устилается трупами?

* * *

Усилие нужно, когда тебе изменяют силы. Именно в такое мгновение все рассеивается — вплоть до правдоподобия мира. В конце концов, надо было все увидеть безжизненными глазами, стать Богом, иначе нам никогда не изведать, что значит гибнуть, что значит ничего не знать. Ницше долго продержался на вершине. Когда пришло время уступить, когда он понял, что все приготовления к жертвоприношению завершились, ему не оставалось ничего другого, как радостно сказать: Я есмь Дионис и т.д.

К чему примешивается любопытство: было ли ницшевское понимание «жертвоприношения» неглубоким? ханжеским? каким-то еще?

Все случилось в божественном смятении! Единственно «невинность», слепая воля спасают нас от «проектов», заблуждений, к коим ведет скаредный глаз различения.

Находясь под впечатлением известного видения вечного возвращения, Ницше, уступая силе чувств, и смеялся, и трепетал. Он слишком много плакал: это были слезы ликования. Идя через лес, вдоль озера Сильваплана, он остановился «у могучего, пирамидально нагроможденного блока камней, недалеко от Сурлея». Воображаю себе, что я тоже бреду к этому озеру, и у меня наворачиваются слезы. Не то чтобы я нашел в идее вечного возвращения какую-то малость, которая могла бы взволновать и меня. Самым очевидным образом в этом открытии, которое должно бы выбить у нас почву из-под ног, — в глазах Ницше единственно перевоплотившийся человек смог бы преодолеть

ужас открытия — является то, что оно вовсе не затрагивает воли. Объектом его видения, заставившим его и смеяться, и трепетать, было не возвращение (даже не время), но то, что обнажило возвращение, — невозможная глубина всего на свете. И глубина эта, как бы до нее ни добираться, остается все время той же самой, поскольку она и есть ночь — узрев ее, нельзя не сгинуть (извести себя до белого каления, потерять в экстазе, в пылу).

Остаюсь безразличным, стараясь воспринять разумное содержание ницшевского видения и через него понять, как оно его терзало, вместо того чтобы заметить об этом понятии времени, которое ставило под сомнение всю жизнь, вплоть до последней крохи ее смысла, что оно-то и лишило его всякой устойчивости и заставило жить так, чтобы видеть то, что видят при гибели (как он увидел это впервые в тот день, когда понял, что Бог был мертв, что он сам Его убил). При желании я мог бы вписать время в гипотезу круговращения, но это ничего не изменит: всякая гипотеза о времени выматывает душу, имеет смысл только как средство доступа к неизвестности. И уж совсем неудивительно, что по ходу экстаза, как и в науке, возникает иллюзия знания и обладания (облачаю, насколько возможно, неизвестность известностью).

Смех сквозь слезы. Умерщвление Бога — это жертвоприношение, которое, заставляя трепетать, вызывает у меня смех, ибо в этом действе я гибну точно так же, как жертва (тогда как жертвоприношение Человека несло спасение). В самом деле, вместе с Богом, вместе со мной гибнет нечистая совесть устроителей жертвоприношения, от жертвы уклонявшихся (смятение пугливой, но настырной души, уверившейся, дело ясное, в вечном спасении, кричащей, что она-де недостойна).

С виду все так, что жертвоприношение, в котором в жертву приносится разум, совершается лишь в вооб-

ражении и не влечет за собой каких-то кровавых последствий или чего-то в этом роде. Но если что-то и остается жить, то лишь по недосмотру — словно забытый цветок на сжатом поле.

Если хочешь, можешь пойти дальше. И тогда-то в самом конце пути начинают маячить неизвестность и невозможность. Но ты чувствуешь себя таким одиноким, что одиночество будет тебе второй смертью.

Если идти до конца, надо извести себя, выдюжить одиночество, перетерпеть, нужно отказаться от признания, быть выше этого, быть так, словно тебя нет, словно у тебя нет ума, воли, надежды, словно ты не здесь, а где-то там. Мысль же (из-за того, что кроется в ее глубине) следует похоронить заживо. Я выпускаю ее в свет, заранее зная, что она не будет признана, ибо должна быть такой. Надо, чтобы кончилось ее брожение, чтобы она затаилась и старела в каком-нибудь уголке, не помышляя о какой-то там чести. Я и она вместе со мной должны сгинуть в бессмыслии. Мысль — это руина руин, ее разрушения не передашь толпе, оно взывает к тем, кто посильнее.

Крайнее движение мысли должно предстать во всей наготе: посторонним действию. Действие имеет свои законы, свои требования, коим отвечает мысль практическая. Доходя до самой дали в искании далеких возможностей, независимая мысль не может не оградить себя от поля действия. Если действие — это «злоупотребление», то мысль бесполезная — это жертвоприношение, «злоупотребление» должно иметь свое место, свои права. Если включить жертвоприношение в цикл целесообразной деятельности, то оно тоже может иметь смысл: оно не только не отрицает злоупотребления, оно делает его возможным (скаредное потребление выращенных богатств становится возможным лишь по завершении расточительных праздников первого урожая). Но равно как независимая мысль от-

казывается судить о поле действия, так и практическая мысль, в свою очередь, не может выставить свои правила в деле продолжения жизни на дальних краях возможности.

Последствия одиночества. «Всякий глубокий ум нуждается в маске, — более того, вокруг всякого глубокого ума постепенно вырастает маска, благодаря всегда фальшивому, именно плоскому толкованию его слова, каждого шага, каждого подаваемого им признака жизни» (Ницше. «По ту сторону добра и зла», 40).

Замечание о тонической стороне одиночества. — «...и само страдание они считают за нечто таксе, что должно быть устранено. Мы же, люди противоположных взглядов, внимательно и добросовестно относимся к вопросу — где и как до сих пор растение «человек» наиболее мощно взрастало в вышину — полагаем, что это случалось всегда при обратных условиях, что для того опасность его положения сперва должна была разрастись до чудовищных размеров, сила его изобретательности и притворства (его «ум») должна была развиться под долгим гнетом и принуждением до тонкости и неустрашимости, его воля к жизни должна была возвыситься до степени безусловной воли к власти; мы полагаем, что суровость, насилия, рабство; опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, хитрость искусителя и чертовщина всякого рода, что все злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствуют возвышению вида «человек», как и его противоположность» (Ницше. «По ту сторону добра и зла», 44).

Есть ли более приглушенное, более беззвучное, более подземное одиночество? В темной безвестности прерывается дыхание. Жертвоприношение — это последняя капля в море всех на свете агоний.

Если я смог изведать тишину другого, я есмь, именно я, Дионис, я есмь распятый. Но разве можно так забыть свое одиночество...

* * *

Последнее озарение: я слеп, кромешная тьма — так и остаюсь в слепоте. И там и здесь только то, что я вижу: тапки, кровать...

В облачном безмолвии сердца и грусти пасмурного дня, в этом необъятном просторе забвения, предстающем моей усталости ложем болезни, а скоро и смерти, мою руку, что в бессилии свесилась вместе с простынью с кровати, трогает проскользнувший сюда солнечный луч, тихо умоляя меня поднять ее и поднести к глазам. И все мои жизни, как толпа в предвкушении чудного мгновения всеобщего праздника, словно бы очнулись во мне, вышли из оцепенения, вырвались, безумствуя, из долгого тумана, в котором пребывали, уверив себя в собственной смерти. В моей руке цветок, я подношу его к губам:

На вышине небес
Меня славят, я слышу их голоса, ангелы.
Под солнцем я есмь ползучий червь,
Маленький и черный катящийся камень
Меня настигает,
Раздавив каблуком
Смерти.
В небе
Беснуется, слепит
Солнце.
Я кричу: «Он не посмеет» — он смеет.

Кто есмь я?
Не мое «я» — нет-нет!
Но пустыня необозримой ночи,
В которой я есмь,
Которая есть
Необозримость ночи, одурь,

Мимолетное безвозвратное ничто,
Скончавшееся,
Так и не узнав
Ответа.

Истекающая грезами
Солнечная
Губка —
Углубись в меня,
Дабы я более не знал
Ничего, кроме этих слез.
Звезда...
Я есмь она.
О смерть,
Громовая звезда!

Безумный набат моей смерти —
Поэзия,
Не такая уже мужественная,
Но нежность.
Ухо услады —
Раздается вопль паствы
От одной дали к другой.
Гаснет факел...

На теплой ладони я умираю, ты умираешь, где это он, где это я — не до смеха. Я умираю мертвее смерти в чернильной ночи, стрелой вонзившейся в него.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Жан Делюмо, Джеймс Джордж Фрезер

ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЖАСА

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *А. Б. Марычев*
Компьютерная верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *И. А. Носкова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Подписано в печать 11.06.2009.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 3000 экз. Заказ №4931008

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Одни из самых навязчивых страхов — страхи перед иррациональными и потусторонними силами. Ж. Делюмо и Д. Фрезер в своих работах анализируют именно такие страхи, характерные для всей истории человечества.

Ужас перед призраками, живыми мертвецами, ведьмами и колдунами, дьяволом и демонами долгое время господствовал в обществе, продолжает он жить и сейчас. Ж. Делюмо и Д. Фрезер с разных точек зрения показывают эволюцию этого ужаса, делают попытку идентифицировать его, а также выяснить причины его необыкновенной устойчивости.

ISBN 978-5-9265-0656-0
